

3-й ТОМ

★ ПОБЕДИТЕЛИ

ПОДЛИННЫЕ ИСТОРИИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ,
РАССКАЗАННЫЕ САХАЛИНСКИМИ ВЕТЕРАНАМИ

2017

*Великой Победе,
70-летию Сахалинской области
посвящается*

Победители

Издательство: ООО «ПСП», г. Владивосток

Тираж 1000 экз.

Идея проекта – Георгий **КАРЛОВ**

Главный редактор – Оксана **СЕМЕНОВА**

Истории записали: Юлия **ВЯТРЖИК**, Мария **АГИЕНКО**, Анна **ЖУПЕРИНА**,
Оксана **СЕМЕНОВА**, Надежда **ГЛУШКОВА**

Дизайн и верстка – Анна **МАДЬЯНОВА**

Фотограф – Роман **ФАТЫХОВ**

Истории о ветеранах ВОВ для публикации в четвертой части альманаха «Победители» можно направлять по адресу: 693000, Сахалинская область, г. Южно-Сахалинск, Коммунистический пр., 39, оф. 210, тел.: (4242) 469-304, 8 (914) 769-42-06

3-й ТОМ

ПОБЕДИТЕЛИ

Подлинные истории
о Великой Отечественной войне,
рассказанные сахалинскими ветеранами

СТОЛИЦА

Альманах издан при содействии
ТДЦ «Столица»

Предисловие

Сложно спорить с законами жизни, и все-таки мне, моей команде единомышленников, готовивших этот выпуск, бесконечно жаль, что люди, про которых мы пишем в этом третьем выпуске альманаха «Победители», уходят. Потери происходят буквально на наших глазах. Так произошло с Марией Васильевной Безрук, которая ушла из жизни через две недели после нашего с ней интервью. Горько терять этих мужественных, сильных, прекрасных ду-

Георгий Карлов во время акции «Бессмертный полк»

*Баклаушев с ветеранами Смирныховского района.
Вторая половина 1980-х гг.*

хом людей. Но тем ответственнее наша работа по сбору теперь уже драгоценных материалов воспоминаний о тех событиях, которые, безусловно, отразились на судьбах каждой семьи нашей Родины.

Думая о Великой Отечественной войне, я всегда вспоминаю о близких мне людях, которые были непосредственными свидетелями и участниками тех страшных событий. В их числе Александр Петрович Баклаушев, дед моей жены. Он родился в 1921 году, окончил школу, работал, а в 1940-м 19-летним пареньком ушел служить в армию. Жил он на Дальнем Востоке, там и служил до 1945 года, а в августе был отправлен на Сахалин. Освобождал поселки Смирных, Победино, Первомайское, за бои на Харамитогских высотах получил высокую награду – орден Красной Звезды. Был награжден медалью «За победу над Японией» и орденом Отечественной войны II степени. А после демобилизации в 1946 году остался на Сахалине, работал шахтером в Горнозаводске, рыбачил в Александровск-Сахалинском районе, заведовал ЖКХ в Буюкловском леспромхозе, много лет председательствовал в Совете ветеранов Смирныховского района. Его не стало в феврале 2003 года, но память о нем живет в наших сердцах. Это была большая, трудная, но и счастливая жизнь, достойный пример для ныне живущих.

Третий альманах – это 32 историй, рассказанных сахалинцами, которые воевали на фронтах Великой Отечественной, переживали ужасы оккупации,

Александр Баклаушев

самоотверженно трудились в тылу, восстанавливали страну после войны, работали, любили, рожали и поднимали детей. В числе наших героев – ветераны Великой Отечественной войны, участники боевых действий на Дальнем Востоке, воины, освобождавшие Южный Сахалин и Курилы, ветераны трудового фронта, дети войны.

Кроме этого в третьем выпуске альманаха «Победители» мы продолжили традицию, заложенную во втором выпуске, – бирюзовые страницы. На них мы поместили воспоминания земляков о своих родственниках, воевавших и работавших в тылу. И впервые мы опубликовали в альманахе подлинные фронтовые письма, которые писал своим родным солдат Илья Барковский, погибший в 1943 году.

Этот год юбилейный для нашего островного региона. Сегодня исполнилось 70 лет со дня официального появления Сахалинской области, уникальной в своем роде. В ее истории, наверное, как нигде в другом крае нашей страны, было столько перемен: от российского освоения отчаянными мореплавателями, царской каторги и японского правления до советского строя и нынешнего взлета экономического развития на фоне освоения нефтегазовых месторождений. Эти этапы мы постарались отразить в наших традиционных исторических справках. Думаю, что следующий альманах мы еще в большей степени посвятим победителям именно труда, тем кто построил основу для экономики нашего дня.

Как и в предыдущих книгах, мы постарались сохранить речь героев в подлинном виде с минимальной редакторской правкой. Радует, что в работе над третьим выпуском альманаха «Победители» приняли участие специалисты музейно-мемориального комплекса «Победа» и Сахалинского областного краеведческого музея. Наша команда искренне им благодарна.

«Победители» приняли участие специалисты музейно-мемориального комплекса «Победа» и Сахалинского областного краеведческого музея. Наша команда искренне им благодарна.

Депутат Государственной Думы РФ
от Сахалинской области Георгий Карлов

Г. Карлов

Мария Васильевна БЕЗРУК

Родилась 7 ноября 1923 года в Тамбовской области, село Степанищево. После окончания десятилетки поступила в медицинскую школу. Когда началась война, работала санитаркой в госпитале. Вскоре получила повестку в военкомат. Окончила трехмесячные курсы связистов в Чебоксарах, в 1942 году прибыла на Юго-Западный фронт в отдельный батальон связи морзисткой и санитарным инструктором, затем воевала на 3-м Украинском фронте. Демобилизовалась в 1944 году. Награждена медалью «За победу над Германией», орденом Отечественной войны II ст. В 1954 году вместе с мужем завербовалась на Сахалин. Работала в Александровск-Сахалинском районе, затем переехала в Южно-Сахалинск.

Мария Безрук. 1942 г.

Крепкая семья, счастливое детство

Жили мы хорошо. Отец у меня работал машинистом. Вначале жили в селе, а когда он закончил учиться, его перевели в Мичуринск, на станцию Кочетовка. Дали очень хорошую квартиру, трехкомнатную сталинку с высокими потолками. Нас у отца и матери было пятеро, мама не работала, семью обеспечивал отец. Он у нас был труженик. Имели хозяйство, коров привезли из деревни, и все для нас было построено государством. С родителей никаких денег за это не брали. Каждому выделили землю под огородик, посадили деревья: яблони, сливы, вишни – чего только не было! Оно и понятно: Тамбовская область, чернозем. Мы, дети, учились в железнодорожной школе, все были очень активные и очень любили свою страну.

Война

Мы с подругами и младшим братом пришли с танцев. Постелили себе под рябичкой во дворе, чтобы родителей не будить, платья на ней развешали, улеглись, уснули. Крепко спим, и тут мама открыла окно и кричит: «Вы что лежите?!», а сама плачет. Мы спрашиваем: «Что такое?», а

07.11.1923 г. – 18.06.2017 г.

она кричит: «Война, война началась, поднимайтесь быстрее!» Мы, конечно, в недоумении, чего она переживает, ведь война скоро закончится, мы об этом песни пели, что броня крепка и танки наши быстры! «Не плачь, – говорим, – завтра-послезавтра не будет войны!» А она качает головой: «Ой, глупые... Собирайтесь» – и дает мне, старшей сестре и брату деньги: «Идите в универмаг, каждый по 10 килограммов соли принесите». Мать уже одну войну пережила, знала, что это такое. Мы пошли, народу еще не было, купили соли, принесли домой. Мать посмотрела и говорит: «Мало. Идите, возьмите еще соли, спичек

Фотохроника ВОВ

и мыла хозяйственного». Список написала, и мы опять пошли в магазин. Уже соль выдавали по-немногу, но мыла и спичек дали, сколько просили. А потом народ все разобрал.

Повестка

Я, когда окончила 10 классов, собиралась учиться. У меня документы были поданы в меди-

цинскую школу. А тут какое учение? И я устроилась санитаркой в госпиталь, который открыли в нашей школе, и все мои подруги тоже. Не помню, сколько времени прошло, вызывают меня в райком комсомола. Мы с подругами едем в Мичуринск, и в райкоме нам говорят: «Девушки, готовьтесь, вам скоро сообщат, когда явиться в военкомат». Приехали домой, и через несколько дней пришла повестка. Там написано было, что с собой брать: сухари, ложку, кружку, белье. Я пошла в госпиталь, показала повестку, чтобы меня не считали прогульщицей, и мне выдали расчет, две буханки хлеба и две больших селёдины.

Учебка

Приехали мы в военкомат, все девушки одеты, конечно же, по-граждански, нас тут же погрузили в вагоны, и мы поехали. В дороге давай знакомиться. Привозят нас в Чебоксары. Я думала, что мы поедем сразу же на фронт, но нет. Сколько месяцев – врать не буду, не помню, давно это было – учили нас на морзистов. Учение это,

конечно, трудоемкое, работали на ключе. Три месяца, наверное, поучились. А потом отобрали тех, кто научился читать, принимать, передавать сообщения, и поехали мы на войну. Провезли нас мимо моего родного города в Борисоглебск. Там формировалась 1-я гвардейская армия. Но мы тогда об этом не знали: война идет, все в секрете, ничего не говорят – что будет, куда едем, только все подгоняют. Надо спешить, враг наступит! В Борисоглебске продолжали тренироваться на ключе, все ждали отправки на фронт. Мы хотели на передовую и совсем не боялись. Молодежь была настроена биться за свою державу,

Фотохроника ВОВ

Фотохроника ВОВ

освободить ее, немцев прогнать. Конечно, были всякие. Но большинство шли в военкоматы, там не успевали повестки раздавать.

Боевое крещение

В 1942 году зимой из нас сформировали отдельный батальон связи и отправили на фронт. Среди нас были телеграфисты-этисты (аппарат связи СТ-35), бодисты (аппарат связи Бодо), морзисты (телеграфный ключ Морзе). Когда подошли машины, командир роты рассадил всех отдельно – тут морзистки, там этистки, и так далее. Командир наш был старший лейтенант Руденко Петр, мы его Петрусей звали. Очень добрый, хороший человек. И вот нас рассадили, и тут кто-то сказал, что я еще и санитарка. Тогда замкомандира роты говорит: «Ну-ка, Бочериха, выходи-ка на другую машину. Тут тесно, а там посвободнее».

...Потом выяснилось, что наши морзистки в плену. Машину захватили румыны, всех высадили и расстреляли в затылок. А тут наши подъехали. Ой, как увидели девичьи трупы, они там взбесились! И всех румын уложили на месте.

А у меня с одной стороны сумка санитарная, с другой – сумка, а за спиной – вещмешок. Конечно, на кого я была похожа? И фамилия подходящая – Бочарова, потому и Бочериха. Я пересела и поехала с этистками. И вдруг, откуда только взялся, буран! Едем и не знаем куда. И в этой кутерьме потеряли машину морзистов, никак не найдем.

Потом выяснилось, что наши морзистки в плену. Машину захватили румыны, всех высадили и расстреляли в затылок. А тут наши подъехали. Ой, как увидели девичьи трупы, они там взбесились! И всех румын уложили на месте. Это было наше первое боевое крещение. Происходило это в районе Донского фронта.

Фронтные будни

А потом потекли фронтные будни. Стреляли, отстреливались, работали. Занимались шифровками. Каждое слово – из пяти цифр. Составляли и передавали. А если нужен был санинструктор, меня, конечно, посылали. Но у нас раненых почти что не было. Просто болели. До передовой мы так и не дошли. Три километра – дальше нас не пускали. А потом, не помню, в каком году, командир нашей дивизии запретил девушек туда отправлять. Только в расположении полка. Нас берегли, потому что очень много девушек перестреляли. Ребята опытные, а мы-то вороны! Все ртом ловили. Кто без руки остался, кто без ноги, кто без глаз. При обстрелах землей засыпало. Особенно страшно было, когда большие пушки стреляли, гаубицы, как мы их называли. И очень страшно, когда «ванюши» стреляли, это немецкие минометы.

Про любовь

Со своим полком я дошла до Одессы. А потом... Кто нас судил, кто нет. Мы, девочки и мальчики, были молодые, любовь у всех, ведь

Фотохроника ВОВ

Безрук Степан, муж Марии Васильевны, 1945 г.

она не горит, не тает, расстрелять ее невозможно. И как бы тяжело на войне не было, а любовь была. Вначале на фронте очень строго к этому относились, но любовь ведь не арестуешь. Сходились молодые, и командир полка издавал приказ, что такой-то и такая-то считаются мужем и женой. Так вот и со мной получилось, и из Одессы меня отправили домой рожать. Это был 1944 год. А муж мой Степан остался на фронте. Уехала я, а тут и война кончилась. Ребята и девочки мне с фронта писали, что наш полк дошел до Кенигсберга. Очень много однополчан погибло...

Горький вкус Победы

9 мая я была у мамы в Мичуринске. Вышла утром на крылечко, а народ уже ликует! У нас ничего не было, кроме радио, тарелки висели на столбах, никогда не выключались. Какая нормально говорит, какая трещит... Вот по ним люди и услышали, что война кончилась. Все выскочили на улицу, кричат, кто танцует, кто плачет, ведь у многих родные погибли на фронте. У меня в родне пять человек домой не вернулись, еще трое погибли под бомбежками. Как говорили потом бабушки про моих двоюродных братьев, погибли парни нецелованные, некогда им было влюбляться... А родные мои братья вернулись. И младший, и старший. Они на Западном фронте воевали и в Монголии. Его призвали в 1938 году, а демобилизовался он только в 1945-м. Отца моего призвали после меня. Он был лыжник, ПТР-вец, это противотанковое ружье, которое двое обслуживают, и оба на лыжах. А отец мой деревенский, лыж никогда не видел. Ранило его в ногу, и ему ее отрезали, 19 сантиметров ноги осталось. И обижаться не на кого... Так мой отец в 43 года стал инвалидом. Это сейчас на нас внимание обращают, и пенсия хорошая, а тогда ничего такого не было.

Вербовка

Муж Степан у меня военный, артиллерист, пулеметчик, минометчик. Перед концом войны его, молодого офицера, отправили учиться в Баку, в Азербайджан. А после послали служить на турецкую границу.

Мы там ютились в землянке с маленьким ребенком. Потом мужа перевели в Ленинкан, далее в Тбилиси. Жили очень тяжело, на съемной квартире. Когда Сталин умер, в армии по приказу Берии прошло большое сокращение. Мужа моего уволили, и уехали мы в Мичуринск. Было трудно и с жильем, и с работой. Как-то идем по улице, смотрим, написано «Вербовочный пункт». Я пошутила: «Давай зайдем, да и завербуемся!» А там начальником мой знакомый, Федя. Он и говорит: «Давайте я вас по благу на Сахалин отправлю, туда трудно попасть». Мы подумали и согласились. Вот так мы в 1954 году попали на Сахалин.

Сахалинская жизнь

Вначале жили в Мангидае. Там познакомилась с участником войны Героем Советского Союза Михаилом Ермолаевичем Волковым, с женой его Татьяной, с дочкой. Мужа взяли в лес десятником, потом он выучился на нормировщика, а я сидела дома. А тут как-то главный бухгалтер меня вызывает. Пошла. Мне говорят: «Марья Васильевна (впервые в жизни меня по имени-отчеству назвали!), у нас кассир заворовалась, поставить некого, а вот-вот зарплата. Принимайте кассу». А я с деньгами никогда, кроме мужниной зарплатой, дела не имела! Но уговорили, села в кассу, привезли два мешка денег. Я в обмороке! Но что делать? Справилась. До самой ночи выдавала деньги, и все сошлось. Недостача — всего-то 93 копейки. Так я стала кассиром. Потом переехали в Хоэ, там работала завскладом. А когда мужа перевели в Александровск-Сахалинский, стала работать в Доме культуры кассиром, а потом страховым агентом, очень скоро стала бригадиром и очень хорошо трудилась. Так вот и жила...

Мария Демьяновна ВАГАНОВА

Родилась 15 августа 1925 года на Украине, в деревне Покутанцы Хмельницкой области. Перед войной переехала с семьей в Каменец-Подольский. В начале войны была эвакуирована в Воронеж. Волею судьбы попала в штаб 1-го Украинского фронта и осталась там служить вольнонаемной. Победу Мария Ваганова встретила в Германии. Награждена орденом Великой Отечественной войны, медалью «За победу над Германией», орденом Славы II ст. На Сахалин приехала в конце 60-х. Жительница города Корсакова.

Мария Ваганова. 1970-е гг.

Детство

Родилась я в большой семье, нас было шестеро детей. После последних родов мама тяжело заболела. Плохо помню ее похороны, и совсем не помню, какая она была с виду и по характеру. После смерти матери отец и старшие сестры подались на заработки в город. А я и двое моих братьев остались в деревне. Помню постоянное чувство голода, хорошо, соседи сердобольные подкармливали. А через год отец привел в дом мачеху. Она была злая, держала нас впроголодь, даже хлеб запирала в сундуке. В школу мы не ходили, пока не переехали в Каменец-Подольский, туда перевели отца. Я поступила в первый класс, немного поучилась, и бросила, не в чем было ходить. Валенки дырявые, чтобы ноги не зябли, подкладывала в них солому. Пока до школы дойду, она вся вылезает наружу. Так и осталась неграмотной. В 9 лет мачеха определила меня в прислуги в еврейскую семью. Работа была тяжелая, но хозяева меня жалели, угощали хлебом с маслом, и деньги давали. Мы на них с братьями пятаку покупали, я до сих пор ее вкус помню...

Война. Эвакуация

Когда началась война, нас сильно бомбили. И вот собрали молодежь гамузом, посадили

15.08.1925 г. – 06.12.2011 г.

в вагоны и отправили в тыл, потому что невозможно было жить под бомбежками этими. Все горело, люди кричали... Доехали мы до Воронежа. Там станция такая была, Тулиново. А наш поезд сильно разбомбили, и военный эшелон тоже, просто в крошечку. Много раненых, много погибло, нас осталось всего несколько человек. Со мной было три девушки, мы оборватые такие, в лес спрятались. Потом нас подобрали, привели в милицию, а у нас ни бумажки, ничего нет! И они не знали, кто мы такие. Отправили нас в деревню, в колхоз. Поселили на квартиру, распорядились, чтобы нам продукты давали - крупу, муку, картошку. Меня определили в ясли, поработала там немножко.

Вольнонаемная

А потом у нас в деревне разместился штаб Воронежского фронта. Девчонки пошли туда, и их взяли служить, они были такие шустрые, высокие. А я маленькая, забитая деревенская девчонка, меня не берут. Я села у них там в колдоре и плачу! Выходит, не знаю кто, майор или капитан, спрашивает: «Что, девочка, плачешь?» «Да как мне не плакать, – говорю, – у меня нет никого, ничего нет, а я хочу тоже идти в армию служить!» Он говорит: «Девочка, да ты ж маленькая. Сколько тебе лет?» Я говорю: «Шестнадцать». Он ушел, потом еще раз выходит – я все сижу плачу. Потом на третий раз вышел и говорит: «Девочка, пойдем со мной». Я пошла, и меня взяли в штаб. А пожалел меня генерал Николай Федорович Ватутин, у него самого двое детей-подросточков, вот он меня и взял. Было это в августе 1942 года, и всю войну я с ними прошла. Дала присягу, честь по чести, как положено, сказала, что буду работать честно, хорошо, никому на стороне не буду ничего рассказывать и буду служить Советскому Союзу.

Штабная работа

Меня оформили как вольнонаемную. Сначала в столовой работала, посуду, полы мыла, со столов убирала. А потом перевели в штат obsługi генерала Ватутина. Я там и мыла, и стирала, и готовила, и на стол подавала, и там я работала всю войну, от 1942 по 1945 год. Свободное время, конечно, было, даже иногда на велосипеде каталась, на лыжах. Но праздников мы не видали. Как-то даже на гауптвахте посидела немножко. Надо было выехать на позицию, а я проспала. День посидела, на вечер отпустили.

Генералы

Что я про Ватутина могу сказать? Он был небольшой, невысокий. Интересный, хороший

человек. Я тогда многого не понимала, деревенская девчонка, неграмотная, но там мне было хорошо, меня там любили, потому что я добросовестная была, все умела делать. Потом генерала ранили, он болел долго, мы в Киев переехали с ним, он в госпитале лежал, но не выздоровел, умер. Похоронили мы его, и нас опять отправили в штаб. Вместо Ватутина уже был генерал Иван Степанович Конев. Когда были в Киеве, видела я там и Хрущева. Все его звали Никитушкой.

Хорошие люди, как и должно быть. Но больше рассказать мне о них нечего, я с генералами говорить да шутить не могла. С Ватутиным все время была, а Конева совсем мало видела, раза три или четыре. По ночам генералы над картами сидели, днем на позицию выезжали, на передовую. А мы свое дело делали, старались для Победы, чтобы кончилась война. Только что на передовой линии я не стреляла, а так все было. И бомбили сильно нас, в окопе прятались, а как же! Помню, генерал

Фотохроника ВОВ

ТЫ БУДЕШЬ ЖИТЬ СЧАСТЛИВО!

ВИКТОР ИВАНОВ-1944

стоял за картой, и вдруг пол-угла дома отвалилось. Так бомбили нас в Белгороде. Что там еще на войне может быть?

Победа

День Победы я встретила в Германии, в каком городе – не помню. Проснулась от того, что все вокруг кричат. Не знаю, что такое, и вдруг слышу – война кончилась! Радость большая была. Мечтали, что скоро дома будем, скоро увидим своих. Меня домой хорошо отправили, на легковой машине. А там уже я пошла по свету кругом...

Дорога на Сахалин

Вернулась домой, с мачехой не ужилась и уехала в Донецк. Там вышла замуж, он геологом был, моталась с ним по всей стране: и в Киргизии была, и в Молдавии, и в Узбекистане. Все профессии освоила, только что стюардессой не была. Но не заладилась наша семья, и уехала я к своей старшей сестре на Сахалин. Она вместе с мужем тут воевала с японцами. Приехала – пошла в моря, семь лет ходила на разных судах. А потом устроилась в детский садик и работала там до самой пенсии.

Память

Вот такой мой путь фронтовой – от Воронежа до Берлина. Ну что я могу сказать о войне, когда вспоминаю или в телевизоре вижу? Вся больная, не сплю ночами... Но плохо мне там не было.

Фотохроника ВОВ

Плакат В. Иванова. 1944 г.

Южно-Сахалинск

Южно-Сахалинск – административный центр Сахалинской области, образует муниципальное образование «Городской округ «Город Южно-Сахалинск». Население – 194882 чел. (2017 г.). Административное устройство и территориальное деление Южно-Сахалинска менялись в зависимости от исторических условий. Основанное в 1882 году селение Владимировка, на месте которого впоследствии вырос город, входило в состав Корсаковского округа.

После захвата Южного Сахалина японцами в 1905 году в административном отношении он стал главным городом губернаторства Карафутто. В августе 1915-го Владимировка была переименована в город Тойохару. После освобождения юга Сахалина от японцев Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1946 года на территории Южного Сахалина и Курильских островов была образована Южно-Сахалинская область в составе Хабаровского края. Административным центром её стал город Тойохара, переименованный в город Южно-Сахалинск 4 июня 1946 года.

В советское время город успешно справлялся с трудовыми пятилетками и был на хорошем счету у руководства страны, о чем свидетельствуют высшие награды советского правительства: орден Ленина, орден Трудового Красного Знамени и орден Дружбы народов.

Современное руководство города Южно-Сахалинска продолжает славные традиции. Сегодня областной центр занимает первое место на Дальнем Востоке по строительству жилья, дорог, школ и детских садов. Он входит в рейтинг 20 самых популярных городов России среди иностранных туристов.

Первый митинг на привокзальной площади г. Южно-Сахалинска. 1946 г.

Мозаичное панно возле администрации города Южно-Сахалинска

Алексей Васильевич ВЕТРОВ

Родился 17 марта 1926 года в Полтавской области. В 1944 году добровольцем ушел на фронт. Участвовал в обороне Ленинграда. Воевал на Финском, затем на 2-м Украинском фронтах. В феврале 1945 года попал к фашистам в плен. После освобождения был отправлен на Колыму. Освободился в 1952 году, спустя 10 лет приехал на Сахалин. Награжден орденом Великой Отечественной войны. Избран председателем Поронайского Совета ветеранов войны, труда и правоохранительных органов. Почетный гражданин Поронайского района.

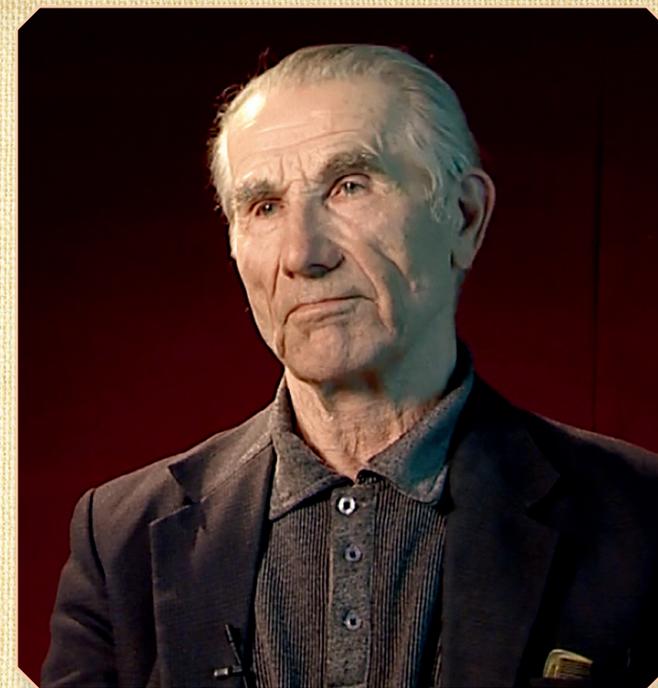
Алексей Ветров. 1944 г.

Доброволец

Когда мне исполнилось 17 лет, я отправился в военкомат, чтобы добровольцем уйти на фронт. Меня оставили там нести гарнизонную службу, а в марте 1944 года, перед днем рождения, меня призвали. Отправили на оборону Ленинграда в отдельный зенитный полк. Там я служил недолго, примерно до июня 1944 года. Наш полк стоял на территории Кировского завода. Немцам тогда уже было не до Ленинграда. За четыре месяца мы только один раз открывали огонь. Появился немецкий самолет, и мы по нему стреляли, но не попали. Тогда даже налетов на Ленинград уже не было. Там я заболел, после госпиталя меня отправили на пересыльный пункт, а оттуда в район Выборга, на Финский фронт пехотинцем. Спустя время нас перебросили на 2-й Украинский фронт.

Вопрос к командирам

Мы шли во втором эшелоне. Остановились в каком-то селении. Нам сказали, что мы подменим передовые части, которые уйдут на переформирование, и займем передовые позиции. Но перед этим поступил приказ взять занятое немцами село. Бросили на штурм те ча-

Родился 17 марта 1926 года

сти, которые мы должны были ночью сменить. Началось наступление, и в результате батальон потерял почти 80 человек. То есть там почти никого не осталось, и нас решили, не дожидаясь ночи, отправить на позиции. Отправили, и немец нас так прижал огнем, что мы подняться не могли, и это продолжалось до темноты. А ночью к нам пробрался командир роты и говорит, что надо выяснить обстановку, что делается в этом селе. И меня с одним красноармейцем туда послали в разведку. Мы пошли, и оказалось, что там немцев уже нет. Я хочу подчеркнуть этим примером, что немцы до последнего очень умело вели войну и берегли свои людские резервы. Как они делали: оставляли заслон, это несколько пулеметов и пара пушек. Они поливали наступающих шквальным огнем, а в

это время немцы уходили. Ночью они снимали заслон и перебирались на следующие позиции. Для чего мы положили там 80 человек – непонятно. Я и тогда, когда мне было 18 лет, и сейчас думаю: не берегли у нас людей. Конечно, были и хорошие командиры, но это война, и они обязаны были выполнять приказ.

Плен

Вскоре после этого случая меня ранило, я в госпитале пролежал полтора месяца, потом был переведен в другую часть. А после произошло следующее: на Одере, после его форсирования, мы заняли полсела, остановились в нем, и немец нас окружил. Батальон наш был выдохшийся, потому что мы долго наступали, и осталось порядка 200 человек. На левом берегу Одера стоял полк, но нам он подкрепления никакого не дал, помощи не оказал, и мы бились сами. Два дня сопротивлялись, осталось нас из 200 всего 42 человека, из них половина раненые, и попали мы в плен. Все. Это был февраль 1945 года. Вот так я закончил войну. Не как победитель, а как пленник.

История сопротивления

Перед тем как я попал в плен, 17 суток мы были в боевом охранении. Бывало так, что ночью не заснешь ни одной минуты, немцы были на расстоянии 200 метров. И вот подошли они под окно. У меня автомат Калашникова с диском был, а он отказал. Я нажал на крючок – и ничего. Тогда отступил на шаг назад, взял две лимонки и бросил в окно. Немцы ушли, а через два часа пустили на нас два танка. Вот так. А у меня кроме автомата и еще двух гранат больше ничего не было. На танк с этим не кинешься. Помощник у меня был новобранец, его только призвали, с Западной Украины. Когда танки подошли, я остался один, потому что он удрал. А потом мне немцы в дом кинули две ракеты. Я в кладовку какую-то спрятался, после выглянул в окно, а они уже во дворе. Я сменил на автомате диск на рожок, дал очередь, выскочил на улицу и вдоль траншеи начал отступать. Дошел до места, где был командный пункт роты, а там никого нет. Впереди меня человека четыре было солдат в траншее, потом еще двое появились, и тут танк подходит и метров с 15 бьет прямой наводкой. Это страшно. Человек в такой ситуации просто теряется. Я толкаю солдат, давайте бегите, они побежали, один проскочил, а второй упал замертво, убили его. Я кинулся бежать,

а для этого нужно было выскочить из траншеи и метров 8 пробежать, споткнулся и упал на мертвого солдата. И в этот момент выстрелили из пушки, и меня накрыло взрывной волной, землей засыпало. И все. Странно, но немцы меня не пристрелили. Я до сих пор этому удивляюсь. Они подошли, откопали меня, подняли, документы забрали, комсомольский билет. Я встал, в руке автомат держу, немец подошел, автомат забрал, и повели меня в лагерь.

*Фотохроника.
Лесоповал, Колыма*

Освобождение под стражу

Лагерь наш находился в Германии. Там очень сложно подготовить побег. А если не знаешь языка – невозможно. Так что День Победы я встретил в плену. Было ли радостным для меня освобождение из плена? Это сложный вопрос. С нами бесконечно выясняли где, чего и как. Проверяли, может, кто-то сотрудничал с немцами. И это понятно, ведь власовская армия существовала, немецкие части, состоящие из русских, тоже, поэтому шла сортировка. Потом нас колонной перевели в Австрию, и в лагерь за проволоку. А после посадили в вагоны и отправили на Колыму. А там – спецпоселение, где мне в течение шести лет даже в школу не разрешали ходить. И только отбыв срок, в 1952 году я пошел в 7-й класс, в 1957-м окончил вечернюю школу, а в 1962 году – институт.

Нерадостная победа

Мы – дети своей страны. Мы не Сталина защищали, а свою Родину. Что касается меня и тех полутора миллионов военнопленных, которые остались в живых, конечно, обида на государство у нас осталась. Ведь я добровольно пошел на фронт, когда мне было 17 лет. Я пошел Родину защищать! Война есть война. Это трудная и опасная работа. Войны без пленных не бывает, это понятно всем, но Сталин заявил, что для него нет военнопленных, а есть изменники Родины, отсюда все и пошло. Я ему после войны писал, но письмо мое к нему, конечно, не дошло. С нами в фашистском плену был один капитан, и он нам сказал: от советской власти нам особо хорошего ждать нечего. Я это на всю жизнь запомнил. Так что радости ни в день победы, ни в момент освобождения из плена у меня не было. И я до сих пор не знаю, ответил ли кто-нибудь из командиров полка, что стоял на левом берегу Одера, за то, что не оказал нам помощи в том последнем бою...

Памятник сахалинцам - жертвам политических репрессий

Сахалинская обл., Тымовский р-н, с. Верхний Армудан (16-й км автодороги Р491: пгт Тымовское – г. Александровск-Сахалинский). Памятник открыт 30.10.2005 в районе с. Верхний Армудан, где располагаются места расстрелов и захоронений жертв политических репрессий (1930–1940-е).

На передней грани выбито изображение колючей проволоки и текст: «Здесь в близлежащих лесных урочищах покоится прах тысяч сахалинцев, безвинно расстрелянных в годы сталинских репрессий. Мы глубоко чтим память об их великих мучениях».

Автор памятника – сахалинский скульптор Владимир Чеботарев. Памятник представляет собой пятиметровую пирамиду из черного мрамора. На передней грани выбито изображение колючей проволоки и текст: «Здесь в близлежащих лесных урочищах покоится прах ты-

сяч сахалинцев, безвинно расстрелянных в годы сталинских репрессий. Мы глубоко чтим память об их великих мучениях». На обратной стороне памятника – отрывок из стихотворения бывшего заключенного сахалинца Н.Е. Золотова:

*Армудан... И ты уже за гранью...
Здесь едва ли кто тебя найдет,
И твое последнее желанье -
Встретить утро - выстрел оборвет.
Многие безвестными остались,
По тайге их всех не отыскать,
Лишь деревья по утрам шептались,
Зная то, что страшно было знать.*

Ежегодно в День памяти жертв политических репрессий здесь проводятся памятные мероприятия. В 2006 году памятник был принят в муниципальную собственность и передан в оперативное управление управлению культуры и спорта МО «Тымовский городской округ».

Памятник имеет статус вновь выявленных объектов.

Памятник сахалинцам
- жертвам политических репрессий,
пгт Тымовское, автор В. Чеботарев

Вячеслав Васильевич ГАВРИЛОВ

Родился в 1926 году в городе Шахты Ростовской области. Спустя 10 лет переехал с семьей на Сахалин. В ряды Красной армии призван в 1943 году. Рядовой, стрелок 157-го стрелкового полка 79-й стрелковой дивизии. Участник Южно-Сахалинской наступательной операции. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией», «За победу над Японией». Ветеран ВОВ, ветеран труда. Входит в десятку сильнейших шахматистов-ветеранов России. В 2015 году представлял Сахалинскую область в Москве на торжественном параде, посвященном 70-летию Великой Победы.

*Вячеслав Гаврилов
в учебке 1944–1945 гг.*

Призыв

На Сахалин наша семья приехала из города Шахты Ростовской области 7 мая 1936 года. Мне было 10 лет. Отец завербовался на шахту «Октябрьская» и так всю жизнь в угольной промышленности и проработал. В поселке Октябрьском я окончил десятилетку, там же меня призвали в армию. Помню, было это 21 декабря 1943 года, из Александровск-Сахалинского военкомата пришла повестка, а поселок наш находился в 25 километрах. Транспорта не было, зима, а в военкомат явиться надо, хочешь не хочешь, и я пошел. В Александровске нас зарегистрировали, записали по частям, и к вечеру мы тронулись в путь опять же пешком до Дербинского (ныне – Тымовское), а там 69 километров. Вот тут сразу проверили, кто есть кто, кто как воспитан физически. Большинство отстало. Нас же мамы и папы нагрузили: штаны ватные, фуфайки ватные, шапка, да еще мешок здоровый, в который матери наложили хлебушка, пирожочков побольше. И вот с этими мешками мы шли всю ночь. И это было наше первое боевое испытание.

Родился 30 октября 1926 года

Служба

В Дербинском меня сразу зачислили в школу снайперов. Курсы были ускоренные: месяц – и снайпер готовый. После нас распределили по частям. Я попал в 79-ю дивизию 157-го стрелкового полка, взвод разведки. Полк наш дислоцировался на Палевских высотах, где и проходила боевая подготовка. Трудновато было. Каждый день лопату в руки, приходим на оборонную полосу. Командир взвода шагами расстояние отмеряет и командует: «Гаврилов, три метра в полный профиль выкопать!» Траншеи, окопы рыли, общи-

вали стенки жердями, чтоб не обваливались, все замаскировали, и это была работа на целый день. Ну и тактические учения, конечно. В других частях полегче было, а у нас разведка. Наш специальный взвод уходил в тайгу, в зимние лагеря. Приедем в лес, командир кричит: «Остановка, привал! Вот здесь будем жить». Рубили деревья, копали мерзлую землю, строили блиндажи, в которых жили месяц. Нас приучали к таким условиям, чтобы быть закаленными.

Проверка боем

В 1945 году в час ночи с 8 на 9 августа нас подняли по тревоге. Наш полк стоял от Онор в 39 километрах, и мы совершили марш-бросок прямо к границе. Отобрали нас 5–6 человек, я был в их числе, командир дает задание: «Пойдете в разведку!» На границу пришли, нам дали по одному пограничнику: мы-то местность не знали, а пограничникам каждый кустик был знаком. Сняли мы японских часовых, перешли границу. Так начались боевые действия и моя военная эпопея. Основные бои проходили в районе укрепленных Харамитогских высот. Там 165-й полк с одной стороны наступал и 179-й – с другой, наша задача была взять высоту Хаппо. Для этого сформировали сводный отряд, командиром поставили старшего лейтенанта Юдина Сергея Тимофеевича, который впоследствии стал Героем Советского Союза, и в этом отряде был и я.

Неожиданная встреча

Помню, делали перебежку из одной точки в другую, а тут японцы неожиданно открыли огонь из пулеметов, и пришлось прыгать в ближайший окоп. Прыгаю я и попадаю прям на чью-то спину. Смотрю, а это мой учитель русского языка! Я растерялся, удивился и говорю: «Александр Васильевич, извини! Я и не думал, что учителей на войну призывают». В моем понимании учитель

– святой, я юный был тогда, 18 лет всего. А он в ответ засмеялся. И мы двинулись дальше.

Медаль «За отвагу»

У нас оборвалась связь: провода-то по трапе проходили, и нас командир роты послал найти и устранить обрыв. А на учениях нам постоянно говорили, что раз связи нет, значит, ее кто-то повредил и, скорее всего, это сделал противник. Значит, в этом месте будет засада, и мы были к этому готовы. И вот идем мы по проводу, чувствуем, что он свободно пошел, значит, порыв здесь где-то близко. Мы приготовились и, когда к месту порыва подошли, обнаружили там засаду. Японцев скрутили, провода соединили, связь восстановили. Рассказал быстро, а на самом деле это долго длилось... Ночь, овраги, высокая трава, лопухи, тут стреляют, там бьют – страшно, жутко было. Нас трое, а японцев в засаде было пятеро, они хотели нашего языка взять, но получилось так, что мы их захватили. За эту операцию мне медаль «За отвагу» дали.

Снайпер-«кукушка»

Взяли мы в лесу одного «кукушку», завернули его в плащ-палатку, взвалили на плечи, и тащим его вдвоем, а когда притащили в штаб, смотрим – он мертвый. Мы удивились, потому что живого брали, без единой царапины. Оказалось, что пока мы его тащили, он себе харакири сделал. Мы-то простые солдаты, традиций и обычаев японских не знаем, винтовку-то мы у него отобрали, а нож припрятанный и не заметили. И пришлось нам идти нового языка брать. А как маскировались «кукушки» в лесу! Снимут с дерева кору, обмотаются ею, и стоит такой пенечек. Мимо пройдешь и не заметишь. Трава кругом, мы прошли, а он кору откинул – и очередь по нам. Когда война началась, от границы и на протяжении 100 километров к югу японцы размести-

ли своих снайперов-«кукушек». Когда наш батальон двигался по дороге, поступил приказ: «Всем офицерам снять знаки различия. «Кукушки» выводят из строя командный состав!» Все быстро

Гаврилов с другом.
Поронайск. 1946 г.

Юбилейная медаль
«За освобождение
Южного Сахалина
и Курил от японских
захватчиков»

погоны посрывали, надели солдатские шинели и пилотки. Ну кому охота, чтобы его убили?

Питание и быт

В 1943 году, когда нас призвали в армию, кормили для военного времени неплохо, люди на гражданке и этого не видели. В столовую идем – песню поем «Бой за Родину», обратно – «Лошади сытые». Завтрак начинался в 9 утра, обед – в 2 и ужин – в 7. Когда на учения уходили, там у нас полевая кухня была. А когда боевые действия начались, тут с питанием – кто как сумеет. Обычно звонят с тыла: «Присылайте солдат, кухня приехала». В большие термоса наливают обед, дают хлеб, и солдаты приносят еду на передовую. У каждого котелок свой, но бывало, что один котелок и на двоих, и на троих. У нас в рюкзак заглянешь к солдату, там масленка и кусок пакли, больше ничего нет, а у японцев и одеколон, и бритва, и сухой паёк, и галеты, и конфетки. Все как положено. У них и ранцы были – та сторона, которая к телу, меховая обязательно, а у нас – обыкновенный мешочек сшитый.

Движение на юг

Жертв много было от того, что лесистая местность, болотистая. Технику, танки не пошлешь. Японцы в укреплениях сидят и наших видят, как на ладошке. Да попробуй еще выкури японца из этого дота! Это сколько надо было Александров Матросовых, чтобы каждый дот взять?

18 августа Котонский (Харамитогский) укрепленный район был взят, и мы двинулись на юг. По пути заходили в поселки и города. В некоторых населенных пунктах вообще не было, люди побросали

Фотохроника ВОВ

Фрагмент инсталляции
из музея «Победа»,
г. Южно-Сахалинск

свои дома и ушли на юг. А там, где жители оставались, японцы встречали нас понуро, а детям интересно было. Корейцы радовались.

Пришли в Долинск, наше отделение из восьми человек poslali в район Быково. Там шахта была, и в распадке недалеко от нее, километрах в пяти, склады, где хранилась взрывчатка для горной породы. И мы несколько ночей охраняли эти склады, потому что поступила информация, что по тайге бродят вооруженные японцы, чуть ли не целый полк, и не сдаются. Комендант поселка привез нас к японскому старосте, познакомил и приказал ему нас кормить. И три дня семья

старосты готовила и привозила нам пищу. А потом оказалось, что никакого полка японского не было, в разведке кто-то с перепугу соврал. А этот склад мы использовали для хранения оружия, которое сдавало местное население, позже наглухо забили и передали другой части, которая пришла за нами.

Конец войне

3 сентября в Тойохаре был устроен парад, после окончания которого нас отправили в Корсаков. Там погрузили на пароход. Прошла молва, что нас отправят на Хоккайдо, ну, солдатские байки. А нас вопреки всем этим рассказам повезли обратно в Александровск. Когда приехали, дали нам 5 дней отдыха как победителям. А какое ликование было, когда мы приехали! Как нас встречали, с цветами, песнями, все радовались. Я сейчас иногда вспоминаю этот день, и у меня по телу дрожь приятная. Пять дней мы отдохнули, и поступил приказ о демобилизации старших возрастов. И я попал из Александровска в Поронайск (Сикучка), в военную комендатуру.

Поддержание порядка

Первое время после окончания войны, когда на одной территории жили русские и японцы, во всех населенных пунктах южной части Сахалина была власть военных. В Поронайске (Сикучка) был городской голова – японец, у него русский начальник, а над ними подполковник – комендант города. Главная его обязанность – поддержание порядка. Бегали к нам японцы, жаловались на русских солдат, некоторые безобразничали, и девушек ловили японских, и разбойничали, что там говорить, в семье не без урода. А японцы нашу комендатуру уважали, называли «О, коменданте, коменданте» – значит блюстители порядка, защитники. Они нас в гости приглашали: «Дозо, дозо», что значит «заходи к нам».

Хорошо помню случай мародерства. В Поронайске был завод Кабояси по изготовлению sake. Прибегают ко мне в комендатуру несколько японцев, кричат, руками машут, зовут на завод. Прихожу и вижу: стоят большие чаны, литров по 500, деревянные, в которых закваска готовилась для sake. Оказалось, наши солдаты залезли на чаны и ковшами пили эту закваску, да так, что двое в чан свалились и утонули. С остальных мы сняли обмотки, забрали ремни, срезали погоны и отправили в тюрьму. А был случай, когда солдат молодую японку обидел, понимаете как. Она пожаловалась командиру, и насильника расстреляли.

Массово такие случаи не происходили, но виновных наказывали строго. Надо было порядок наводить, война же закончилась. Во время службы в комендатуре у меня получилось заражение на ноге, попал я в госпиталь и уже оттуда демобилизовался. Так закончилась моя армейская жизнь и началась гражданская, мирная.

Мирный труд

Когда на южном Сахалине началось промышленное освоение, то первыми потребовались специалисты по угледобыче. Мой отец по направлению попал на шахту «Тихменевская» в районе Поронайска, а после демобилизации и я к отцу приехал, устроился на шахту и проработал шахтером 35 лет. Последнее время работал в Синегорске на шахте. В Южно-Сахалинск переехал в 1976 году. Сейчас я на пенсии, но активно участвую в общественной жизни города, ежегодно получаю приглашения от школ, детских садов и краеведческого музея на встречи с молодым поколением, где рассказываю о том, как надо любить и защищать свою Родину.

День Победы.
Фотохроника ВОВ

Василий Дмитриевич ГЕРАСЬКИН

Родился 16 февраля 1926 года в поселке Ново-Архангельск Ичалковского района Мордовской АССР. На фронт призван Ичалковским райвоенкоматом 11 ноября 1943 года. Служил в артиллерийском полку № 1166 рядовым орудийного номера. С декабря 1944 года находился в госпитале. Демобилизован 3 апреля 1945 года по ранению. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За отвагу», медалью Жукова. На Сахалин приехал в 1950 году. Проживал в селе Кировском Тымовского района.

Боги войны

Я артиллерист. Бог войны, елки-палки... Зимой 1943 года учился в Кировской области в

Василий Гераськин. 1944 г.

артиллерийском полку, а в июне 1944 года повезли нас на фронт. Грузили на станции Ельня, это Смоленская область. Отвезли в Прибалтику, а там пешкодралом до линии фронта. Далекo пришлось идти. Была у нас на вооружении противотанковая пушка «Прощай, Родина». Сколько пушек этих и ребят немецкие танки подавили, не пересчитать. Он, немец, здорово оборонялся. Победить-то мы его сумели, но сколько народу полегло...

Про дыру в щитке

Летом было дело-то, пошли мы в наступление. Сказано: «В 4 часа чтобы были готовы!» Пушку я выкатил свою на прямую наводку, жду, когда будет канонада. В 4 часа началось. Наши «катюши» дали, отгрохотали, ну и пошли вперед. Я хотел дальше пушку протащить, а там окраина леса, сосны высоченные, и вижу - танк немецкий, метров, наверное, 300 до него. Командир командует: «По танку огонь!» А тот как дал - и у командира нога от колени мотается, оторвало. Я пушку дальше протащил, думаю, сейчас я его отсюда, а он, гад, заметил, и только я отошел от пушки, он как дал рядом! А на пушке автоматика, она патроны выбрасывает. Так вот ее и пробил, и в щитке вот такая дырища! Если б я

16.02.1926 г. – 18.02.2014 г.

не отошел, меня бы сразу прошило насквозь. Ну и что, стрелять я не могу, автоматика пробита, и побежал я к командиру батареи. Он говорит: «Тащи ее сюда, на ремонт повезешь». Дали пехотинцев, потащили.

Про сарайчик

Как-то идем с пушкой по дороге, а немец нас из пулемета как шуранет, елки-палки! Мы назад. А там низина, мы поставили пушку, видим, три танка немецких шуруют по дороге прямо к нам. Нас им не видно, они поверху идут. Мы их трогать не стали, они бы нас всех подавили в этой низине. Я щиты откинул, смотрю - один танк подбили, другой его подцепляет, чтобы утащить. Ну я на него навожу, думаю, сейчас я по нему... Трахнул, смотрю - попал я в него, но снаряд от-

скочил кверху, а там стоял сарайчик какой-то, и он в этот сарай как даст! Только щепки полетели!

Про яблоневый сад

Поставили мы пушки возле сгоревшего дома, в малине. И, как водится, три танка немецких идут на нас. А сад яблоневый, и они под яблони к нам. А моя пушка была в лесу, подальше. Я кричу узбеку Ташеву: «Стреляй!» А он: «Моя не хочет». Я подбегаю, давай по ним палить. Они как дали ходу, и я не попал, пушка-то не моя. Надо было сразу стрелять, когда они стояли. А вообще, я так ничего из пушки стрелял. Мотоциклиста срезал, пулеметчика, и танк подбил. Я в боковину ему трахнул, он загорелся, фрицы оттуда выскакивают, а я по ним осколочным... За каждый танк нам премия полагалась – 500 рублей.

Про пчельник

Мы стояли на реке Лиелупе, судоходная река, а немец на той стороне был. И он дал нам артподготовку с утречка пораньше. У нас трахнула мина в колесо, разбила пушку, и мы начали отступать. Ага, отступили, идем по дороге, а там стоят наши 120-миллиметровые пушки, за машины прицеплены. Тоже отступают. А куда отступать? Там на дороге уже танки немецкие отрезали нам путь. Ну что, стрелять не стали, в лес свернули, попали в болото. Была у нас рация, пришла наша разведка и вывела нас из этого болота. Другую пушку мне дали, в другое место нас перевели. А когда мы шли туда, видим, лесок, и наши три танка стоят сгоревшие. Немец их фаустпатронами пожег. Танкисты лежат, немцы их постреляли. Дальше идем – поляна. Там дом стоит. Пчельник, все, что полагается. А вперед нас по лесу пехота шла, мы за ней, кони пушку тащат. Только пехота вышла на поляну, рассыпалась, а немец как саданул из дома из пулемета, гад, коня

одного – бах! Упал конь, застрелили. Пехота пошла вперед, а я пушку отцепил, развернул и давай палить по немцу. Ищу прицелом, понял, что он в пчельнике, и давай по этим ульям хреначить. Пехота залегла, отошли назад, окопались, для пушки начал копать огневую позицию. Там возле дома баня, немец один как бежал, так его там и шлепнули, через порог и лежал.

Про ранение

Через пару дней немец начал нас долбить и отрезал танками. А нас человек 100. Куда деваться? Я орудие разобрал, чтобы немцу не досталось, замок снял, закинул подальше, ударник в карман положил, так его потом с собой в госпиталь и принес, елки-палки... Начали выходить из окружения, решили разбежаться. Разбежались. Со мной трое было ребят. Кричать нельзя, вокруг темно, ночь, и немец колошматит из миномета. Мне ногу насквозь прошило, кость не задело, правда, потом в задницу попало. Ребята меня не бросили, тащили. Там подмерзла вода в окопе, когда полз, утонул в ней, мокрый весь. Но приползли к своим на передовую. Меня там перевязали. Бинта не было, рубашку порвали, и пехота говорит нам: «Давайте уматывайте отсюда, а то светает уже, не уйдете, побьют вас на хрен». Иду, кровь текет, уже полный са-

пог. Километра через три минометы стоят наши. Я до них дошел, говорю, так и так, я раненый, не могу идти. Меня отвели в хату, сказали, что увезут в санчасть. Зашел, лег, а дальше помню смутно, как меня повезли на телеге. Дорога булыжная, трясет... Увезли в санчасть. Оттуда в госпиталь. И скончалась для меня война. Всего месяцев семь я был на передовой.

Победа

В День Победы я был в госпитале в Кировской области, на станции Прохладная. Его мы встретили на ура! Когда по радио сообщили, все вскочили, елки-палки, на улицу выбежали! Выписали меня в июле 1945 года. Я поехал в Свердловск, назначили меня на завод работать. И началась у меня жизнь без войны.

Фотохроника ВОВ. 22 апреля 1945 г.

Тихон Степанович ДОБРЫДИН

Родился 3 мая 1923 года в деревне Ольховатке Ольховатского района Воронежской области. В ряды Красной армии призван в 1941 году, отправлен на курсы танкистов. По состоянию здоровья был переведен в пехоту. До конца войны служил в охране на Дальнем Востоке и на Сахалине во время войны с Японией. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Японией», «Ветеран труда», знаком «Почетный донор». Жил в Южно-Сахалинске.

Призыв

Я хилый был, рос без отца, бедно мы с матерью жили. Перед войной работал на сахарном заводе на станции Россошь, недалеко от своей родной деревни. Там я узнал, что немец на нас напал, он тогда от нас в 60 километрах был. Повестька у меня уже лежала в кармане, но дирек-

тор нас с завода три дня не выпускал, окна занавесил. А потом пришел приказ, и нас, парней, пешком из Россоши до Балашова отправили, это почти 500 километров.

Марш-бросок под бомбами

День спим, ночь идем, потому что днем немец бомбил. Когда летят самолеты, надо прятаться или разбегаться,

какую команду командир даст. Страшно не было, а вот есть хотелось постоянно, это да. Сухарики давали, сахар, чай пили, только и всего. Правда, когда командовали разбегаться, некоторые вернулись домой. Одного моего односельчанина за это расстреляли. Парня Степаном звали. В Балашово нас по вагонам рассадили, народу битком! Привезли,

03.05.1923 г. – 24.04.2010 г.

расселили по квартирам. Я жил у бабки одной, коза у нее была. А я же хилый был, так она молоком меня козьим кормила. Там мы ждали отправки на Дальний Восток.

Учебка

Прибыли мы на станцию Завитая Амурской области. Война идет, а мы в тылу. Начал я учиться на танкиста. Бегал с ПТР, оно длинное такое... Трудно было. Ноги отмораживал. Однажды упал я в строю, сознание потерял, в больницу меня положили, семь дней болел. Врач утешал, говорил, пройдет это у меня. А после перевели меня в охранную роту 21-го батальона. Хотя военных специальностей у меня много: автоматчик, водитель, командовал отделением автобатальона

Добрыдин с женой. 1948 г.

технического пункта, был старшиной роты, старшим сержантом. Давно это было, позабывал много...

Брат

А брата моего почти сразу на войне убило, он с 1925 года. Вначале под оккупацию попал, жил при немцах, привык. Где немцы гуляли, там и наши пацаны. А потом он уже ушел с войсками нашими, стал разведчиком, и на задании погиб. Я все думаю найти место, где он похоронен. У нас командир роты капитан Пашин был, он письма моего брата с войны прям вслух всем читал, чтобы знали мы, как наши ребята воюют и что там делается.

...Тогда они за Курилы не спорили, пошли нам на уступки. А теперь Курилы им отдай. Надо было брать, когда война была, а сейчас нечего. Все.

На посту

В Хабаровске служил при генерале штаба округа Максиме Алексеевиче Пуркаеве, охранял командный пункт. Это около 17 землянок.

Когда стоишь на посту – гляди в оба. Автомат в руках, тулуп на тебе, ночью согреешься, в сон клонит, можно и заснуть. Такие случаи у нас были. Как-то я в землянку трех генералов не пустил. Нас так научили, без команды никого не пускать, а мы же пацаны, салажата. Они пришли, пароля не знают, лейтенанта Смагина нету, спросить не у кого, ну я их и завернул. Землянки – это же командный пункт, они у нас все во время войны были засекречены. После этого перевели меня на другой пост.

Сахалин

В 1945 году, когда началась война с Японией, Москва дала команду, и мы уехали на Сахалин. Вначале хотели кругом Японию обойти и забрать. А потом этот план отменили, Курилы отвоевали – и все. Тогда они за Курилы не спорили, пошли нам на уступки. А теперь Курилы им отдай. Надо было брать, когда война была, а сейчас нечего. Все.

Две Победы

Когда узнали, что война с Германией кончилась, радовались. Какие чувства были? Хорошие, конечно. А когда и с Японией закончили войну, так совсем хорошие чувства были. Огромная радость. С тех пор я и остался в Южно-Сахалинске...

Фотохроника ВОВ

Петр Севастьянович ЖАРНИКОВ

Родился 11 мая 1922 года в Бурятии, в селе Унгуркуй Кяхтинского района. Войну прошел артиллеристом. Сражался на Ленинградском фронте и на Дальнем Востоке. Кавалер двух орденов - Отечественной войны и Красного Знамени, награжден медалью «За отвагу». На Сахалин приехал в 1951 году. Проживал в городе Корсакове.

Артиллеристский талант

Я с малых лет помогал отцу в колхозе и всегда возился с техникой. Сначала работал прицепником на сеялках, потом на тракторе научился. Отец мой – участник Первой мировой, рассказывал о немчуре. А когда призвали в армию, началась война – и опять с немцами. Меня вначале на сапера учили. Но на войне я не сапером был, а

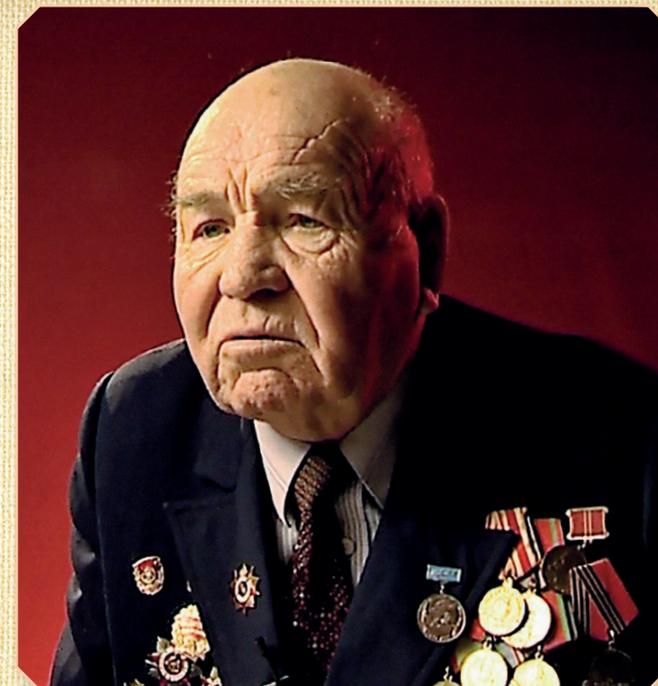
артиллеристом. Я хорошо стрелял из пушки. Чтобы хорошо стрелять, прицельную линию нужно выверить. Обязательно совместить ствол с прицелом. На стволе есть две черточки, крестик, как в бинокле, и вот подводишь на прицеле уровень, и, если точно определишь цель, тогда обязательно попадешь. Орудия наши хорошо сделаны. Потом уже начали дульный тормоз устанавливать, откат меньше стал. Но я все равно хорошо попадал.

Фотохроника ВОВ

Ленинградский фронт

Я воевал в основном под Ленинградом. Стояли мы в 40 километрах от Петергофа. У нас 18-й отдельный десантный батальон был, а в батальоне 3 роты, пулеметная, взвод ПТР, взвод противотанковых орудий и отделение связи. Я командиром орудия был. Наводчика дали мне, Козлова. Он грамотный, но опыта у него нет. Это как на кране

11.05.1922 г. – 01.09.2011 г.

в порту: учили одинаково, оба по 20 лет проработали, но один работает хорошо, другой – плохо. Так и там. Стрелять он почему-то боялся. Я его, бывало, отстранял, сам стрелял.

Памятный бой

Даже такой случай был. Погрузили наши пушки в «дуглас», такой самолет американский, и нас с ними на поле высадили. А там место болотистое, и немцы проложили лежневку из бревен, чтобы танки прошли. Мы эти пушки 8 километров на себе по болоту тащили. Умаялись, ужас! Нам задачу поставили – эти танки встретить и не дать им пройти. Это 1942 год был.

И вот мы стреляем. Там тормоз отката, есть такой у орудия, он не позволяет разрушить лафет пушки. И вот этот ствол крепится к от-

катнику, а там есть гайка, называется борода. То есть на стволе борода. В бороде отверстие, в которое вставляется шток. И вот у нас эта борода отлетела, и ствол при выстреле улетел метров на пять. Что делать? А танк идет! А нас осталось трое всего, и все раненые. Я тогда здоровый был, этот ствол поставил на место, боек вытащил, посмотрел, напрямую снаряд – и бух! Попал, понимаешь... Повезло. А ствол обратно улетел. Я еще хотел его в плащ-палатку завернуть, думал на память забрать, но уже сил не было. Осколком ранило, кровь шла.

Мы тогда на поле 7 танков подбили, первыми – головной задний, чтобы они назад не отступали. Лично я два танка уничтожил. За этот бой орден Красного Знамени мне дали.

Дальний Восток

После ранения меня направили на Дальний Восток, и я с Японией воевал. Даже такой случай был. Перевалили мы через Хинган, из всего полка был только наш третий батальон, остальные отстали. И мы захватили пленных 3600 человек японцев. Наградили меня тогда медалью «За отвагу».

Отсроченная Победа

День Победы я встретил в Хараноре. Это от Даурии километров 30-40. Там сейчас копи угольные. Как раз учения шли, и тут говорят – победа над Германией. А у нас тут еще японцы. Они в нашем полку как-то ночью роту вырезали полностью. Поэтому наша Победа была еще впереди.

Про отдых

Отдыху там не было. На войне какой там отдых? Начинается так: прибываешь на место, окапываешься, порой всю ночь копаешь, потому что нужно площадку для орудия сделать, укрытие, вот и копаешь до рассвета. Спать не получается.

Бывало так, что выкопал, подготовил – а тебя снимают, и уходишь с этого места. Зря копали...

Про страх

На фронте всегда страшно. Даже такой случай был. Я со своим орудием стою. А недалеко минометный расчет 82-миллиметровый стреляет. И понимаете, я слышу взрыв там у них, думаю: что такое? Побежал туда, смотрю, а у одного бойца-минометчика голова пробита, сукровица течет, что-то белое из раны видно, а он все равно ползет. Другого разорвало, голова там, ноги там, а один еще живой был, ему осколки ноги и живот посекали. Кричит: «Добейте меня!»

Про однополчан

Да, молодые мы были, но что касается любви – не было ее у нас тогда. Какие там женщины, когда, бывало, по 3-4 дня есть нечего было. Немец прет, он же хорошо был вооружен и подготовлен, а у нас еще и командование иногда такое было... Вот наш майор – вроде все при нем, а ничего не мог. Выскочит – «Урра!», а сам назад в окоп. И такие были бойцы. А вот Кратников у нас был молодец мужик. Бывало, воды нету, а надо в кожух пулеметного ствола воды залить для охлаждения. Так он из своей фляги в пулемет воду выливал.

Сахалин

После войны я поступил в сельхозтехникум на механика. Изучал бороны, комбайн, моло-

тики, трактора, всю эту технику. А в 1951-м направили меня с отрядом на Сахалин строить железную дорогу от Погиби до Победино. Жили в палатках. А в 1953-м оказался в Корсакове, с тех пор так здесь и живу. Работал в порту, прошел многие должности, был даже начальником участка, а на пенсию вышел старшим машинистом турбин на электростанции.

Вспоминая о войне

Когда думаю о войне, вспоминаю, как голодал, как тяжело пришлось воевать. Снарядов, бывало, не было. Наша тяга тогда была лошадиная, лошади наши пушки тянули. Потом уже машины появились, «шевроле», «доджи» да «студебекеры». И тогда уже легче стало. Уже не думаешь, как лошадь накормить. И про укрытие для нее думать не надо, чтобы лошадку не подбили. А в Победу верили, конечно, а как же...

Фрагмент инсталляции из музея «Победа», г. Южно-Сахалинск

Иван Григорьевич ЖУРАВЛЁВ

Родился в крестьянской семье в деревне Кондратьево Санчурского района Кировской области 27 января 1918 года. В армии с октября 1939 года. Служил на Дальнем Востоке. С ноября 1944 года на фронте. Участник боев в Польше и Германии. Дважды ранен, контужен. Награжден боевыми орденами Отечественной войны I и II степени и орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медалью «За трудовую доблесть». Ветеран войны, ветеран труда, инвалид войны. С 1950 по 1953 год трудился начальником лесоучастка Танги на северном Сахалине.

*Иван Журавлев.
Германия, 1945 г.*

Семья

В нашей семье было семеро детей: пять сестер и два брата. Я самый младший. Жили зажиточно, отец никому не давал сидеть без дела. Накопили денег, построили ветряную мельницу. В конце 20-х годов семью раскулачили, мельницу забрали. Брата Якова арестовали, но вскоре выпустили.

В школу я пошёл с 9 лет. Затем учился в лесотехническом техникуме в городе Мариинский Посад в Чувашии, окончил его в 1939 году. И уже в октябре был призван в армию.

Армия и фронт

Служил на Дальнем Востоке, в поселке Новый на берегу Амура, на границе с Китаем. Был командиром орудия противотанковой батареи в стрелковой дивизии. С началом войны получил звание младшего лейтенанта и в должности командира отдельного огневого взвода учил стрелять из пушек молодых солдат, которых отправляли на Западный фронт.

До 1943 года находился на Дальнем Востоке, хотя писал просьбы отправить меня на фронт. В

27.01.1918 г. – 21.12.2007 г.

результате был направлен в Минусинск на курсы подготовки офицеров артиллерийской службы и с марта по июль 1944 года учился на командира артиллерийского взвода. Затем был переведен в Гороховецкие военные лагеря для формирования части на фронт. Там познакомился с будущей женой Любовью, которая работала зубным врачом на Гороховецком военном полигоне. С ноября 1944 года на фронте. Воевал в Польше и Германии. Служил в 61-й армии генерала Белова, в 75-й гвардейской дивизии, в 84-м отдельном артиллерийском дивизионе. Командовал тремя 76-миллиметровыми пушками в батальоне истребителей танков. Дважды был ранен, контужен.

Неудачный день

При подходе к Одеру, в районе города Альдама, мы встретили упорное сопротивление немцев. Одно село полк не мог взять неделю. Две трети были наши, а треть немцы не отдавали. Я с орудиями находился на огородах, за домами, и ждал приказа командира батальона майора Анисимова. И вдруг во второй половине дня предомной предстал гвардии майор Григ, заместитель командира артиллерийского дивизиона по политической части. Пьяный, с наганом в руке, матерясь, он набросился на командира орудия Козарьяна, приказывая немедленно прицепить пушку к «студебеккеру» и идти вперед, отбивать у немцев село. Скомандовал расчету: «В кузов!», сел в кабину и приказал ехать на передовую, которая начиналась через 900 метров в конце улицы.

Когда «студебеккер» разворачивался, я махнул солдатам рукой. Расчет на ходу выпрыгнул, а машина на бешеной скорости помчалась под немецкие снаряды. Я с бойцами, пригнувшись, бежал по соседней параллельной улице. Помню, первый снаряд взорвался перед «студебеккером», второй взорвался позади. Водитель резко свернул во двор, машина укрылась за домом, а пушка застряла в воротах.

Григ пытался отцепить пушку, но она не поддавалась. Мы с бойцами ее отцепили, и вдруг сильно ударило в станину пушки, а Козарьян упал на землю рядом со мной. Правая нога его была почти совсем оторвана выше колена. Я снял поясной ремень и туго перевязал ногу. Последнее, что сказал Козарьян: «Товарищ лейтенант, засекуте время», и потерял сознание. Мы знали, что с таким ранением больше двух часов без медицинской помощи не прожить.

В деревне, где находился штаб дивизии, прямо во дворе немецкого дома на трех столах хирурги оперировали раненых. Недалеко от нас вела наступление танковая дивизия, и раненые поступали непрерывно, в основном это были танкисты. Но очередь до Козарьяна так и не дошла. Он умер, не приходя в сознание. Выпускник Ереванской консерватории, он часто между боями играл для нас на скрипке, которую всю войну возил с собой в вещмешке. Прошел всю

Журавлев во втором ряду второй слева. 1945 г.

Артиллерийский расчет. Командир взвода Журавлев (стоит справа). Германия, деревня Обергебра, 1945 г.

ОБЕР. ПЕБРА

Журавлев И.Г. стоит справа 1945г.

Военный билет Журавлева

войну, участник Сталинградской битвы, и за три месяца до конца так нелепо погиб. Позже я написал его сестрам в Ереван, что он пал смертью храбрых в бою. Каким горем была для них смерть любимого брата!

На машине я доехал до своей санчасти. Наш фельдшер Белаш разрезал мои сапоги, протер раны на ноге спиртом, налил и мне. Уснул я крепко. Утром проснулся: обе ноги забинтованы и опухли. Белаш мне и сообщил о смерти Козарьяна. Отлежавшись, я уехал в свою часть, а осколки всю жизнь со мной как память о том неудачном дне.

Освобожденный концлагерь Дора. Германия. Журавлев в центре.

Психическая атака

Мой взвод с двумя пушками ЗИС-76 был придан танковому батальону, который уже четыре дня вел бои за овладение немецкой деревней Регулы. Немец любыми путями пытался ее удержать. В нашем батальоне оставалось три танка и около роты пехоты. У немцев людей было в три раза больше, но имелась только одна самоходка. Мы атаковали ежедневно, но выбить их из Регулы не могли.

Мои артиллеристы расположились у песчаного карьера в 300 метрах от деревни. Было нас человек 50, вооруженных только карабинами и личным оружием. Задача была вести огонь по деревне.

Чувствуя, что мы вот-вот прорвем оборону, в 10 часов утра немцы бросили против нас эсэсовский батальон порядка 200 человек. Засучив рукава,

пьяные головорезы, пригнувшись, незаметно подошли к нам на расстояние 200 метров. Приближение их прикрывал гребень карьера. Выйдя из-за насыпи, эсэсовцы открыли по нам автоматный огонь. Мы отстреливались, укрываясь за деревьями и из небольшой канавы, неся большие потери. Они же почти не падали. Мою команду заглушал треск немецких автоматов и наших выстрелов. Я понимал, что все мы здесь погибнем, если не у карьера, то в нем.

И в этот критический момент в рядах нападавших возникло замешательство. Они стали падать, некоторые повернули назад. Я вскочил на ноги и с криком: «За мной в атаку!», побежал навстречу немцам. Те повернули назад, подставив нам спину. Наши хлопцы, воспрянув духом, бросились за врагом. Из двух сотен осталось не более трех десятков. Остальные были добиты или взяты в плен.

Что же произошло? Оказывается, рано утром экипаж нашего танка отъехал за деревню ремонтировать машину. Тихо занимались ремонтом и совсем неожиданно стали свидетелями боя. Эсэсовцы оказались всего в 200 метрах от них прямо под прицельным огнем. Прямой наводкой танкисты били по атакующим из крупнокали-

Парад Победы. Журавлев во главе колонны. Германия, 9 сентября, 1945 г.

берного и обычного пулеметов, плюс из ручного пулемета Дегтярева. Вот этот смертельный огонь спас нас от неминуемой гибели. Надо сказать, что немцы до последних дней войны сражались насмерть.

Победный марш

Утром танкисты без труда выбили немцев из деревни. У оборонявшихся закончились все резервы. Оставив деревню, они оставили и узловую станцию. Наш танковый корпус через 20 дней непрерывных боев был выведен из боя. Через 10 дней мы вышли на берег Одера. Немцы оставили побережье до самого Кюстрина. И только 16 апреля весь 1-й Белорусский фронт перешел в наступление, и наша 61-я армия форсировала Одер, обойдя Берлин с севера, а 27 апреля вышла к Эльбе, тем самым отрезав все части на севере от Берлина.

Встречей на Эльбе с англичанами мы закончили войну. С октября держали границу с американцами в районе города Нордхаузена.

Американцы пустили нас на территорию спустя 6 месяцев после того, как вывезли все трофеи из зоны оккупации, в том числе подземный завод, расположенный под горой по производству самолетов-снарядов ФАУ-1 и ракет ФАУ-2, находившийся недалеко от Нордхаузена. В войну на этом заводе работали 30 тысяч заключенных из соседнего концлагеря

Дора. После освобождения один из них остался служить у меня ординарцем.

Мирная жизнь

После окончания войны я служил в Нордхаузене начальником штаба артиллерийского дивизиона. Летом 1946 года часть перевели в Россию, в город Тулу. Там служил несколько месяцев, демобилизовался в 1946 году осенью в должности заместителя командира батареи, хотя мне предлагали учиться дальше и продолжить службу в армии. В нашей семье погибли на войне 5 мужчин, в том числе и мой брат Яков Григорьевич Журавлёв, попавший в плен под Вязьмой и умерший в 1942 году в концлагере в Австрии.

Демобилизовавшись, работал начальником лесоучастка в леспромхозах Марийской АССР (Огибное, Юрино), лесоучастка Танги на северном Сахалине, мастером в Ивановской областной типографии.

Опекунов Владимир

Журавлев Иван Григорьевич
начальник лесоучастка Танги

Илюхин партторг

Журавлев с супругой
и сыном. 1946 г.

Журавлев (в центре) с коллегами
по работе. Поселок Танги
Сахалинской области. 1952 г.

Александр Михайлович КАНДРАШИН

Родился 7 декабря 1923 года в селе Полое Ардатовского района в Мордовии. В 1943 году призван Ардатовским райвоенкоматом в ряды Советской армии. Служил рядовым. Воевал подо Ржевом, 5 сентября 1942 г. был тяжело ранен в левую ногу. После ранения воевал на Ленинградском фронте. Демобилизован в 1945 г. Награжден орденом Отечественной войны, двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За отвагу» и «За победу над Германией». На Сахалин приехал в 1963 году, проживал в селе Кировском Тымовского района.

Боевой путь

В 1942 году меня взяли на фронт. Подо Ржевом у Рокоссовского воевал. Вот. Там меня ранило, домой отпустили. Дома я до 1944 года находился, а потом меня вторично призвали. Отправили под Ленинград, на Волховском направ-

лении. Опять ранило. Лечился. Вот такая война. В общем, отлично было.

Рождество подо Ржевом

Подо Ржевом немцы справляли праздник, Рождество. Гуляли в доме отдельном, веселились. Мне Константин Константинович

Рокоссовский говорит: «Кандрашин, ты боевой, мы тебе дадим восемь человек, пойдете в разведку, приведете языка». Я говорю: «Ясно». Взял восемь человек, подходим, а у них часть за три километра от нашего расположения находилась. Нашли избу, где они гуляли. Я ребятам говорю: «По окошkam не стрелять. Их здесь много, пропадем». У нас были автоматы с круглыми дисками, и я им приказал

07.12.1923 г. – 03.05.2010 г.

бить автоматами по башкам, если что. Вот. Ну я двоих беру, остальные снаружи караулят. Заходим в избу, они нам кричат: «Хайль Гитлер!» Я отвечаю: «Какой хайль?» Один сразу брык в подпол, остались трое, я их вывожу на улицу, где ребята стоят, меня ждут. Туда, в дом, мы кинули гранату замедленного действия. Через 15 секунд она взорвалась. Мы только дошли до леса, она ух! Хорошо рванула. «Ну, – говорим, – тому, который в подполе спрятался, полный п...ц». Вот.

Отпуск

Ну, пришли в часть, привели языков, и сразу нам вручили медали «За боевые заслуги». Рокоссовский говорит: «Дайте им отгул по 12 дней».

Фотохроника ВОВ

Маршал Рокоссовский. Март, 1943 г.

И нас отправили в отпуск. Кто под Москвой жили, тех домой отпустили на побывку, а я из Мордовии, домой не поехал. Остался в части, по ночам помогал санитарам ухаживать за ра-

...Мне Константин Константинович Рокоссовский говорит: «Кондрашин, ты боевой, мы тебе дадим восемь человек, пойдете в разведку, приведете языка». Я говорю: «Ясно...»

ненными. Кому ногу подтянуть, кому лечь удобнее, кого перевязать... Они меня хвалили. Потом отпускники приехали, вернулись в часть. Ну и пошли мы в наступление.

Ранение

У меня ранение было в ногу. Пролечился, пошел на войну, и опять ранило в ту же ногу. Меня подобрали, отправили в госпиталь, после домой отпустили. А потом вторично призвали. Хотя нога и не гнулась, а все равно взяли. Я приехал в Пензу, там запасные части стояли, и генерал Говоров там был. Меня узнал, спрашивает: «Кондрашин, ты?» «Да, - отвечаю, - я Кондрашин» - «Сейчас пойдешь в наступление». Ну как тут будешь отказываться? Но я попробовал, го-

ворю: «Нога у меня». «А, у тебя нога не гнется? Тогда отставить», - говорит Говоров. И отправили меня сначала на Волховский фронт, потом на Финский. Тут война уже к концу. Тех, кто не раненый, заставляли дослуживать свои года, и я бы дослуживал до конца, но у меня ранение. И меня демобилизовали.

Победа

Когда наступил День Победы, я уже дома был. Только приехал, а вслед за мной отец вернулся. Он дошел до самого Берлина, командира полка возил на машине. Целый, не раненый. Дома нога постепенно зажила, стала разгибаться. И начал я работать...

Фотохроника ВОВ

Михаил Иванович КОВАЛЬЧУК

Родился 12 сентября 1924 года в Хабаровском крае. В 1942 году был призван в армию. Служил в автоматной роте до мая 1944 года, затем попал в 105-й укрепленный район, в 77-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон. Воевал в Маньчжурии. После окончания войны продолжал служить до марта 1947 года. Награжден орденом Отечественной войны. После демобилизации поступил в военно-техническое училище на факультет пожарного дела. По окончании учебы в 1953 году по разнарядке попал на Сахалин. Служил в Государственном пожарном надзоре Поронайского района.

Призыв

Меня призвали из Хабаровского края в Приморский летом 1942 года, там я и служил. Мне тогда еще не исполнилось 18 лет, призвали по приказу Сталина. Тогда взяли под ружье всех,

кто только мог носить оружие. В Приморском крае есть такая станция Мучная, поселок Черниговка, там дислоцировался 158-й запасной стрелковый полк. На его базе готовили для фронта личный состав или формировали новые части. Я прослужил там два с половиной месяца, готовили нас усиленно для отправки на фронт под Сталинград, как мы предполагали. По несколько раз за ночь поднимали по тревоге, делали марш-бросок по тупиковой железнодорожной линии, тренировали садиться по вагонам.

Тяготы армейского быта

Гоняли нас сильно, питание плохое, солдат ветром качало. Один раз напала на нас куриная слепота. В казармах освещения не было, у входа у тумбочки сидит дневальный, а на ней консервная банка. В ней щелочь для чистки оружия, фи-

Родился 12 сентября 1924 года

тилек, и коптит эта лампа потихоньку, только ему и видно, кто заходит. С наступлением темноты друг на друга натываемся, до ругани доходило. Потом нас всех в санчасть послали, и врач назначил пить в день по ложке рыбьего жира. За неделю все прошло.

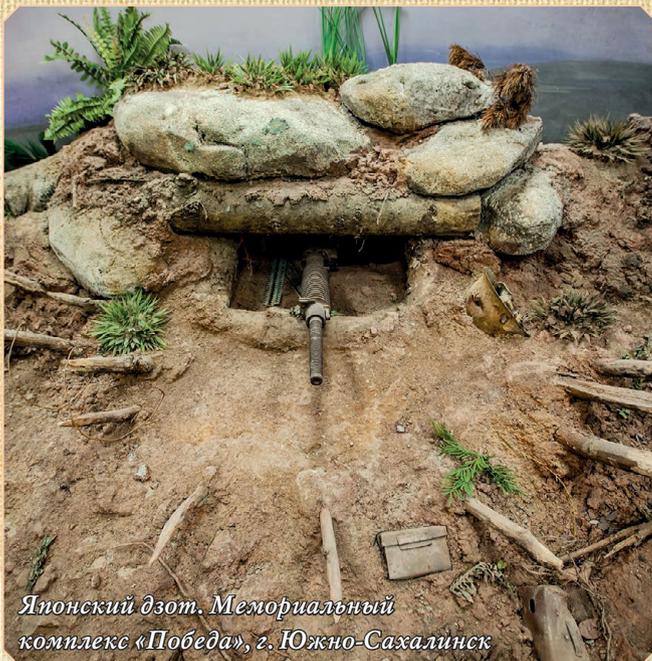
Подготовка к войне

Через два с половиной месяца приказ пришел формировать вторично 113-ю стрелковую бригаду. Первоначально она была сформирована летом 1941 года в Воткинске, брошена в бои на Кавказ, была разбита, но знамя знаменосцы сохранили. А по закону, если знамя сохранилось, часть формируется вновь. Этим у нас и занялись. Помню, с наступлением сумерек построили и отправили на соседнее село Монастырище. Там эта стрелковая бригада и формировалась. В ее

Фотохроника ВОВ

Японский дзот. Мемориальный комплекс «Победа», г. Южно-Сахалинск

составе я прослужил до мая 1944 года. Потом по отбору попал в 105-й укрепленный район, в 77-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон. В его составе участвовал в боях в Маньчжурии.

Маньчжурия

В ночь с 8 на 9 августа перешли границу. Очень трудно было первое время, пока мы не прошли укрепленный район. У японцев сильные укрепления были и замаскированы лучше, чем наши. Мы, артиллеристы, были приданы стрелковому полку и подчинялись его командиру. Первый раз, помню, он передал по радиации: «Противник нас прижал к земле, подавите его огневые точки. Даю координаты». А нам что надо знать? Под каким углом мы находимся по отношению к противнику и на каком от него расстоянии, а все остальное мы знаем, что надо делать. Ну, сделали пристрелку, три раза выстрелили, и командир опять передает: «Все, цель взята в узкую артил-

лерийскую вилку. Переходите на поражение». А на поражение – это значит пятью снарядами беглый огонь. Открыли мы беглый огонь, расстреляли цели, он говорит: «Молодцы, все, теперь мои ребята встанут в рост и пойдут в атаку». А дальше полегче было.

Вооружение

У нас были 76-миллиметровые полковые орудия. Заряжается такая пушка унитарным патроном, он почти такой же, как у винтовки. Гильза, насыпается порох и монтируется снаряд. Ими и воевали. Танков у японцев мы не видели. В основном была пехота, а артиллерия от пехоты находится по Уставу не ближе 800 метров. Где ровные места, мы еще видели противника, а где сопки, складки, воевали вслепую, били по закрытым целям. Так что не видно было, кого мы подбили, кого ранили. Отстрелялись, поблагодарили нас за то, что цель накрыта, и хорошо. Идем дальше. Но, повторюсь, вплотную с пехотой противника мы не сталкивались. Что касается японской артиллерии, они мало били, потому что наши стрелковые части их окружали, и они старались убежать. Сопротивлялись они упорно, но мы, артиллеристы, этого не ощутили.

Мулин

У нас направление было на город Мулин, это крупный промышленный центр. Дошли мы до него, пехота несколькими дивизиями

его брала, а нас, артиллеристов, в город не пустили. Сказали, пехота будет делать проческу, выкорчевывать противника, где он там запрягся, искать лазутчиков, диверсантов и так далее. Обычно противник так и поступает: убегая, оставляет тех, кто будет пакостить нам в тылу. «А нам, артиллеристам, там делать будет нечего, – сказал командир, – если будете стоять на улице со своими орудиями, то станете для противника неподвижной мишенью». Поэтому мы стояли на окраине города, но внутрь не заходили.

Конец войне

9 мая у нас особого ликования не было. Мы предполагали, что будут еще военные действия, и не ошиблись. А после победы над Японией мы остались в Приморье дослуживать свой срок. Демобилизовался я только в 1947 году, выучился на пожарного и в 1953 году уехал на Сахалин. Вот такая моя военная история...

Погрузка торпеды на подводную лодку V-бис серии. Вместо кормового орудия на корабле установлен пулемет ДШК. На заднем плане «Щука» X серии. Август 1945 г.

Григорий Еремеевич КОЛОНЮК

Родился 14 июня 1926 года в Винницкой области. С июля 1941 года жил на оккупированной территории. После освобождения в апреле 1944-го призван в Красную армию. В первом бою был тяжело ранен и отправлен в глубокий тыл на лечение. Награжден орденом Отечественной войны, медалью «За победу над Германией». В 1946 году прибыл на Сахалин в город Поронайск для прохождения армейской службы. Демобилизовался в 1950 году и остался на острове. Более полувека проработал слесарем-наладчиком на целлюлозно-бумажном заводе. Почетный гражданин Поронайского района.

Шестеро пленных

Немцев я насмотрелся за три года оккупации. Партизан и подпольщиков в нашей местности не было, но помню один случай. Шестеро

наших военнопленных поступили в немецкую полицию. Сколько они там прослужили, не могу сказать. По-видимому, недолго. Однажды, получив оружие, эти товарищи ушли с группой

полицаяв в небольшой лесок. Не знаю, была там устроена на них засада или нет, но этот лесок вскоре был окружен немецкими солдатами. Однако наши товарищи успели ранить начальника полиции, а сами через лощину перебежали в другой лесок. Судя по всему, кто-то из них хорошо знал местность. Там нужно было пересечь шоссейную дорогу и углубиться в большой лесной массив. Так вот, лесок был окружен немцами,

Оккупация Минска. 1941 г.

14.06.1926 г. – 15.11.2010 г.

они шли буквально сплошной стеной, но никого не нашли. Очевидно, наши ребята сумели уйти в большой лес. Таким образом, шесть человек смогли парализовать большую по численности немецкую группировку. Это произвело на меня сильное впечатление, конечно. Не сомневаюсь, что в полицию они поступили намеренно, чтобы выбраться из плена и отомстить оккупантам.

Про оккупацию

Но это был единственный такой яркий случай, а так в основном мы жили в оккупации тихо, осторожно. Поэтому и разрушений серьезных не было. Молодежь, в том числе и я, привлекались на восстановительные работы. Немцы очень большое значение придавали дорогам. Километрах в шести от нашей деревни проходит трасса, которую начинали строить еще при Екатерине II.

Она была обсажена липами, они стоят до сих пор. И вот немцы взялись эту дорогу ремонтировать. Этим мы и занимались под руководством немецких мастеров.

Освобождение

Во время освобождения в январе 1944 года в нашей местности прошли бои, пострадало много сельчан, в том числе был сожжен и дом моего отца. Оно и понятно, избы наши были под соломой, достаточно одной трассирующей пули, чтобы все запыляло. Когда выдворили немцев, я, как и все мои односельчане, был рад освобождению. Оккупация никому радости не приносит. Люди отступление наших войск воспринимали с горечью, а наступление – с восторгом. И с не меньшим восторгом мы радовались, когда пришла Победа.

Война

Я непосредственно в боевых действиях участвовал немного. Был на передовой всего два месяца. Воевал на 2-м Белорусском фронте. Мы тогда только начали освобождать Польшу, и в одной из наступательных операций я был тяжело ранен. Моя военная специальность – пулеметчик, вооружение – РПД, ручной пулемет Дегтярева. Оружие хорошее. Но пострелять мне из него по врагу не удалось. На фронте ведь долго целым не пробудешь. Как наступление, так раненые и убитые. Идешь в атаку в полный рост, прикрыться нечем. Если по-честному и по правде, организм в этот момент становится как бы онемевшим. Сознание понимает, что нужно идти, а тело деревенеет. Отключается. Вот в таком состоянии идешь на огонь. По-видимому, это и есть страх.

Ранение

Были мы сосредоточены в лесочке, на опушке. Перед нами – небольшое поле. Дождались

сумерек, потом зеленая ракета. Это был сигнал идти вперед. За полем находилась деревня, но я до нее так и не дошел. Нужно было преодолеть это поле с короткими перестрелками, вслепую, конечно, потому что уже было темно. Думаю, я получил ранение именно потому, что стрелял, и врагу были хорошо видны вспышки от моего пулемета. Меня ранило в левую руку, как раз напротив сердца. Стал заедать пулемет. Короткими очередями нормально, но после двух-трех выстрелов заедало. По-видимому, в механизм попал песок. Я попытался заменить диск, а он с правой стороны. Наклонился, протянул руку к сумке, в этот момент почувствовал резкий удар, и рука отвалилась. Так я вышел из строя. Позвал санитаря, он подошел, разрезал рукав шинели, гимнастерки, перевязку сделал, и я вернулся в тыл, в санроту. Там сделали вторую перевязку, наложили шину, а утром выдали справку, что я нуждаюсь в дальнейшем лечении. Наутро увидел освобожденную территорию, страшные последствия боя, например вкатанное машинами в дорогу человеческое тело. Ощущения неприятные.

Солдатская жизнь

Самое яркое впечатление, которое ос-

талось у меня на всю жизнь о том времени, – это отношения воинов между собой. Например, везут нас в вагонах на фронт. В поезде – 2-3 тысячи человек. Все получают продовольствие, которое нам выдавали на 2-3 дня. Представители от каждого вагона получали общую пайку, а потом делили на всех. Для того чтобы не обидеть друг друга, назначали товарищей, которые этим занимались. Я видел, как они это делали: раскладывали по сухарику, добавляли по одной штучке, а когда оставались крошки, их тоже делили по всем кучкам. Потом одному из бойцов дают список, он поворачивается спиной, зачитывает его вслух, а другой показывает пальцем на кучку. Названный человек забирает свою порцию. То есть делали все для того, чтобы никто не был обделен даже крошкой сухаря.

Фотохроника ВОВ

Дмитрий Андреевич КРУЧИНКИН

Родился в Мордовии. На войне служил шофером. Свою первую награду – медаль «За боевые заслуги» – получил за то, что смог вывезти тяжелораненых солдат из немецкого тыла. Воевал на Сталинградском, Ленинградском, Волховском, Прибалтийском фронтах. Освобождал Польшу и Германию. Награжден орденом Отечественной войны, двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда». После войны приехал на Сахалин и до пенсии работал водителем в пожарной охране города Корсакова.

Два призыва

Я пошел в армию еще до войны, в 1936 году. Служил в 33-м морском пограничном отряде НКВД на Ладожском озере. Когда демобилизовался, приехал в Москву. Там брат у меня жил. Отучился, сдал на шофера, и уехал в свою де-

ревню. Оттуда в 1941 году снова был призван в армию. Отправили служить в авиацию, в БАО – батальон аэродромного обслуживания. Когда наши оттеснили от Москвы немца, авиация полетела дальше, а нас расформировали. Ну а потом пошел по фронтам: Сталинградский, Ленинградский, Волховский, Прибалтийский...

22.04.1915 г. – 14.06.2014 г.

Фотохроника ВОВ. 1945 г.

Путаница

После расформирования БАО я попал в состав 18-й стрелковой дивизии водителем в медсанбат. Нас отправили под Сталинград. Это был 1942 год. Поехал я в полк за ранеными. А у нас в полку были четыре танка. И вот ночью я еду, и мне встретился танк. Я думал, что это наш, а это, оказывается, немецкий. Промчался мимо меня, и все. Уже начинало рассветать. Вижу, идут еще четыре танка, но не навстречу, а параллельно, метров до них, может быть, 30–40. И опять я решил, что эти танки наши. Пригляделся – немцы! Я на передовую ехал, а они в наш тыл. Уже полностью рассвело, и

тут началось наше отступление. И все меня предупреждают, что не езди туда, там уже немцы. Я вернулся обратно в медсанбат, начальнику доложил, а замначальника особого отдела говорит: «Попробуйте еще раз, там же люди остались». Поехал. Смотрю, а там уже немцы, я их вижу. Вернулся в медсанбат, а он уже эвакуировался. Остались палатки, а в них раненые. Я подъезжаю, а один стоит и кричит: «Братцы, немцы!» Это он про меня. Подъехал, открываю борта и говорю: «Кто может, давайте грузитесь по-быстрому». Кто мог, забрался в машину сам, кто не мог, тому помогли. Ну а палатки остались немцам.

Долгий путь в медсанбат

Там через речку надо было проехать, через мост. Подъехал, а на мосту машина с буксиром застряла. А над нами уже начинают самолеты

помаленьку кружить. Ну я проехал вокруг километра два, наверное. Подъезжаю к здоровой деревне, по-ихнему станица. Увидел нашу машину, пошел к водителю узнать, куда же нам ехать. А тут самолеты круг сделали над станицей и как начали долбить! Ничего не видно! Так всю станицу и разбомбили. Ну а я куда? Ждал начальство. Начальство пришло, дало указание везти раненых в госпиталь. Сказало, он тут недалеко. Я туда поехал, в этот госпиталь, а его нет, уже эвакуировался. Дальше надо ехать. Ехал всю ночь, все-таки добрался утром до госпиталя, сдал раненых, покушал, заправил машину и вернулся обратно в разбомбленную станицу. Там остановил меня часовой, спрашиваю его, где медсанбат, а он: «Сейчас пойду к командиру, спрошу». А командир где-то в свинарнике или в овчарне, больше негде было спрятаться. Часовой вернулся и привел четырех человек раненых, два офицера и два автоматчика. Сказал, что километрах в семи село Паньшино, там, говорит, медсанбат. А какой там медсанбат, когда там линия фронта?

Паньшино

Ну я приехал туда, посмотрел, а там глушь такая, никого нет. Ну, думаю, куда ехать? Отъехал от деревни, там лощина была, я в эту лощину завернул, остановился и ждал, когда рассветет. Тут выяснилось, что горючего мало. Уже светло стало. Слышу – машина идет, гремит. Я санитару говорю: «Бери давай ведро, пойдем бензин добывать». Вышли на дорогу, а это, оказывается, наша машина, с нашей дивизии. И в ней интендант! Он такой любезный, горючего дал и подсказал, что тут недалеко расположился медсанбат. Мы заправились, поехали туда, сдали раненых, заправил я машину, покушал. А в Паньшино уже подошел немец, и там уже бои идут вовсю. Поехал я туда за ранеными, стал их оттуда вывозить. Такая у меня была работа.

Водитель-стрелок

На остальных фронтах я тоже служил в медсанбате водителем. Когда сняли блокаду Ленинграда, я там был, возил раненых. Стреляют вокруг, взрывы, а я еду, везу людей. Большая радость была, когда наши войска встретились. Бои там шли страшные, столько людей погибло... И самому стрелять, конечно, приходилось. Когда встречали немцев, отстреливались. Бывало и так, что я ехал с ранеными, и нас начинали бомбить. Я сразу искать укрытие, старался спрятать машину. Если не было такого места, продолжал движение. Другого выхода не было. Обстрелы все время были, и бомбежки тоже. Какая бы ни была тяжелая поездка, времени отдохнуть не было. Приехал, поставил машину, тут же санитары подходят, снимают раненых, а я уже машину готовлю к следующему выезду. Помню, однажды на Прибалтийском фронте немец наступал и чуть не захватил меня с ранеными. Подъехал я на погрузку, и немцы как раз. Но я не струсил, сумел всех погрузить и быстро оттуда уехал. Раненых было человек одиннадцать. Всех вывез, никого не потерял. Потом получил медаль «За боевые заслуги».

Тихая Победа

Закончил я войну на острове Борнхольм в Балтийском море. Это

Дания. На этом острове немцы засели, и наш полк направили туда. А День Победы я встретил в Германии. Он для меня тихим получился. Ехал по немецким городам, там везде висели плакаты «Германия капитулировала». Немцев я не видел, а наши солдаты, конечно, в хорошем настроении были. В воздух стреляли. А я не стрелял. Мне некогда было. Я раненых вез.

Домой

Уже после Дня Победы ко мне подошел врач и говорит: «Хочешь домой поехать?» Я говорю: «Хочу» – «Тогда поедешь со мной». Оказывается, его отпустили, и он забрал меня с собой. Ну вот я с ним поехал, прибыл в Москву, и домой. Так началась моя мирная жизнь...

Фотохроника ВОВ

Анатолий Иванович ЛУКОМСКИЙ

Родился 28 июля 1927 году в городе Брянске Брянской области. Когда началась война, ему исполнилось 14 лет. До 1944 года трудился в тылу, а затем был призван в ряды Красной армии. Окончил курсы младших командиров, получил назначение на Дальний Восток. Освобождал Маньчжурию от японских милитаристов. Награжден медалью «За победу над Японией». После войны дослуживал на Сахалине. Демобилизовавшись, остался на острове. Председатель Совета ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов г. Корсакова.

Родился 28 июля 1927 г.

Война. Начало

Моего отца репрессировали в 1933 году. У матери нас было трое: сестра старше меня на 8 лет, я и младший брат. Тогда мать работала на заводе «Красный Профинтерн» в Брянске, сейчас он называется «Машиностроительный завод по изготовлению паровозов, локомотивов для электростанций». Сестра работала на Бежицком сталелитейном заводе крановщиком. В августе 1941 года, когда усилились бомбежки, Бежицкий завод было решено эвакуировать, а вместе с заводом и семьи работников. Нам дали от завода лошадь, подводу и два часа на сборы. После сформированный эшелон выехал из Брянска, и, как только состав проехал через реку Десну, немцы разбомбили мост.

Эвакуация. Трудовой фронт

Привезли нас в Нижний Тагил на Урал. Наш Бежицкий завод присоединили к Уралвагонзаводу по

производству танков Т-34. Сестра моя так там и работала всю войну, а мы с матерью и остальными эвакуированными работали на лесоразработках, обеспечивали дровами металлургический завод, который находился в городе Нижняя Салда. В 1943 году я поступил учиться на токаря в паровозное депо «Печора» на Северном Урале.

Призыв

Через год, в 1944-м, меня призвали на службу. Попал я в город Архангельск в запасной стрелковый полк, окончил курсы младших командиров и через 6 месяцев получил звание сержанта. Война на западе шла к концу. Формировались маршевые роты на восток, навстречу японскому агрессору. Меня назначили командиром маршевой роты, солдат распределили по вагонам и отправили в Монголию.

Монголия

Прибыли в город Чойбалсан в Монголии, это в восточной ее части. Пешком в степь отошли

Население китайского города Далянь радостно встречает советских танкистов

от населенного пункта на 4–5 километров. Разбили палатки, прожили в них несколько дней, и вдруг приходит армада танков. Оказалось, 6-ю танковую гвардейскую армию сняли с фронта и отправили в Монголию, а мы к ней в пополнение. Началось освоение танков, выдали нам оружие. У меня был автомат ППШ и гранаты. Моя роль была на марше сидеть на танке, а если соприкосновение с врагом – бежать за танком, охранять, чтобы его не подожгли.

Победный марш. Демобилизация

С 6-й танковой гвардейской армией мы прошли через Большой Хинган. Я участвовал в освобождении трех городов: Чанчунь, Мукден (Шэньян), Тунляо. Получил медаль «За победу над Японией». А потом закончилась война. Вся 6-я танковая армия вышла на советскую территорию в районе Читы по Сибирской дороге. Перезимовали в палатках. Стариков всех демо-

билизовали, отправили домой. А солдат 1925–1927 года рождения расформировали. У меня в документах было написано: «токарь», поэтому меня отправили в строительный батальон. А стройбат базировался на Сахалине.

Сахалин. Работа

23 февраля 1946 года на северном пирсе города Корсаков я вступил первый раз на сахалинскую землю. И с тех пор я тут и живу. Дослужил до 1951 года, демобилизовался, из стройбата меня перевели в Южно-Сахалинскую военно-морскую базу, стал матросом. Работал в судоремонтной мастерской, ремонтировали

Фотохроника ВОВ

Торговая улица Сакаэ-чо в г. Одомафи.
Слева здание банка Хоккайдо Такусеку

большие и малые охотники, тральщики, фрегаты и десантные суда. Слесарем был, токарем, на всех станках работал, какие были: расточные, фрезерные. Начального образования у меня не было, и я ходил в вечернюю школу, окончил семилетку и поступил в Невельское мореходное училище.

Сахалин. Быт

Первое впечатление у меня от Сахалина было, что это каторга. Дома – лачуги. Отопление – печка-буржуйка круглая, из жести в каждой квартире, стены «шевелются». Трубы от печки выставлены в окно, на улице их подпирали лестницы. Труб у каждого дома было по две-три, потому что в одном доме живут несколько семей, и у каждой своя печка и своя труба. Было такое впечатление у меня, что я попал куда-то в прошлое, лет на 100 назад. Город Корсаков был невзрачный, некрасивый, бедный. Когда приехал на Сахалин, застал здесь японцев. Когда их стали эвакуировать, наши женщины приходили с детьми их провожать. Вражды между нами не было.

Семья

В 1949 году женился, хотел закончить службу и уехать в Брянск, но в 1950 году родилась первая дочь, позже вторая. Так и остался. Жили мы в японском деревянном доме на улице Советской. На месте нынешней школы искусств стоял 2-этажный Дом пионеров, а рядом с ним японский маленький домик. Вот в этом доме мы жили до 1961 года. Десять лет я отработал в порту, и мне дали новую квартиру. Жена у меня из Приморья, из города Артема. Приехала на Сахалин по вербовке. Прожили мы с ней 50 лет вместе. В 1999 году она умерла.

Ветеранские заботы

Сахалин мне стал родным. Я занимаюсь общественной работой, общий стаж работы с ветеранами – 18 лет. В 2011 году было организовано 5 ветеранских организаций в поселках Новиково, Озерск, Охотск, Чапаево, Соловьевка, которые помогают старикам на местах в быту. Я доволен прожитой жизнью.

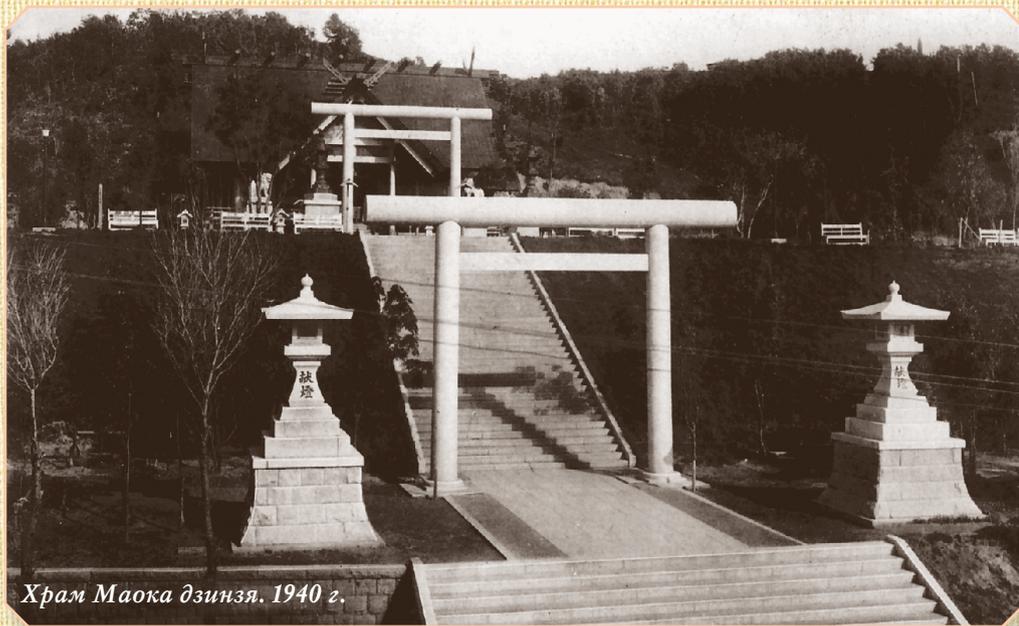

Корсаков, 1940-е годы

Холмск

Холмск (до 1905 г. – Маука, с 1905 по 1946 г. – Маока; яп.) – административный центр Холмского городского округа. Расположен на юго-западном побережье острова Сахалин, на берегу залива Невельского Татарского пролива Японского моря, в 83 км к западу от Южно-Сахалинска. Население – 28 217 чел. (2017 г.), площадь – 32 км². Третий по численности населения и второй по экономическому значению город Сахалинской области.

Храм Маока дзинзя. 1940 г.

Крупнейший на Сахалине транспортный центр, в состав которого входят морской незамерзающий порт с двумя терминалами, три железнодорожные станции и узел автомобильных дорог. Связан с Ванино морской железнодорожной грузопассажирской паромной переправой Холмск – Ванино. Из города начинается федеральная автодорога Р495 Холмск – Южно-Сахалинск. Крупный экономический, промышленный и культурный центр Сахалинской области, центр морского рыболовства и судоремонта.

Город был основан 21 мая 1870 года как русский военный пост Маука. В 1945 году был возвращён СССР и переименован в Холмск. Статус города по японской классификации получил в 1922 году, по советской – в 1946-м.

За советское время город изменился до неузнаваемости. В 1951—1972 годах было построено 192,5 тыс. м² жилья, население города превысило 40 тыс. жителей. В мае 1960 года была открыта профсоюзная здравница — бальнеогрязевой санаторий «Чайка». В 1976 году построен первый на Сахалине девятиэтажный дом, а в 1979-м центр города украсил кинотеатр «Россия». Темпы жилищного строительства были очень высокими. В 1985 году население Холмска перешагнуло рубеж в 50 тыс. жителей. Сегодня город Холмск переживает новый экономический подъем.

Фотохроника

Анатолий Николаевич МЕНЯЕВ

Родился 27 августа 1927 года в Воронежской области. В Советскую армию был призван в 1944 году, воевал на 1-м Украинском фронте. Награжден орденом Отечественной войны, медалями «За освобождение Германии», «За освобождение Украины». После войны с отличием окончил училище связи в Харькове, по распределению прибыл на Сахалин. Работал начальником группы радиотехнических средств на аэродроме. 25 лет был народным заседателем в суде поселка Смирных. Председатель Совета ветеранов Смирныховского района.

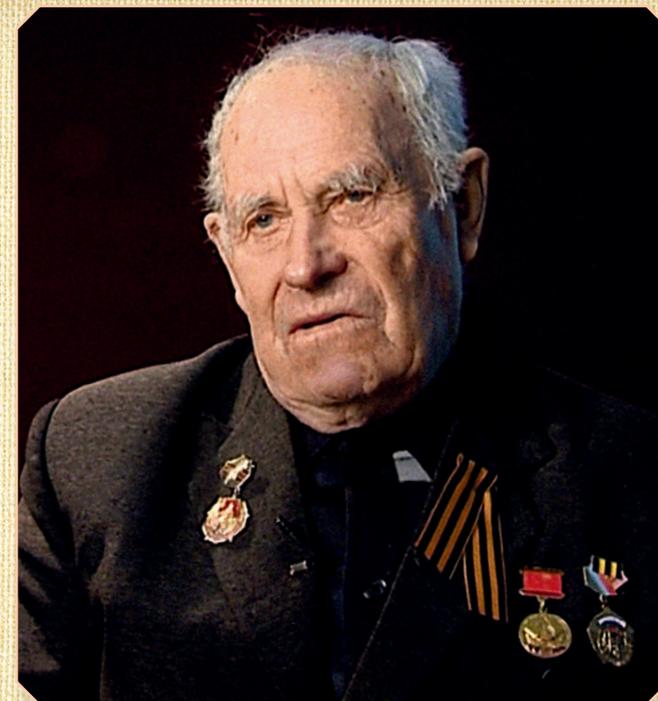
Присяга

Это было на Тамбовщине. В декабре 1944 года, в день рождения главнокомандующего Вооруженными силами Советского Союза Иосифа Сталина, мы приняли присягу. Мы, красноармейцы, с большим патриотическим подъемом чувствовали то время, с волнением и гордостью

осознавали, что нам предстоит Родину защищать. Военная присяга проходила в торжественной обстановке. Полностью выстроили наш 12-й учебный стрелковый полк, присутствовало все полковое командование, каждого красноармейца вызывали, он брал в руки текст присяги и зачитывал ее, давая клятву защищать нашу Родину. Одна строка врезалась мне в память: «Клянись до последней капли крови защищать нашу советскую Родину».

На фронт

Нас немного подучили, сформировали маршевую роту и отправили на фронт. Я воевал в составе 156-й стрелковой дивизии 530-го стрелкового полка 1-го Украинского фронта,

Родился 27 августа 1927 г.

участвовал в освобождении Украины от немецко-фашистских захватчиков. За время военной службы я очень много сменил войсковых частей разного направления. И артиллерийские части были, и бронетанковые, и даже авиационные, но в основном участвовал в войне как стрелок, рядовой солдат.

Патриотизм как средство от страха

Помню, как ходили в разведку. Осветительная ракета ночью – это в порядке вещей. Противник запускал в воздух освещение, мы притаивались, ждали момента, когда ракета погаснет, и продолжали движение вперед. Конечно, было страшно. Все говорят – героизм, патриотизм, это присутствовало в обязательном порядке, но все равно было страшно. Сегодня

Фотохроника ВОВ

бытует мнение, что солдаты воевали под дулами комиссаров, политруков. Ничего подобного! Все было на добровольной основе, с полным пониманием того, что Родину надо защищать. Присягу принял — значит нужно выполнять приказы командования до конца и любой ценой. Конечно, случалось и дезертирство, и невыполнение приказов, в отдельные моменты некоторые неустойчивые элементы проявляли трусость. Но в нашем подразделении этого не было. В большинстве случаев, когда бойцы поднимались в атаку, они кричали «За Родину! За Сталина! Вперед!», и я со всей ответственностью могу заявить, что так и было. И я так же кричал. Конечно, когда нужно подняться, чтобы идти в атаку, переживаешь сильно. Невольно думаешь: а вдруг убьют? Такие мысли были и у меня, и у моих товарищей. После боя мы обязательно делились впечатлениями, мыслями, и было очевидно, что все мы в начале атаки испытываем одни и те же ощущения. А вот в рукопашную вступать мне не приходилось.

Язык из Италии

Как-то командир взвода вызвал меня, товарища моего Стрелкова Василия Дмитриевича, других ребят и приказал добыть языка. Мы собрались и отправились выполнять приказ. Для начала обозначили ориентир, подползли к линии проволочного заграждения, палками приподняли нижнюю проволоку, проползли и потом дальше до первой траншеи противника пробирались по-пластунски. На наше счастье, там находился солдат. Был он один, никакого сопротивления не оказывал, просто поднял

руки вверх, и мы его взяли в плен. Оказалось, он итальянец. Когда выходили на задание, начало смеркаться, а в часть мы вернулись под утро и доложили командиру о выполнении приказа. В этот период, в 1944 году, фашисты были деморализованы и часто сдавались в плен. Даже сами приходили и сдавались, причем именно на нашем участке фронта, на территории Западной Украины.

Лейтенант Архиев

Самое сильное впечатление на фронте на меня произвел командир взвода Архиев Михаил Петрович. Опытный фронтовик, и мы сразу к нему прониклись доверием. Я всегда старался брать с него пример, выполнял все его приказы и поручения. Я любил военное дело, ведь все мои родственники — бывшие офицеры. А я еще и комсомолец, а комсомольцы — это боевое ядро армии. Я был комсоргом взвода, и по рекомендации лейтенанта Архиева меня направили в военное училище.

Училище

В 1944 году, чтобы избежать гибели молодежи, был издан приказ Сталина — молодых от-

правлять в тыл учиться. А мне было чуть больше 18 лет. Когда приехали «покупатели», несколько человек, в том числе и меня, отобрали на учебу. У меня образование было 7 классов, и поехал я в Тамбовское военное училище. Прибыл туда в январе 1945 года. Когда нас привезли, мы сдали экзамены и приступили к занятиям. Сейчас это Высшее общевойсковое училище имени маршала Советского Союза Бориса Михайловича Шапошникова.

Победа

День Победы мы встретили в Тамбове. Когда дежурный крикнул: «Рота, подъем! Война закончилась!», мы от радости начали бросаться подушками и кричали «Ура!». А потом нас построили, и мы отправились на торжества в Тамбов. Там мы участвовали в военном параде, а потом был праздничный обед, и нам налили по 100 граммов вина. Так мы отметили День Победы.

...В большинстве случаев, когда бойцы поднимались в атаку, они кричали «За Родину! За Сталина! Вперед!», и я со всей ответственностью могу заявить, что так и было.

И. Тоидзе, плакат «За Родину, за Сталина!». 1941 г.

Марина Ивановна НЕЛЮДИМОВА

Родилась 5 января 1925 г. в селе Барышевка Орловской области. После окончания 7 классов работала на военной базе по сборке снарядов, эту же работу выполняла в эвакуации. В 1942 г. добровольно ушла на фронт, обеспечивала летные части боеприпасами, занималась бухгалтерской работой. Демобилизовалась в июле 1945 года. Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За взятие Берлина», орденом Отечественной войны II степени. В 1949 году уехала на Сахалин. Проживала в селе Кировском Тымовского района.

Нерадостное детство

Я на Орловщине жила, когда закончила 7 классов. Матери у меня и моих двух братьев не было, она умерла, когда ей было 27 лет, и мы жили с отцом. Он долго не женился, а потом при-

вел мачеху с девкой ее, и мы оказались ненужными. Меня забрал мамин брат в город Торопец. А там гарнизон военный, дядя в нем комиссаром служил. А я, прибавив себе год, после 7-го класса пошла работать на военную базу, собирала снаряды.

Война

Война застала меня в этом гарнизоне. Ровно через 24 дня немцы заняли наш городок. А меня эвакуировали в Ярославскую область, в город Рыбинск. Там тоже была база по сборке снарядов. Туда когда приехали, немцы возле города были, бомбили Рыбинский моторно-авиационный завод. А над нашей базой летали на бреющем полете, но не бомбили, зажигалки

05.01.1925 – 02.10.2013 г.

бросали только. Днем мы работали в цехе, а ночью вагоны-пульманы подгоняли, и мы грузили снаряды. Нас никуда с базы не выпускали, обеды привозили, хлеба по 500 граммов давали, и вот так мы жили.

Девчонки

Все идут на фронт, всем надо Родину защищать, и я в военкомат поехала. Не брали нас сначала, девчонок, никого. Мне 17 лет не было, я еще прибавила себе год, и, когда на Волховский фронт потребовались люди, меня взяли. Набирали в основном девчонок. Отправили нас в мае 1942 года. В поезде нас было 700 человек. Все девчонки...

Боепитание

Нас привезли в Тихвин, разместили в парке под обгорелыми деревьями, а потом начали приезжать командиры из разных частей, отбирать кого куда. Я попала в авиачасть на должность

Фотохроника ВОВ

завскладом авиационного боепитания. Днем ездила на базу, это километров за 100–150. Давали мне американские «студебеккеры», 40–50 машин. Грузчиков не было, шофера по накатам катали бомбы, а самые ходовые из них – 50 и 100 килограммов. А еще были по 250 килограммов, но эти на креплении. Потом еще получали патроны на пулеметы разных марок, в зависимости от самолетов. В основном, я помню, ШКАСы были, они стояли на дальних бомбардировщиках, корректировщиках с двумя киями, ну и на истребителях. И я доставляла эти бомбы на аэродром, на склад сгружала, а потом к самолетам на каждый вылет подвозила на дежурной машине. В свободную минуту,

...Мне 17 лет не было, я еще прибавила себе год, и, когда на Волховский фронт потребовались люди, меня взяли. Набирали в основном девчонок. Отправили нас в мае 1942 года. В поезде нас было 700 человек. Все девчонки.

У меня был такой случай. Ехали мы уже груженые бомбами, шофер – пожилой мужчина, фамилия его Андреев. Он не справился с управлением, и мы очутились у самой воды на берегу

какой-то реки, это было под Новгородом. Машина заглохла, еще немно-

гогда не было летной погоды, набивала патроны для пулеметов ШКАСовских. Инженеры полковые подавали заявку, какие патроны нужны – трассирующие, бронебойные, зажигательные. Вот и приходилось набивать их впотьмах, при копилке. А когда самолеты вылетали, собирала тару из-под бомб. Потом сдавала ее на склад, и в нее снова упаковывали бомбы.

Работа

го – и мы утонули бы в речке вместе с бомбами. Но это не штатная ситуация, а так, ежедневная рутинная работа. Привезти груз, выгрузить, по самолетам доставить, потом тару собрать и снова на склады ехать, и так до бесконечности. водители бомбы катают, а мне приходилось их на попа в машины ставить. На каждый «студебеккер» по 25 штук загрузить, а таких «студебеккеров» – до 50 единиц, попробуйте-ка...

Автобатальон

В 1943 году меня перевели в другую часть, это был гвардейский автобатальон. И там я служила до Победы. Там уже полегче было, без бомб, я занималась финансами. Рассчитывала офицеров, документацию вела. Начфин у нас был ленинградец Алексеев, у него жена осталась с детьми в Ленинграде. Он потом, когда блокаду сняли, уехал семью разыскивать, а меня оставил за себя. Очень добрый человек был. Получал доп-паяк, всегда чем-нибудь делился.

Фотохроника ВОВ.
Лето, 1941 г.

Фотохроника ВОВ

Про любовь

Ничего интересного в нашей службе не было. Обычная тяжелая работа. Но, если была свободная минута, девчонки шли на танцы с парнями. А я никуда не ходила. У меня бесконечно бомбы, снаряды, патроны... Да я и танцевать не умела. Не было у меня детства, какое должно быть у девочки, потому и с парнями не получалось. А девчонки дружили, некоторые потом замуж повыходили. Кстати, мне пришлось перейти в автобатальон из-за начальника боепитания. Он начал за мной ухаживать, а там с этим было очень строго, отношения не разрешались. И мне пришлось уйти. Правда, он приезжал несколько раз, но я попросила, чтобы его не пускали. Вот и все. И потом, самолеты есть самолеты. Вот сегодня три-четыре полка сидят на аэродроме, улетают, а на посадку приходит половина, остальные не возвращаются. А то и совсем никто не прилетает, и это повторялось каждый день. Какие уж тут веселье и любовь...

...Самолеты есть самолеты. Вот сегодня три-четыре полка сидят на аэродроме, улетают, а на посадку приходит половина, остальные не возвращаются. А то и совсем никто не прилетает.

на новый аэродром, сразу себе землянки копали. Однажды чуть не сгорели. Бутылка с бензином упала, загорелась, а вход в землянку - как яма, мы прыгали в нее, и оттуда быстро выскочить скопом уже не получалось. Каждый раз, когда бомбили, мы убегали и прятались, кто как мог. Помню, под Ленинградом вокруг части болота были непроходимые, вот в них мы и прыгали, в холодной воде отсиживались. А бомбежки были каждый день да каждую ночь. Что касается быта, мыло казенное нам выдавали, для женской гигиены все необходимое. Умывались на улице, холодной водой, все было неприспособлено. Конечно, и холодно было, и голодно. Я все время есть хотела, думала: «Кончится война, куплю булку хлеба и сразу съем».

Победа

Вместе со своим авиаполком я дошла до Берлина. В День Победы к нам в часть приехал генерал, устроили праздник с выпивкой, закуской. Мы, девчонки, не пили, солдатам отдавали. Танцевали со всеми. Радовались. Все ждали конца войны, хотелось быстрее домой вернуться. А у меня дома не было, ехать некуда. Меня оставляли в этой части на сверхсрочную, но я не захотела. Демобилизовалась в июле 1945 года. Когда приехала домой, отец жил с мачехой, у него своя семья, и мне пришлось от них уйти. Старший брат погиб на войне, младший умер, и я осталась одна. За всю войну ни одного письма не написала, и мне никто писем не присылал. Потому и планов у меня никаких не было. А в 1949 году завербовалась на Сахалин и начала строить свою жизнь.

Про быт

Мы, когда приезжали

Фотохроника ВОВ

Корсаков

Корсаков – портовый город, административный центр Корсаковского городского округа Сахалинской области. Население города – 33 213 чел. (2017 г.).

Фотохроника. Корсаков. 1940-е гг.

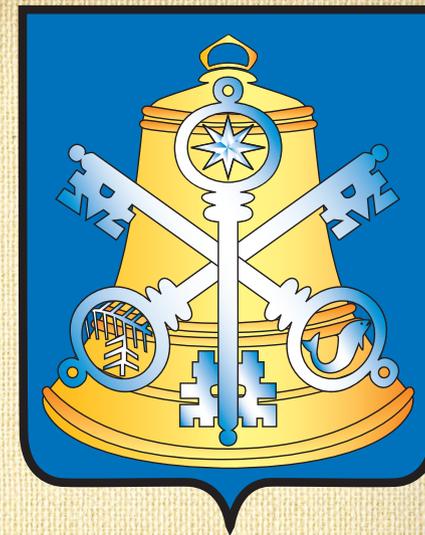

22 сентября (4 октября по новому стилю) 1853 года российский мореплаватель Г.И. Невельской учредил военный сторожевой пост Муравьевский, названный в честь генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева. Начальником был назначен майор Н.В. Буссе. Однако уже 30 мая 1854 года пост был эвакуирован в связи с началом Крымской войны. 31 июля 1869 года пост был воссоздан под названием Корсаковский (в честь другого восточно-сибирского генерал-губернатора – М.С. Корсакова), а с учреждением на острове каботажной торговли становится центром Корсаковского округа.

В 1905 году территория южного Сахалина отошла к Японии, и пост был переименован в Отомари (Оодомари). До октября 1908 года здесь находился административный центр губернаторства Карафуто (затем перенесен в Тойохару).

16 августа 1945 года в Отомари высадился десант советской морской пехоты, и к вечеру гарнизон капитулировал (в плен сдались более 1200 японцев). 5 июня 1946 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Отомари переименован в Корсаков и получает статус города.

Сегодня в Корсакове расположены несколько заводов по переработке рыбы и морепродуктов, рыбодобывающие предприятия, морской торговый порт, завод по производству агар-агара. Ранее действовали база океанического рыболовства, фабрика гофрированной тары. Вблизи города действует крупный завод по сжижению природного газа с причальным комплексом (пока единственный в России, введен в эксплуатацию 18 февраля 2009 года в рамках энергетического проекта «Сахалин-2»).

Фотохроника. На демонстрации трудящихся. Корсаков

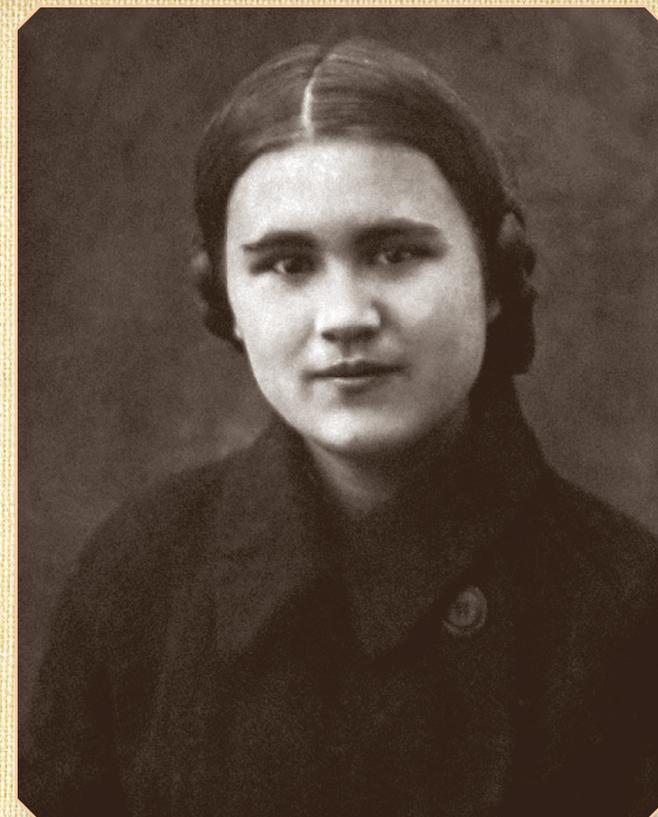

Лидия Алексеевна ПЯТНИЦКАЯ

Родилась в Чечено-Ингушетии, в станице Наурской 23 марта 1921 года. Когда началась война, училась на первом курсе Махачкалинского медицинского института. В первые дни войны была призвана в ряды Красной армии, а через месяц отправлена на передовую. В составе действующей армии дошла до Ворошиловграда, демобилизовалась в 1944 году. Награждена орденом Великой Отечественной войны II степени, медалью «За оборону Кавказа», медалью Жукова, знаком «Фронтовик 1941–1945 годов». После войны окончила сельхозинститут. На Сахалин приехала вместе с мужем в 1961 году, возглавила отдел Сахалинской государственной комплексной опытной станции. Опубликовала 261 статью, провела 179 радио- и телеэфиров по повышению урожайности сельскохозяйственных культур. Живет в Южно-Сахалинске.

Лидия Алексеевна Пятницкая

Родилась 23 марта 1921 года

Семья

Нас было трое детей у родителей моих: я старшая, потом сестра и брат. Моя мама – Анастасия Макаровна, между прочим, из дворянского рода. Она окончила гимназию в городе Моздоке и преподавала с 1-го по 4-й класс. Отец – Алленов Алексей Семёнович. Родился в 1896 году в станице Наурской Горской АССР (ныне – Чеченская Республика). Окончил сельскохозяйственный институт, стал агрономом. С 1918 года работал в городе Владикавказе. Под руководством академика Николая Ивановича Вавилова занимался выведением сортов твёрдой пшеницы. Папа и Николай Иванович были дружны. Помню, мне было лет 5, когда Вавилов приходил к нам в гости, мы вместе пели. Николай Иванович человек был образованный, но у него не было голоса пра-

Николай Иванович Вавилов

вильного, как-то, помню, я ему говорю: «Ой, вы не туда потянули, вы не туда начали». Папа мне: «Ну-ка замолчи, ты что? Как может, так и поет». А папа пел чудно!

Военный призыв

Окончила я десятилетку и поступила в Махачкалинский медицинский институт, это Дагестанская АССР. Отучилась первый курс, и началась война. Пришла мне повестка на фронт. Что делать? А жили мы тогда в городе Буйнакске. Мой отец из себя выходит: «Как это так! Ты же студентка! Как можно? Когда окончишь, тогда пойдешь». Я говорю: «Война же началась». Ну и с первых дней войны меня забрали. Обмундировали нас в Буйнакске, рассказали что и как, затем перевели в Хасавюрт в госпиталь, а потом распределили. Меня направили в 365-й стрелковый полк медсестрой.

Война

Когда бои шли на Кавказе – это страшно вспоминать... Я лазала на коленах, спасала стрелков своих, которые отбивались, и сильно отбивались,

некоторые умирали на глазах, некоторых я сама тащила. Ой! Ждешь уже, ждешь, чтобы скорее подъехала подвода и забрали раненого, я же его уже обработала, да к следующему бежать надо. Помню, едет подвода, два быка везут подводу эту. Я с помощью военных положила на нее раненого, а он кричит: «Сестричка, помоги! Сестричка, я жить хочу!» Вот скажите, как это всё переносить? Как? На фронте только страх один, и всё. Страх...

На волосок от смерти

Помню, как-то после боя привезли кухню, наши и говорят: «Ну всё! Давайте кушать, каша горячая, давайте кушать!» А тут налет – самолёты – немцы. Все враспынкую, кто куда! Если бы я не спряталась под колесо кухни, где стояла каша эта, я не знаю, как я сообразила, в общем, меня убили бы уже. Когда налет закончился, все лежали уже мертвые, а я под колесом была, и рядом со мной красноармеец лежал, тоже живой остался, мы с ним только двое и остались, а трое или четверо погибли тут же. Вот как было...

Пятницкая (слева) с родителями и сестрой. 1924 г.

1938 г. Лидия (справа) с подругами. Буйнакск

Лидия Пятницкая
с фронтовой подругой.
1942 г.

История фронтового снимка

У меня сохранилась фотокарточка, где я с фронтовой подругой. Снимались в 1942 году, где, не помню. Мы тогда у гражданских девушек попросили шубки, чтобы хотя бы ненадолго снять военную форму, она так нам надоела. А сейчас очень жалею, ведь у меня ни одной фотографии, где я в гимнастерке, больше не осталось...

Демобилизация

Демобилизовали меня в 1944 году. Когда вернулась с фронта, поступила в Дагестан-

...Когда налет закончился, все лежали уже мертвые, а я под колесом была, и рядом со мной красноармеец лежал, тоже живой остался, мы с ним только двое и остались, а трое или четверо погибли тут же. Вот как было...

ский сельскохозяйственный институт, продолжать учёбу в медицинском после войны я не смогла, потому что насмотрелась на раненых, увечных: без рук, без ног были солдаты, и психологически мне было тяжело. На последнем курсе института мы встретились с моим будущим мужем, Пятницким Степаном, он тоже поступил в сельскохозяйственный, только я уже почти заканчивала, а он на первом курсе.

Послесловие

В 1961 году Лидия Алексеевна Пятницкая с семьей переехала на Сахалин и была зачислена в штат областной сельскохозяйственной опытной станции, где проработала 14 лет, большую часть из которых в должности старшего научного сотрудника отдела пропаганды.

После выхода на пенсию и смерти мужа Лидия Алексеевна переехала в город Геленджик Краснодарского края, где прожила 10 лет, а затем вернулась в Южно-Сахалинск, где проживает вместе с сыновьями и внуками.

Оха

Оха («грязное болото», нивх.) – город (с 1938 г.), центр Охинского городского округа. Население – 20 916 чел. (2017 г.). Город нефтяников, расположен в 849 км от Южно-Сахалинска. Посёлок Оха возник при месторождении нефти, открытом в 1880 году. В 1920–1925 годах был оккупирован Японией.

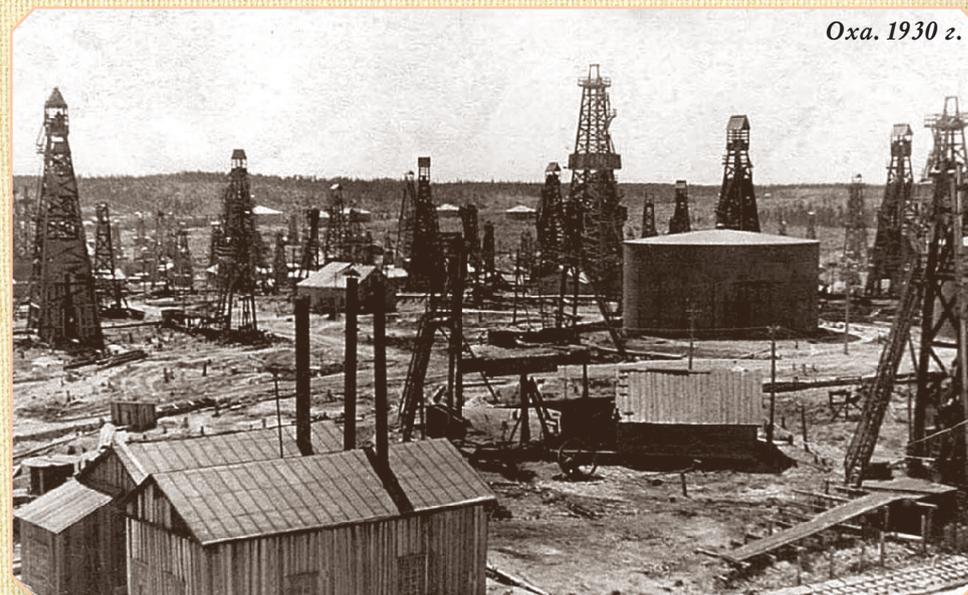
Первый магазин в Охе

С 1889 года в район современной Охи совершал разведывательные экспедиции предприниматель Г.И. Зотов. В 1910 году партия горного инженера А.В. Миндова, направленная нефтепромышленным товариществом «Наследники Г.И. Зотова и компания», построила у реки Оха буровую вышку и пробурила скважину, получив первую сахалинскую нефть (на территории

современного Охинского месторождения). Одно из самых старых сохранившихся сооружений в Охе и на острове Сахалин – деревянная нефтяная вышка имени Г.И. Зотова (1910 г.).

Во время японской оккупации острова Сахалин (1920–1925 годы) в 1921 году возник постоянный населённый пункт – посёлок Оха, в 1923-м начата промышленная добыча нефти. В 1925 году открыто движение по узкоколейной железнодорожной линии Оха – Уркт. В 1928 году по решению СТО СССР создан трест «Сахалиннефть». С 1928 года Оха – рабочий посёлок. В 1932-м году открыто постоянное движение по железнодорожной линии Оха – Москальво. Город с 1938 года. В 1940–1942 годах построен нефтепровод Оха – Комсомольск-на-Амуре. Во 2-й половине 1940-х – начале 1950-х годов в окрестностях Охи начато освоение новых нефтяных площадей (Восточное Эхаби, Паромай). В 1953-м году открыто постоянное движение по одной из наиболее протяжённых в СССР узкоколейных железных

дорог: Оха – Уркт – Ноглики – Катангли (в 2006 году дорога была закрыта, в 2007–2008 годах разобрана). Город пострадал от землетрясения в ночь на 28 мая 1995 года (эпицентр находился в Нефтегорске, в 98 км от Охи). С 2005 года центр городского округа. Оха – основной центр нефтегазодобывающей промышленности на Сахалине. Добыча углеводородного сырья ведётся в окрестностях Охи, а также на шельфе Охотского моря (к юго-востоку от Охи). Большая часть нефти и газа транспортируется по нефте- и газопроводу Оха – Комсомольск-на-Амуре. Действуют заводы: механический (производство и ремонт нефтегазового оборудования) и железобетонных конструкций. Предприятия пищевой промышленности, в том числе по переработке рыбы. Город Оха награждён государственной наградой – орденом «Знак Почёта» (1978 г.).

Оха. 1930 г.

Владимир Федотович СИЧКАРЬ

Родился в 1927 году на Украине, в селе Дзензелёвка Маньковского района Черкасской области. Вместе с родителями в 1931 году приехал на Сахалин. Когда началась война, жил в Дербинском. С 1942 года трудился столяром в мастерской. Спустя год ушел добровольцем в военную школу Тихоокеанского флота, в 1945 году вошел в состав 456-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, размещенного в Александровске-Сахалинском. Участник Южно-Сахалинской наступательной операции.

*В. Сичкарь, младший сержант
456-го отдельного
зенитного артдивизиона. 1945 г.*

С Украины на Сахалин

Наша семья из бедняков-батраков. Родители мои – хлеборобы, крестьяне. Кроме меня, в семье ещё было четыре сына. Отец мой воевал в Первую мировую, потом в Гражданскую войну. После его возвращения домой, в 1922 году, в нашем селе тиф был, умерло 7 человек, в том числе и два моих старших брата. Это было тяжёлое потрясение. Тогда на Украине был сильный голод, который не миновал и наше село, и родители приняли решение уехать. До Москвы добрались, завербовались на Камчатку, получили деньги, купили два мешка хлеба и поехали на поезде в товарных вагонах до Владивостока. Когда приехали, отец заболел цингой, а брат младший – корью. Отца спасли, а брат умер. Пока отец на лечении был, сроки ехать на Камчатку прошли, и мы завербовались на Сахалин. Это был 1931 год.

Александровск-Сахалинский

Приехали в Александровск-Сахалинский. Нашу семью определили на строительство дороги Александровск – Дербинское – Оноры. Разместили нас в конюшне. Лошадей вывели, в стойлах перегородки сделали и нары постави-

Родился в 1927 г.

ли. В каждом стойле семья размещалась. Когда печи топили, то запах навоза сумасшедший был, но ничего страшного. Прожили мы там год. Еда хорошая – кормили, пайки давали, кроме того, были бурты картофеля, мы, как вербованные, им пользовались. Родителей одели: ватная куртка, брюки и вместо сапог ичиги – это нивхская обувь в виде кожаных чулок до самых колен, которые пряжками перевязывались. Родители зимой работали на заготовке леса. Мужчины пилили, а женщины трелевали на себе эти брёвна.

Школа

В 1936 году я приступил к учёбе. Школа у нас была такая: одна комната, печка железная и столы длинные. В школу ходили все. Со мной

Школьники во время ВОВ. Фотохроника

в первом классе даже беременные девушки были. А вечером учились наши родители: переселенцы приезжали неграмотные, а здесь на это обращали внимание. Занимались мы по одному букварю на 10 человек, тетрадей практически не было, писали на газетах и обёрточной бумаге. Ещё у нас были грифельные доски, на которых грифельным карандашом пишешь, а потом тряпочкой стираешь, как на школьной доске. Жили мы дружно и весело, организовывали концерты, участвовали в самодеятельности. Где-то с 1938 года ввели летнюю практику по ботанике для школьников – 15 дней отработки в колхозе.

Дербинское

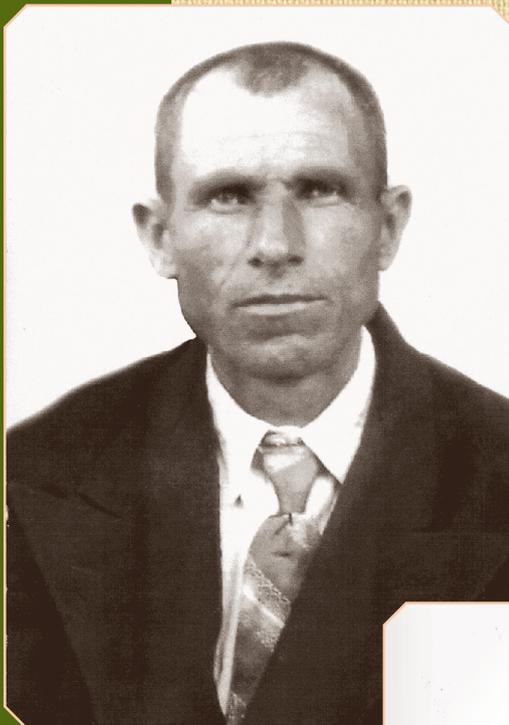
Строительство дороги заканчивалось, и родители решили переехать. Отец отправил маму и нас, пацанов, в село Андрее-Ивановское (ныне – село Белое). Мама устроилась дояркой, а мой брат Андрей возглавил комсомольскую организацию. Ему было 17 лет, комсомольские дела на селе пошли хорошо, и его пригласили инструктором райкома комсомола в Дербинское (ныне – Тымовское). Там он тоже себя неплохо показал, и по рекомендации партии в 18 лет он стал председателем колхоза «20 лет ВЛКСМ» в Дербинском. Это был 1938 год. Дали ему квартиру председательскую, дела в колхозе с появлением брата наладились, и он вызвал родителей к себе. Родители переехали, и, разумеется, я с ними.

ВЛКСМ. Плакат. 1941 г., автор Алимова В.П.

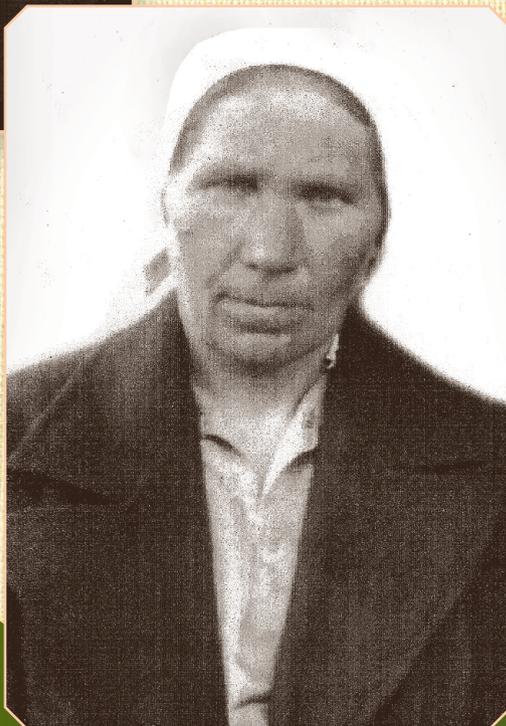

**КАЖДЫЙ КОМСОМОЛЕЦ ДОЛЖЕН
ОВЛАДЕТЬ ВОЕННОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТЬЮ!**

*Отец Федот
Родионович
Сичкарь*

*Мать Мария Дмитриевна
Сичкарь*

*Второй справа в первом
ряду В. Сичкарь. 1946 г.,
Александровск-Сахалинский*

Война

Андрей в составе сахалинской делегации поехал на ВДНХ в Москву, но по дороге им объявили: «Война!», и они вернулись назад. Брат сразу написал заявление добровольцем, хотя у него была постоянная бронь, и ушёл в армию. Отучился в Благовещенске на курсах младших лейтенантов и прибыл в 156-й стрелковый полк 79-й дивизии на Сахалин. Отец, ему на начало войны было уже 50 лет, пошёл добровольцем в 179-й стрелковый полк, тоже на Сахалине, а мама и я остались дома. Я пошёл в седьмой класс, мне было около 12 лет.

Спецдисциплины

С началом войны у нас в школе специальные дисциплины ввели. Нас учили быть готовыми к санитарной обороне (БГСО), к труду и обороне (БГТО), к противохимической обороне (БГПО), проходили занятия «Юный ворошиловский стрелок». Мы занимались, сдавали экзамены по этим дисциплинам, дух у нас,

конечно, военизированный был. А еще мы прыгали с парашютной вышки, она метров 30 была, стояла на запасном аэродроме в Дербинском. Аэродром этот только в военное время был, под него две улицы снесли и колхозное поле забрали.

Трудовой фронт

Учился я плохо. Пропускал много занятий, потому что надо было помогать маме по хозяйству. Но мне повезло! К нам пришли в школу и сказали: «Ребята, такое дело: кто желает в марте пойти работать в мастерские райпромкомбината, тому выдаем справку об окончании 7-го класса, и у вас будет хлебная карточка». Так это ж здорово! Я три месяца отучился и стал столяром 3-го разряда. Мне шёл 13-й год. В мастерских мы делали лыжи для Красной армии, сани, бочки, половые доски, заготовки для кузовов американских автомобилей: брусья, траверсы, лонжероны, бортовые доски. А еще нехитрую мебель: табуретки, скамейки, столы, парты для школы и даже ульи. В Дербинском открыли первый совхоз пчеловодческий, там использовали трехрядные ульи, вот мы их и изготавливали. Работы много было. Нам за нее давали 800 граммов хлеба и пайки военные неполные: пол-литра спирта, табак, чай. Мама меняла их на мыло, соль, хлеб.

Доброволец

В 1943 году у нас на квартире жил старший лейтенант Нестеров. Мы с ним дружили. Вот он мне и говорит однажды: «Такое дело, пришёл запрос, набирают 15–16-летних пацанов на Тихоокеанский флот. Ты пойдешь?» Я говорю: «Я пошёл бы, а мама как?» Отвечает: «Я с мамой поговорю». Мама согласилась, и я пошел на комиссию. Прибавил себе два года (я был рослый, сказал, что мне уже 15), прошёл комиссию. А утром следующего дня нас уже собрали возле моста с котомками. Из нашего района человек 20 было. Отправили железной дорогой до Арково, а оттуда ночью пришли в Александровск по берегу моря, где нас уже поджидали ребята из других районов. Оттуда на пароходе «Желябов» с кривой трубой отправили во Владивосток. Вместе с нами - военных, которые отправлялись на фронт. Курское сражение предстояло, много формирований уходило с Дальнего Востока на пополнение воинских частей. Прибыли мы на Вторую речку, и попал я в 4-ю роту Тихоокеанского флотского экипажа. С июля 1943 года нас стали обучать, а в марте 1945-го я уже был подготовленным специалистом, артиллеристом, и тогда же меня направили назад в Александровск-Сахалинский, в 456-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион.

Брат Андрей Сичкарь (в центре).
1944 г., с. Опоры

Победа

Так у меня началась новая жизнь, армейская. Голодно и холодно было до августа 1945-го, но это не страшно, главное – защита Отечества. В День Победы, 9 мая 1945 года, я был на посту, и вдруг ночью началась беспорядочная стрельба трассирующими пулями. В чём дело, что происходит? Непонятно! Выше нас моряки находились, и у них там пальба поднялась. Мне пришлось объявить тревогу, всех поднял. А оказывается, это была Победа! Утром построили нас, объявили, что кончилась война, а часов в 11 на площади Ленина в Александровске-Сахалинском начался парад Победы. Мы принимали в нем участие, а вечером салютовали. У нас было

16 орудий, и на каждое выдали по три пироснаряда, поэтому наши залпы были самые красивые. А остальные части с ракетниц стреляли. В День Победы нам дали белый хлеб вместо черного и по кружке пива. И служба продолжилась.

Один день войны

Когда началась война с Японией, наш дивизион вошёл в состав действующей армии. 9 августа 1945 года в составе разведотряда мы выехали из Александровска-Сахалинского по направлению к границе, чтобы поддержать наступающие войска малокалиберной артиллерией. Я в составе разведки был, и нас обстреляли. Осколок отлетел и попал мне в переносицу и правый глаз. Переносицу хорошо разбило, а в глаз мелкая крупинка попала, получилось проникающее ранение, и я отправился в медчасть. Вот, собственно, один день той войны у меня и был.

Новая жизнь

После окончания войны служба моя продолжилась на Сахалине. Перед демобилизацией в 1951 году у меня воспалился правый глаз, тот, в который осколок попал. Прихватил ка-

Первая учебная батарея 456-го отдельного зенитного артдивизиона. В 3-м ряду 5-й слева сержант. Октябрь, 1946 г., Александровск-Сахалинский

Владимир Сичкар'. 1941 г. Дербинское

Памятник юным сахалинцам-добровольцам времён ВОВ

питально – вспыхнул. Ну я в госпиталь, а там глаз мне удалили. Началась новая жизнь. После демобилизации я приехал к родителям в Приморье, они переехали сразу после войны в село Анучи. Сельсовет меня направил на должность замдиректора по хозяйственной части Анучинской средней школы. Там окончил я восьмой класс, а аттестат зрелости получил в 28 лет.

Возвращение на Сахалин

В 1956 году вернулся на Сахалин и устроился в Южно-Сахалинске в монтажное управление треста «Дальтехмонтаж» такелажником. Через два года поступил учиться в лесотехни-

ческий техникум, там же одновременно и преподавал. Окончил два отделения, получил два диплома, оба с отличием. Поступил заочно в академию ленинградскую, но далековато было, и я перевелся в институт имени Куйбышева во Владивосток.

Окончил институт, и меня пригласили начальником в Сахалинское ремонтно-строительное управление-2. Занимались мы ремонтом японского жилья, строили новое, печи клали, отопление проводили. До сих пор рядом с Домом культуры железнодорожников стоит пятиэтажный дом, который мы построили. Потом меня обком партии перебросил в Сахалинское строительно-транспортное управление, потом начальником строительно-монтажного участка в управлении пищевой промышленности. В итоге на руководящих должностях и в строительстве я проработал свыше

30 лет. Строил кожевенно-резиновую фабрику; совхозы «Новотроицкий», «Пятиреченский», «Яблочный», «Известковый»; углегорский вокзал, медицинское училище, школы, дома по всей области... Трудился и после выхода на пенсию, сейчас занимаюсь общественной работой в городском Совете ветеранов.

Военный билет с отметкой об участии в ЮСНО

Послесловие

Благодаря Владимиру Федотовичу Сичкарю и поддержке ветеранов в городе Александровске-Сахалинском установлен первый в области памятник юным сахалинцам-добровольцам времён Великой Отечественной войны. Его открытие состоялось 8 мая 2015 года, в дни празднования 70-летия Великой Победы.

НВ № 0462080

7

Наименование воинской части	Должность и воинское звание по штату	Дата зачисления в часть и № приказа	Дата исключения из части и № приказа

18. Участие в боях, боевых походах, партизанских отрядах и истребительных батальонах (где участвовал, в какое время, в составе какой части и в какой должности): с 9 августа по 3 сентября 1942 г. в войне с Японией в составе № 33423 - разведки 2-й дивизии артиллерии при 456 стр. зап. арт. дивизии стр. Архива СВ № 05.3.8.79

Василий Иванович ХОВАЛКИН

Родился 20 июля 1928 г. в Поньоровском районе Курской области. На фронт ушел добровольцем в неполных 14 лет. Служил в 58-й гвардейской армии 17-го гвардейского корпуса в заградотряде. Принимал участие в битвах на Курской и Орловской дуге. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью Жукова. Сразу после войны приехал на Сахалин. Трудился в Тымовском леспромхозе.

Фронт вместо плена

Памятные истории о войне – это долгое дело. Много позабыл... Было это в 1943 году, когда я добровольцем ушел на фронт. Если бы я не ушел на войну, немцы угнали бы меня в Германию. Всех угоняли – женщин, детей, девушек.

Фронтные вехи

Воевал я на 1-м Украинском фронте. Сперва служил в заградотряде. Это когда бойцы отступают, а ты их не пускаешь, придерживаешь – трусов-то знаешь сколько! Не хочет воевать, раз – и бежать. И кричит: «Все пропало, все!» Нет,

друг, давай-ка назад. А еще мы охраняли 15-й гвардейский корпус и были разведошными. Это на Украине было. Когда в разведке служил, и пленных брали, и все было. Помню, отступали под Чернобылем, под таким огнем были, что думали, вообще не выйдем оттуда. Но вышли, потом вернулись, опять пошли в бой. Ранило меня там, в медсанбате лечили. А когда из госпиталя вышел, легче стало. Сколь-

Родился 20 июля 1928 г.

ко раз у немцев из-под пули выходил! Большие бои были под Чернобылем, под Винницей, потом уже к Польше стали подходить, там в окружении были, выбирались кое-как.

Разведка

Как к разведке готовились? Командир сказал – значит, надо выполнить. Идешь, переодеваясь, как пацан, и вперед. Притворяешься беспризорником, бегаешь с местными пацанами, а немцы, знаешь, какие? Даже не немцы, а наши, которые полицаи. Это звери были, а не люди. Стоишь, ему врешь, а сам смотришь по сторонам, куда бы смыться, чтобы он тебя не пристрелил. Вот так ходил я на разведку. Линию фронта переходил через своих, предупреждал, в какое время пойду. В этот момент начинается стрель-

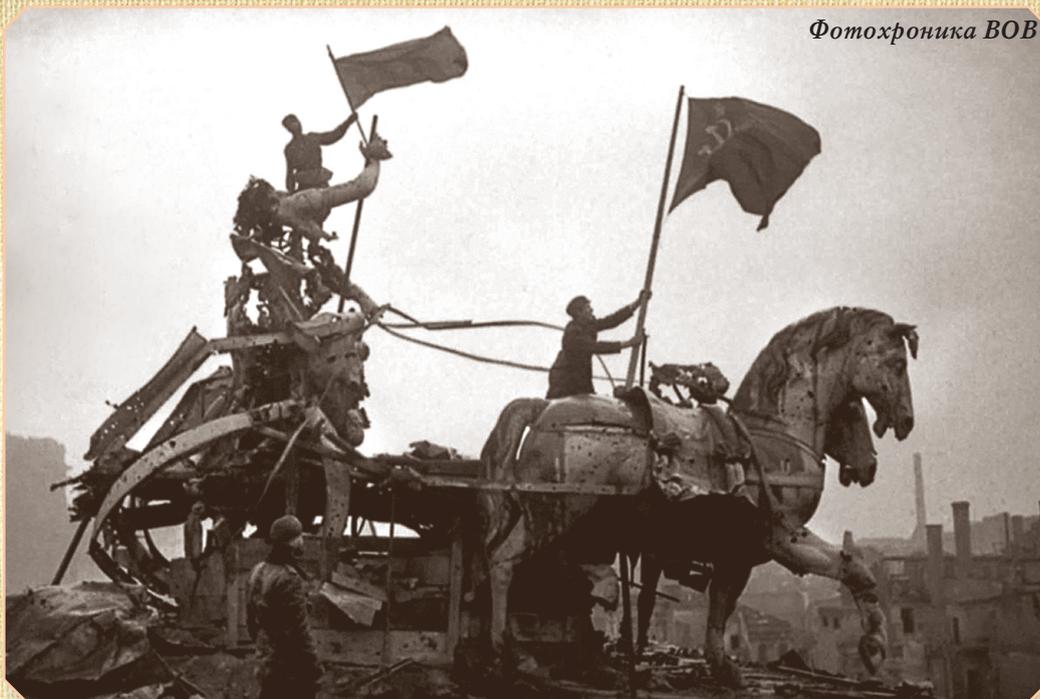

ба, ракеты, чтобы под шумок пройти. На линии фронта минных ограждений много, конечно. И под колючей проволокой я пробирался. Есть ножицы такие специальные, главное, чтобы на проволоке этой не было банок. Немцы их как повесят, чуть-чуть дотронулся – и пошли пулеметы тархтеть. Если так происходит, ползешь к своим. А они тоже начинают стрелять, отстре-

ливаются. Однажды ранили меня в ногу, свои вытаскивали. Бывало, что и в погребках скрываешься, и на полатях. Сколько тебе дали времени на разведку, столько и шатаешься по округе. Потом, когда возвращаешься, идешь к командиру, докладываешь, какие, как, где у них на территории стоят части, где техника какая, где машины стоят, что перевозят. Но в разведку нечасто меня отправляли. Мы, пацаны, считались воспитанниками, а нам не положено.

Смешная история

Много всего было. И в окружение попадали, и отбивались от немца, и в плен чуть не попал. Вот, как с вами, с немцем стою, на него смотрю, а он на меня автомат наставил. Я ему: «Шо ты в меня автоматом тычешь? Стреляешь – так стреляй!», а сам не пойму, кто он: немец ли или полицай какой? А он стоит, смеется и говорит мне:

Фотохроника ВОВ

«Знаешь что, бежи вот туда». Я говорю: «К немцам, что ль? Так я от вас и уйду. Так что побегу туда, куда мне нужно». – «Ну бежи!» – «Так ты в меня стрелять будешь, или что?» А оружие и у него, и у меня, и мы друг у друга его не отбираем, разговариваем. Я говорю: «Ладно. Счастливого, увидимся!», развернулся да и пошел на свою сторону. А он опять засмеялся. Кто он? Может, наш разведчик в немецкой форме? Не знаю.

Домой!

В 1944 году вышел указ Сталина, чтобы всех стариков и ребят непризывного возраста отправить по домам. Я тогда в Польше уже воевал

и подумал: «Сколько раз я ранен, сколько раз на волосок от смерти был, на шо мне это нужно?» Пошел к командиру, меня записали, потом дали документы и отправили домой. Так что мой фронтовой стаж – полтора года.

Победа

На День Победы я дома был. Кругом разруха, все развалено, разбито, люди полуголодные, полурядетые, бандиты расплодились... Трудно очень жили. Порадовались, конечно, по рюмке выпили, вспомнили тех, кого нет, ведь сколько людей погибло в этой войне...

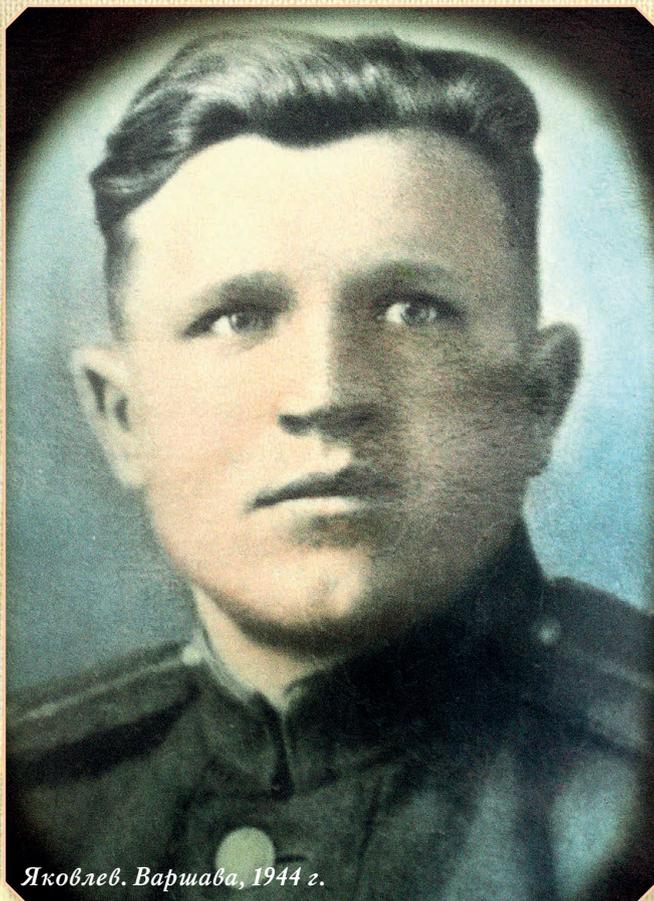

Фотохроника ВОВ

Михаил Ефимович ЯКОВЛЕВ

Родился 14 октября 1923 года в селе Карамышка Татищевского района Саратовской области. В Красную армию призван в феврале 1942 года. Прошел подготовку в Саратовском пехотном училище и был отправлен на Сталинградский фронт. Затем воевал на Белорусском и Украинском фронтах. Из Польши в 1944 году был отправлен на Дальний Восток. В числе награжд два ордена Отечественной войны I степени, орден Красной Звезды, 6 боевых медалей и 14 за доблестный труд. Почетный гражданин города Южно-Сахалинска.

Яковлев. Варшава, 1944 г.

Начало

Отец мой, Яковлев Ефим Осипович, был партийным работником, был на фронте, офицер. Он рано умер, в 52 года. Мать учительница была, преподавала в школе всю войну. Когда началась война, окончил 8 классов. Спустя год мне исполнилось 18 лет, и я был призван в армию. Учился в Саратовском пехотном училище на ускоренных курсах. В августе 1942 года направлен под Сталинград заместителем командира стрелкового взвода 1006-го стрелкового полка 266-й стрелковой дивизии.

Сталинград

Свое первое ранение получил в грудь 1 января 1943 года. Когда наступление началось, сильная пурга была, холодище, снег по пояс, но если бы не мороз, я бы, конечно, мёртвый был. Рану заморозило, и меня снегом присыпало – тепло, а немцы подумали, что я мертвый. Ночь пролежал, потом нашли меня без памяти, вытащили на палатке и отправили в госпиталь в город Рязань. А тогда была вошь, я ещё и тиф получил, и меня из города отправили в районную гражданскую больницу. Там я 13 суток без

Родился 14 октября 1923 года

памяти один в палате пролежал. Не ел ничего, а потом уже меня кормили сёстры.

Разведка

После госпиталя я поступил на курсы младших лейтенантов в городе Мичуринске, а после был направлен на 2-й Белорусский фронт, 190-й полк, 5-я Орловская дивизия. Меня пере-

вели в разведку, сначала в полковую, потом в дивизионную, и два с половиной года я занимался разведкой. Это глаза и уши армии. От нее зависят все наступления, оборона и боевая деятельность. Каждую ночь идешь в тыл врага, к немцам, и знаешь, чем они занимаются, какие планы у них, и вот этих фашистов таскали, потом допросы проводили. Принимал участие в освобождении Белоруссии. В сентябре 1943 года форсировали реку Сож, Березину. Захватили Минск, Могилев, Бобруйск – это были хорошо укрепленные города, сложно было их освобождать. Большую помощь оказывали партизаны. Перед взятием каждого города приходилось брать языка. Было трудно, но привык. Каждую минуту висел на волоске от смерти, был четырежды ранен, получил тяжелую контузию.

Курсы «Выстрел»

В ноябре 1944 года нас сняли с фронта и отправили на курсы «Выстрел» в город Ульяновск. Тогда уже мы узнали, что будем воевать с Японией. Подготовка заняла четыре с половиной месяца. Мы учились вести подрывную деятельность в тылу врага. То есть нас должны были забросить в Японию, и мы обязаны были узнать, какие у них войска, сколько их, какое вооружение имеет неприятель, а затем передать сведения в штаб. По окончании курсов был направлен в резерв в город Спасск Приморского военного округа. Это оперативно-стратегическое территориальное объединение советских вооруженных сил, связанное с войной с милитаристской Японией по освобождению Маньчжурии в составе 2-го Приморского фронта. С 1945 года, по окончании Второй мировой войны, служил в отдельном батальоне охраны лагерей японских военнопленных в должности командира роты. После депортации военнопленных в 1946-м продолжил службу в штабе округа. В 1947 году обратился к командующему Приморским военным округом товарищу Мерецкову с личной просьбой: «В связи с длительными военными действиями прошу об увольнении меня в запас». Просьба была рассмотрена, и последовал приказ на увольнение, а также благодарственное письмо и премии.

Справка о ранении Яковлева

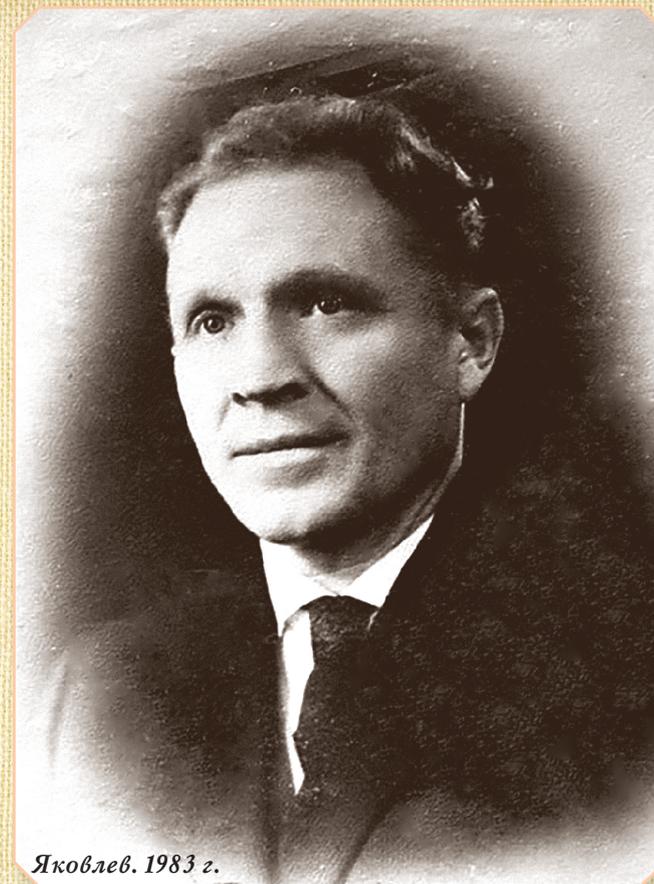

Ветераны обувной фабрики. Яковлев – под бюстом. 1980-е гг.

Мирная жизнь

После увольнения в запас я принял решение остаться на Сахалине и начать трудовую деятельность, предварительно окончив лесной техникум. И так получилось, что всю свою жизнь я посвятил Сахалину. Работал в Томаринском леспромхозе с 1949 до 1959 год – мастером лесозаготовок I категории, техноруком АВП, секретарем парторганизации в течение 10 лет. 26 лет трудился на комбинате кожаной и резиновой обуви, это с 1959 по 1986 год. Был мастером и начальником отдела снабжения сбыта, секретарём парторганизации. С 1986 по 1992 год проработал в Сахалинском филиале института «Дальневосточный

Яковлев. 1983 г.

проект» начальником снабжения и заместителем директора. А затем 11 лет трудился в Южно-Сахалинском гарнизонном Доме офицеров помощником начальника по МТО и АХЧ с переводом на офицерскую должность. С 2003 года работаю в городском Совете ветеранов Южно-Сахалинска. Занимаюсь работой по патриотическому воспитанию военнослужащих, молодежи, по просьбе УВД встречаюсь с заключенными сахалинских колоний. Четырежды был на парадах Победы в Москве от Сахалинской области, первый раз – в 1965 году. Я очень люблю Сахалин.

10. Прохождение службы в Вооруженных Силах Союза ССР с 23.2.1942 по 3.7.1946 г. (с начала времени по какое время)

Наименование бодростей	С какого времени	По какое время
Курсант	23.2.42	10.8.42
Красноармеец	10.8.42	1.1.43
Рабоче-бойцовой	1.1.43	10.3.43
Курсант	10.3.43	6.9.43
Командир стрелкового взвода	6.9.43	7.12.43
В резерве		
Командир стр. роты	7.12.43	26.2.44
Слушатель	20.4.44	15.11.44
В резерве	15.11.44	20.5.45
Командир роты	5.45	20.7.45
КОПРОС При ДО, ОБС	20.7.45	3.7.46
Южно-Сахалинский горвоенком по исполнению		

Военный билет Яковлева

Яковлев с супругой и дочерьми. 1960-е гг.

Смирных

Смирных (до 1946 г. – Кетон, яп.) – посёлок городского типа, административный центр Смирныховского городского округа – 7624 чел. (2017 г.).

Во время Великой Отечественной войны на территории Смирныховского района шли ожесточенные бои за освобождение острова, в ходе которых в том числе погибли командир батальона Леонид Смирных (1913–1945 гг.) и сержант Антон Буюклы (1915–1945 гг.). В их честь были названы три посёлка: Смирных, Леонидово и Буюклы.

*Мемориальный комплекс «Победа»,
фрагмент инсталляции, г. Южно-Сахалинск*

*Стела, установленная в честь подвига
Героя Советского Союза А.Е. Буюклы*

Статус посёлка городского типа Смирных получил в 1966 году. В черте поселка были расположены база ВВС Смирных, с которой взлетали самолёты во время инцидента с корейским «боингом», а также колония строгого режима (ЮО-171/2) и колония-поселение. Смирныховский район с центром в селе Смирных (с 12 апреля 1966 г. – рабочий посёлок Смирных) образован как административно-территориальная единица Сахалинской области РСФСР (с 1991 г. – РФ) 12 января 1965 г. в результате выделения части территории из состава пригородной зоны города Поронайска (рабочие посёлки Буюклы и Матросово), бывшего Тымовского промышленного района (Онорский, Побединский, Первомайский, Смирныховский, Лангерский сельсоветы) и бывшего Макаровского сельского района (Малиновский сельсовет).

С 1 января 2005 г. Смирныховский район наделен статусом МО «Городской округ «Смирныховский» в составе населенных пунктов: посёлок городского типа Смирных; села Ельники, Орлово, Буюклы, Кошевое, Раздольное, Онор, Онор-2, Первомайск, Пильво, Победино, Рыбоводное, Рошино, Южная Хандаса.

Подвиг Смирных

8 августа 1945 года Советский Союз объявил войну Японии. В ночь на 9 августа началась Маньчжурская наступательная операция, успешное развитие которой создало предпосылки для ударов по японским войскам и на других участках фронта.

Леонид Смирных

В 22 часа 10 августа 1945 года главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке маршалом А.М. Василевским был отдан приказ о начале подготовки к операции по освобождению южной части Сахалина. Впоследствии кампания получила название «Южно-Сахалинская наступательная операция».

11 августа 1945 года в 9 часов 35 минут советская авиация нанесла бомбовые удары по Эсутору, Торо и Котону. В 10 утра войска Дьякова перешли в наступление. На главном направлении, вдоль заболоченной долины реки Поронай, наступали части 79-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора И.П. Батунова. Стремительность удара позволила преодолеть передовые позиции японских войск и захватить опорные пункты на горах Лысая и Голая.

Японцы попытались организовать сопротивление в районе Хандасы, который прикрывал дорогу к главным позициям Котонского укрепленного района. В ходе обходного маневра и ночного штурма хандасский опорный пункт был взят.

К концу дня 12 августа к укрепрайону вышел 165-й стрелковый полк под командованием подполковника Н.Д. Курманова.

Правее основных сил корпуса, вдоль Татарского залива в направлении Амбецу продвигались пограничники и специальная рота автоматчиков.

Восточнее войск Батунова действовал 179-й полк под командованием подполковника Кудрявцева. Перед частью была поставлена задача преодолеть заболоченную пойму реки Поронай и выйти в тыл котонскому гарнизону. Действовать подразделению приходилось в исключительно сложных условиях. Дорог на данном направлении не было, вода в низинах доходила до пояса. Естественно, ни о какой технике и речи быть не могло. Войска Кудрявцева не имели ни танков, ни артиллерии, только минометы, которые пришлось тащить на себе. Японское командование не ожидало удара советских войск на данном направлении, так как считало его непреодолимым для техники. Батальон капитана Л.В. Смирных, который был авангардом 179-го полка, сначала стремительным ударом уничтожил японский гарнизон в городе Муйке. Далее, продвигаясь на юг, в ожесточенном бою батальон уничтожил крупный оборонительный пункт, прикрывавший железнодорожный мост. Во время короткого, но кровопролитного боя бойцам Смирных удалось ликвидировать 18 дзотов противника. К вечеру 12 августа разведчики батальона вышли к окраинам города Котон.

К вечеру 13 августа мобильные части корпуса (214-я танковая бригада) преодолели предполье японского укрепленного района и вышли к

Мемориальный комплекс «Победа», фрагмент инсталляции, г. Южно-Сахалинск

Мемориальный комплекс «Победа», фрагмент инсталляции, г. Южно-Сахалинск

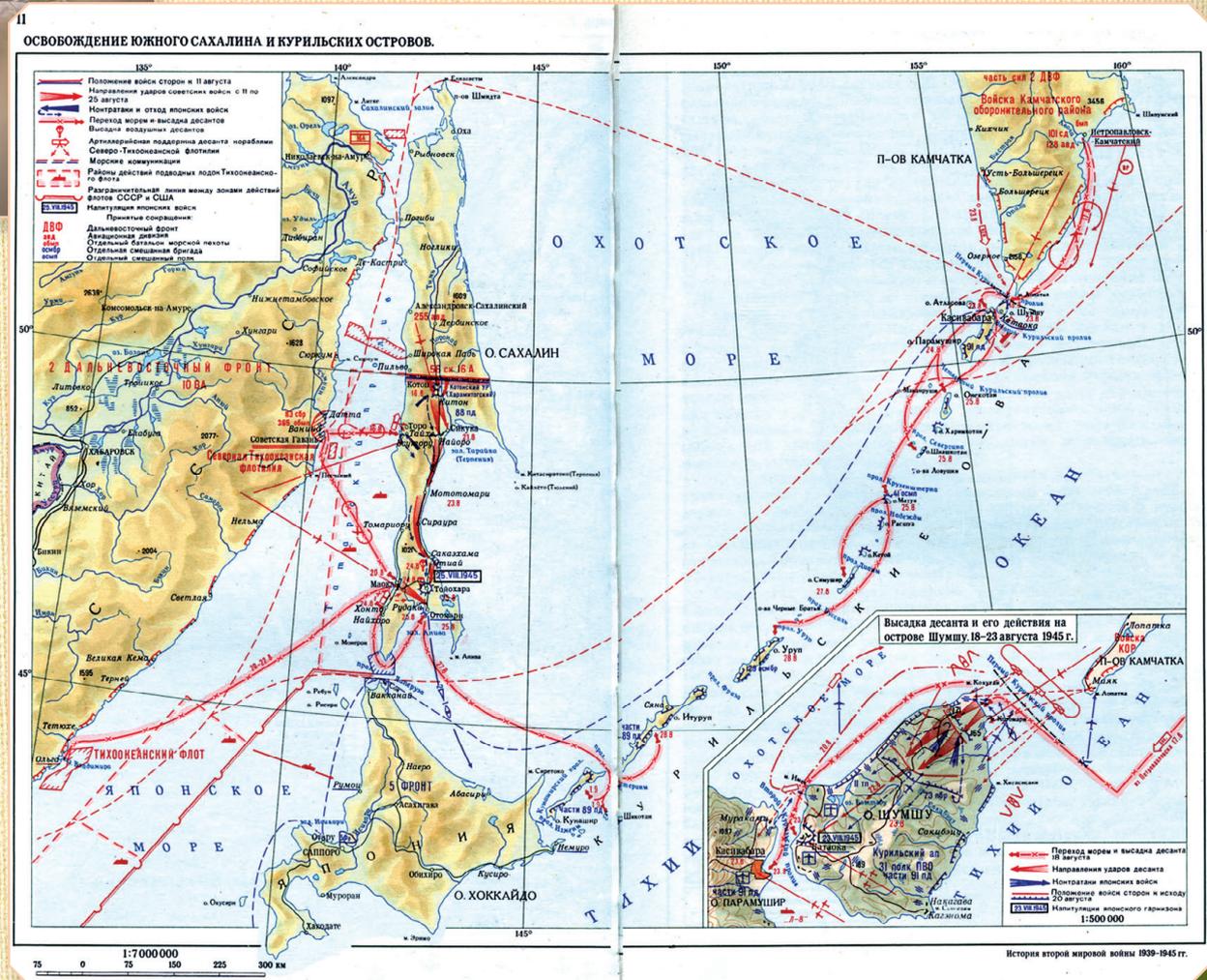
его главной полосе. Танкисты попытались с ходу прорвать оборону противника, но, встретив шквальный огонь, вынуждены были прекратить штурм. 14 августа 165-й стрелковый полк продолжал закрепляться на достигнутом рубеже, пытаясь периодическими атаками прорвать оборону япон-

В этот день подвиг Александра Матросова повторил старший сержант Антон Ефимович Буюклы, закрывший собой амбразуру японского дзота. За этот подвиг он был удостоен звания Героя Советского Союза.

цев. В этот день подвиг Александра Матросова повторил старший сержант Антон Ефимович Буюклы, закрывший собой амбразуру японского дзота. За этот подвиг он был удостоен звания Героя Советского Союза.

179-й стрелковый полк (без 2-го батальона), отбив две контратаки противника, овладел железнодорожной станцией Котон и южными скатами горы Хармитория. На станции было захвачено 3 паровоза и 25 вагонов с имуществом.

Значительную, если не решающую роль в боях за Котон, сыграл батальон капитана Леонида Владимировича Смирных. Его подразделение первым вышло к городу и сразу же вступило в сражение с японцами. Противник, быстро прекратив панику, возникшую из-за нападения советских бойцов с неожиданной стороны, предпринял против них психическую атаку с развернутым знаменем. По приказу капитана огонь был открыт, когда до противника оставалось около 50 метров. Все наступавшие были уничтожены. 16 августа капитан Смирных был убит японским снайпером. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза. Два населенных пункта на Сахалине носят его имя: Леонидово и Смирных.

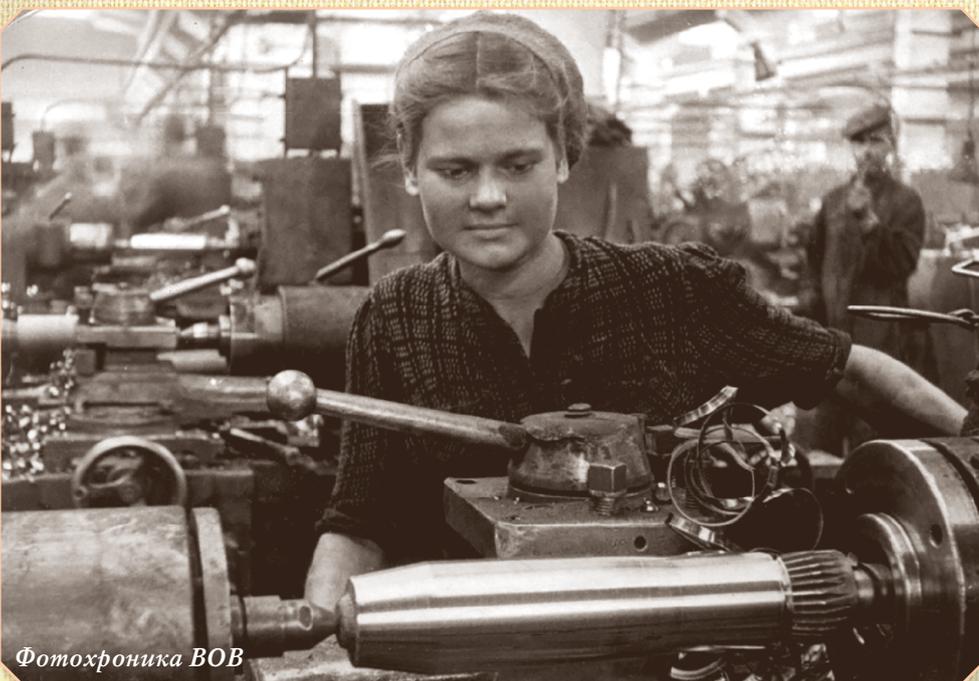
Анастасия Егоровна ГОНЧАР

Родилась 25 ноября 1926 года в селе Кривозерье Терновского района Пензенской области. Во время войны работала токарем на заводе, делала детали для легендарной «катюши». Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» получила в 18 лет. Ветеран трудового фронта.

Побег на завод

Семья наша была небольшая – отец с матерью и мы с сестрой. Жили мы тяжело, бедно. Мать моя была больная, инвалид. А тут еще и война началась. В 1941 году я училась в шестом классе, мне было 14 лет. Помню, как нас гоняли на военный аэродром чистить снег. А по весне, 12 апреля 1942 года, приходит ко мне моя под-

ружка Нюрка и говорит: «Настя, а давай мы с тобой пойдем на завод работать, фронту помогать». Я ей говорю: «Давай!» Мы быстро собрались и пошли, а мама услышала наш разговор, бежит за нами и кричит: «Куда? Не пушу!» Мы прибавили шаг, а потом и вовсе побежали. Так мы с Нюркой убежали в город Пензу на военно-оборонный завод устраиваться на работу.

Фотохроника ВОВ

Завод

На следующий день, 13 апреля 1942 года, нас уже мастер обучал работать на станке, а через пять дней поставили мне уступочку к ногам, закрепили за мной станок и дали должность токаря. Завод наш выпускал военную продукцию крупнокалиберного и реактивного вооружения. Первое время мы не знали, для чего вырезаем и вытачиваем части, все держалось в секрете, но со временем

25.11.1926 г. – 26.02.2014 г.

узнали, что производим элементы вооружения для реактивного миномета «катюша» и боеприпасы к ней. И у меня появилось чувство гордости и радости за свою страну, что благодаря нашей работе и «катюше» мы победим врага. «Катюшу» мы делали оперативно. Если не хватало деталей, шли в литейку, там нам их отливали. Потом во втором цехе детали закаляли, и мы их обрабатывали. С завода на фронт никого не брали. Там и старики были, и молодежь призывного возраста, но мы все были на брони. Мастера у нас трудились, наставники, учили нас, конечно. Много подростков работало.

Лихолетье

Во время войны мы работали по 15–16 часов в две смены. Самым тяжелым был первый

год, когда мне было 15 лет. Одежки не было. Голодные, холодные, ноги мокрые, станки мокрые, детали тоже, а работать надо. И попробуй опоздай! За 5 минут опоздания – 5 лет тюрьмы. Выйти в туалет – пять постов охраны пройти надо. Дисциплина строжайшая. Выходных не было, только пересменки. Праздников никаких. Мечтали, чтобы кончилась война и можно было наесться хлеба вдоволь. Ели картошку мерзлую и капусту. По карточкам получали крупу, сахар, но нам не хватало, потому что работали очень тяжело. А что сделаешь? Но работали мы честно и добросовестно, были послушными, и нас никогда не ругали. Я меньше 700 граммов хлеба не получала, потому что работала хорошо. Флажки на станки нам ставили, мы же по-стахановски работали. Когда мы делали бомбы, я сильно заболела. Мастер не поверил, пошел вместе со мной в медпункт, а у меня температура под 40. Ночевала в цеху, домой не пошла, а утром опять за работу. За всю войну, работая на заводе, я ни разу не опоздала на смену. А ходить приходилось каждый день по 7 километров из своего села до города, да еще и обратно 7, итого 14 километров. Дорогой идешь с работы и спишь, так уматывались. Но были и радостные моменты, когда на заводе устраивали концерты. В цеха на обеденный перерыв привозили артистов. Самая любимая песня у нас была, конечно же, «Катюша».

Фотохроника ВОВ

Фотохроника ВОВ

Отец

Отца забрали в армию в 1942 году в сентябре. И я не смогла проводить его на фронт. Мастер не отпустил. На все мои уговоры слышала в ответ: «Не пуцу, надо «катюшу» фронту давать». Я до сих пор плачу, когда это вспоминаю. 38 лет ему было. Ранено его сильно в плечо, лежал в госпитале в Казахстане. А потом обратно на фронт, после ранения отправили его служить поваром. А в 1946 году прислали извещение, что пропал он без вести...

Победа

В день окончания войны мы работали во вторую смену. В 12 часов, как обычно, пошли на обед, и слышим, по радио объявляют, что война закончилась. Как только узнали такую новость, сразу все станки остановили. Люди плакали от счастья. Утром всех собрали на митинг, нам дали по 100 рублей денег и

талон на бутылку водки. Тогда, в 1945 году, я получила медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Было мне 18 лет.

Путь на Сахалин

После войны я продолжала работать на заводе, производство «катюш» прекратилось, и мы делали клапана, поршни и запчасти на машины. Работала до 1947 года, а потом к нам приехал вербовщик, позвал на рыбный промысел, и я завербовалась разнорабочей сроком на полгода на Сахалин. Путь наш от Пензы до острова занял полтора месяца. 29 апреля 1947 года ступила я на сахалинскую землю. Было мне 20 лет.

Все завербованные на рыбный промысел из Пензенской области жили и работали в поселке Яман (ныне – Новиково) Корсаковского района. Спустя полгода я познакомилась со своим будущим мужем, и он меня забрал в Корсаков.

Мемориальный комплекс «Победа»,
фрагмент инсталляции, г. Южно-Сахалинск

Семья

Муж мой из Приморья, был призван в армию в 1944 году. Служил в пограничных войсках в Хабаровске. В 1946 году их часть перевели на Сахалин в Корсаков. Выдали ему однокомнатную квартиру на улице Восточной в японском деревянном доме. И мы прожили в этой квартире 15 лет. Потом получили финский домик по улице Невельской, там еще 7 лет прожили. Сын родился, декретного отпуска давали 35 дней, а после надо было идти работать.

После демобилизации муж освоил профессию моряка. Сын пошел по стопам отца и 34 года проработал на судне старшим механиком. 1985 год стал для меня самым тяжелым. Сначала ушел из жизни супруг, а следом за ним и сын: заступил в очередной раз на вахту на своем судне, но на берег уже не сошел. Но я не падаю духом, отдаю все силы и заботу нуждающимся в поддержке таким же ветеранам, как и я, помогаю, чем могу. Приехав на Сахалин юной девушкой на полгода, я осталась здесь на всю жизнь и нисколько об этом не жалею.

Фотохроника ВОВ

Поронайск

Поронайск (с 1905 до 1946 года – Сисука или Сикука, яп.) – административный центр муниципального образования Поронайского городского округа. Большая часть города расположена на правом берегу западного устья реки Поронай. Население – 15 311 чел. (2017 г.).

Танки Т-26 и красноармейцы в г. Сикука (Поронайск), Южный Сахалин. Август 1945 г.

В августе 1869 года по соседству с селениями нивхов, айнов и других местных народов было основано русское поселение, пост Тихменевский, названное в честь М.П. Тихменева – военного губернатора Приморской области в 1880–1881 годах. Основное население поста составляли отбывшие срок каторжане.

В 1890 году пост посещал Антон Павлович Чехов, что отражено в его книге «Остров Сахалин». В 1904 и 1905 годах посёлки Тихменевский и Тарайка посещал этнограф Бронислав Пилсудский. После японской оккупации в 40-х годах были построены сульфатно-спиртовой завод, рыбоконсервный комбинат, швейная фабрика. Ведущую роль в экономике района играют топливно-энергетическая и рыбная отрасли: Сахалинская ГРЭС,

которая обеспечивает электроэнергией большинство районов острова, и угледобывающее предприятие ООО «Сахалинуголь-7». Значительный объём всей производимой продукции приходится на долю рыболовецкого колхоза «Дружба». Также на территории Поронайского округа действуют более 30 предприятий, занятых в рыбной отрасли.

Поронайск имеет развитую молочную и хлебопекарную индустрию. ОАО «Поронайский молокозавод» награждено знаком «Лидер пищевой промышленности Сахалинской области».

Районный Дом культуры им. Ю.А. Гагарина в г. Поронайске

Антонина Васильевна МУРАЯ

Родилась 22 октября 1930 года в Воронежской области, Панинский район, село Большие Ясырские Выселки. Когда началась война, окончила 4-й класс. Работала в колхозе. После войны окончила школу, затем Воронежский энергетический техникум. В 1952 году приехала по распределению на Сахалин. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Почетный гражданин города Южно-Сахалинска.

Детство

Моя девичья фамилия Бозюкова. Родители мои – крестьяне, бывшие батраки. Отец – Бозюков Василий Стефанович. Мама – Бозюкова Ольга Григорьевна. Папа 1895 года рождения, а мама – 1894. Всю жизнь они прожили в деревне, в

Родилась 22 октября 1930 г.

которой я родилась. Семья наша многодетная, я была девятым ребенком.

1930-е годы – это очень тяжелое время голода и коллективизации. Когда мне было пять лет, у нас забрали последнюю овечку. Я это очень хорошо помню. Тогда все, кто входил в колхоз, должны были сдать свое имущество. Жили мы очень-очень бедно. Четверо детей умерли, все остальные с Божией помощью выжили. Я все плакала и просила хлеба: «Есть хочу, есть хочу!» Потом колхоз окреп, мы стали есть свой уже хлебушек. Взрослые работали в колхозе, дети в школах учились.

Война

В 1941 году, когда началась война, первым забрали папу. Потом старшую сестру Лидию, она как раз сдавала государственные экзамены в педагогическом училище в Воронеже. Когда немцы начали бомбить город, Лидия в панике, в чём была, в том и побежала в своё родное село, трое суток добиралась. А на следующий день ей принесли повестку и забрали в армию. Настал черёд уйти на фронт жениху средней сестры Нади – Александру, который прошел всю войну, был танкистом, горел в танке, контуженный

Тоня Мурая

был, но дошёл до Берлина. А мы, остальные четверо, – на трудовой фронт. Я, как раз когда война началась, закончила 4 класса.

Работа

Ну что, война началась, конечно, и горе началось. Деревня опустела. А поскольку был июнь, уже хлеба созревали, а там и овощные поля. Они у нас очень большие – равнина. Началась уборка. Всё это легло на плечи старых и малых. Мне пришлось работать в колхозе с 12 лет наравне со всеми, я была рослая девочка. График рабочий такой: солнце взошло – работаешь, солнце село – идёшь домой. Получается, по 12 часов. Женщины на уборке хлебов вязали снопы, а мы, девочки, брали две палки, складывали по 15 снопов, тащили их и укладывали в копну, чтобы дождь не замочил, а потом в скирды скирдовали – это такой тонкий процесс! Потом молотили этот хлеб до глубокой осени на машине в ночную и в дневную.

Мурая в школе. 1948 г.

Руками молотили пшеницу только со своего огорода специальными цепями – палка такая большая, на ней кожаный типок (вторая палка). И вот ею молотили три-четыре часа в день.

Многостаночницы

Работать в колхозе приходилось на разных работах. То мы, девочки 12–13 лет, целый день таскаем из-под машины ящики с зерном 50-килограммовые и высыпаем на ток, то нас на солому поставят: солому, мякину, отвал – надо всё делать. Потом на вилки – и весь день крутишь, как на мясорубке, хлеб сортируешь; четвёртый раз на полку, где стояла механическая молотилка, в барабан которой нужно непрерывно закидывать снопы. Обычно на молотилке стоял старичок в брезентовом фартуке, а мы вдвоем ему помогаем: одна принимает с повозки снопы и мне передает, я разрезаю и перекладываю уже к нему, а он только успеваешь закидывать, чтобы барабан не пустовал. Я ещё в колхозе была водоносной. У нас же по полю нигде воды-то нет.

В деревнях колодцы были. Вот водовоз с бочкой воды едет по дороге, а я с ведром иду по полю. Дойдешь до одного звена, а там следующее, и так до 3 километров. Оттуда идёшь уже с пустым ведром, но зато я никогда не страдала, что пить хотела: воды – пей, сколько хочешь. Правда, хлеба не было. А ведро-то большое, тяжелое. У нас был бригадир. Он ездил на лошади и говорил нам, когда и куда на работу. Мы от него иногда прятались, до такой степени уставали.

Свекла

Со свёклой очень сложно было. Сахар нужен армии, поэтому свёклы много сажали. Бедные женщины, по 50 соток у них свёклы было! На расстоянии 10 сантиметров рядки, потому что она же крупная, и на сантиметров 10 друг от друга. Вот свёкла взошла, а женщинам надо ее всю протяпать, сор вырвать, раздергать (проредить). Три раза её полют, окучивают. Но кроме свёклы у нас выращивали картошку, арбузы, огурцы, помидоры. Мы ходили, поливали. Арбузы, если близко войсковая часть, им отправляли. Давали нам трудодни за работу.

Зимние заботы и весенние хлопоты

Зимой мы вязали перчатки двухпальчиковые (большой и указательный), носки вязали, платочки делали, кисеты шили. Эту работу каждый у себя дома делал. А колхозники работали зимой кто на ферме дояркой, кто на скотном дворе убирал, ведь у нас стадо овец, коров, табун лошадей – за всеми надо же ухаживать. Хороших лошадей брали на фронт, оставались старые и молодняк. Телятница была. Куры. А

весной посев. Гарицу (торбу) вешали на шею, это где-то килограммов 20, наверное, и сеяли. Техники-то не было, какая была – всё приспособивали для фронта. Всё вручную. Косили рожь тоже вручную. К косе прикрепляли ещё и грабли для того, чтобы скошенные колоски один к одному были. Следом идёт бабушка и вяжет колоски святами. А мы осоку жали для того, чтобы эти свята вязать.

Бозюков Василий Стефанович (справа) – отец Мурай А.В. 1943–1945 годы

Бозюкова Лидия Васильевна, сестра Мурой А.В., 1943 г.

О хлебе насущном

Во время работы передыха и перекуров не было, только обеденный перерыв. А пообедать нечем было. Хлеб нам в колхозе давали тогда, когда заготовку всю государству отдадим. Были государственные нормы, а что останется, распределяют. Сколько я заработала трудодней, столько мне граммов пшеницы и дадут. Приходилось есть и лузгу. Лузга – это шелуха от проса. Разотрёшь эту лузгу, а она жежесткая, травки туда добавишь, но всё равно кишечник забивался. Я чуть не умерла от заворота кишок. Есть-то хочется. Соли не было, солили селитрой. Поешь, а потом тебя наизнанку выворачивает.

Ночные поездки

Возили хлеб на элеватор. Это 12 километров. Дороги плохие, мосты разбитые. Едем, а волки нас сопровождают – воют. Темно, электричества-то не было. Месяца нет, когда светит – это другое дело, а так в основном-то темно, в темноте едем. Только и слышишь: «Цоб-цобе, пошёл-пошёл». Обоз из 10 подвод на спаренных быках,

полная повозка, нагруженная мешками с пшеницей. Мешки по 50 килограммов на подводу и с подводы носили женщины. Я ездила с сестрой, сторожила мешки, пока она их таскала на элеватор, потому что могли ведь и украсть. Воровали не свои, чужие. Голодные же люди были. Поэтому мне приходилось с ней ездить. Тяжело было.

Налоги

Нас облагали государственным налогом, каждую семью. Налоги были очень большие – всё забирала. Выкопаем картошку, тут же подгоняют повозку – налог. Нам ничего почти не оставалось. Всё шло для государства, для фронта. У нас сад был, так в саду подсчитали все яблони, и каждая облагалась налогом. Если были излишки яблок, то можно было продать и заплатить налог, а если яблоки не уродились, то налог всё равно платили. На огороде зерно обмолотил своё – 20 килограммов отдай государству. Мяса 20 килограммов отдай. 100 литров молока отдай. 100 яиц отдай. Шерсть, потому что надо валенки армии, и кожу – надо было шить что-то тёплое.

Время учебы

Когда закончилась война, пришёл папа, потом сестра. Папа снова стал работать в колхозе, он возглавлял строительную бригаду. Сестра прошла подтверждение на право преподавания и работала директором в сельской школе. А я после войны пошла в пятый класс, хотя было мне уже 15 лет. Училась хорошо, потому что так наработалась в колхозе, что готова была день и ночь грызть науку, чтобы туда не вернуться. В 1948 году сдала вступительные экзамены в Воронежский энергетический техникум. Когда приехала домой, отец мне и говорит: «У нас нету денег тебя учить, придется тебе все-таки

Мурëхин А.С. (стоит в центре) – будущий муж средней сестры Нади. Берлин, 1945 г.

Бозюкова Ольга Григорьевна, мама Мурой А.В. 1930-е годы

Парашютный спорт

Во время учёбы мы восстанавливали Воронеж. По два часа в день после учёбы носили на носилках кирпичи, помогали строителям. И одновременно я занималась парашютным спортом. Аэроклуб был в здании нашего техникума. Накануне прыжков мы ночевали в аэроклубе, а на зорьке нас вывозили на учебный аэродром, и мы прыгали, а потом, как были в комбинезонах, так и шли на лекции. Чтобы прыгать, надо было обувь иметь хорошую, а у меня ее не было. Инструктор мне давал свои сапоги, а сам гулял в моих ботинках на квадратном каблуке. После прыжка мы, конечно, разменивались: я сапоги ему отдавала, а он мне мои ботинки. У меня есть фотокарточка, где запечатлен мой последний прыжок. Почему последний? Потому что в этот день он мне сказал: «Не дам я тебе сапоги! Ну что я, как дурак, хожу в твоих туфлях!» А я говорю: «Да подумаешь! Не дашь и не дашь». Резинками от парашюта привязала ботинки, а они-то на каблуке, неудобно приземляться. Это был мой роковой прыжок: я в лес залетела, приземлилась, и подвернулась у меня нога. Больше не прыгала.

Дорога на Сахалин

Окончила я техникум хорошо, шла в первой десятке. По распределению выбрала Сахалин, хотя мне его давать не хотели. Тогда на Сахалин было всего пять мест, но потом мне назначение всё-таки дали, я ведь диплом хорошо защитила.

Вот так в 1952 году я

попала в город Южно-Сахалинск, и началась моя трудовая деятельность. Хорошие люди меня по работе окружали. Я работала вначале в Рай-КЭЧ. Это районная воинская квартирно-эксплуатационная часть по эксплуатации жилья и военных объектов. Потом ушла в «Сахалин-гражданпроект». Вышла замуж, ребёнок у меня родился. Попала под сокращение, после чего устроилась в трест «Сахалинтрансстрой». Мы строили аэропорт, паромную переправу, железную дорогу Альба – Ноглики, Арсентьевка – Ильинск, железнодорожный вокзал, железнодорожную больницу, четыре школы построили, жилья сколько! И я всё время работала в этом тресте старшим инженером, ведущим сантехником. Избиралась депутатом от треста. Оттуда я ушла на пенсию. Ещё 5 лет отработала в канцелярии рудоремонтного завода и 20 лет в городском Совете ветеранов.

Парашютисты аэроклуба Воронежского энергетического техникума (вторая слева – Мурая). 1950 г., г. Воронеж

Мурая перед последним прыжком. 1950 г.

оставаться, работать в колхозе». Я заплакала и говорю: «Я буду есть сухую картошку, я буду разутая, раздетая, но я буду учиться». Ну и тогда отец двум моим сестрам постарше меня и говорит: «Вас учили, вам помогали – помогите ей». И Люба мне говорит: «Моли Бога, чтобы я защитила диплом. Я буду пополам делить с тобой зарплату, чтоб ты училась. Я не хочу, чтоб ты жалобными глазами смотрела на мир!» Ну, так и получилось. И я поехала учиться. Была полуголодная и полураздетая: галоши на мне, армяшки – тапочки деревенские – и фуфайка.

Илья Александрович БАРКОВСКИЙ

Родился в 1920 году в поселке Лукачек Селемджинского района Амурской области. В семье Барковских было 14 детей. В 1941 году призван на службу. В 1943 году – сержант, командир отделения 1-й пулеметной роты 1-го батальона 1052-го стрелкового полка. Погиб, защищая Родину, в 1943 году. Похоронен в городе Великие Луки. Его фронтовые письма сохранила мать, Елена Васильевна Барковская. После окончания войны семья переехала на Сахалин. Все это время письма хранились у родственников Ильи Александровича, а в 2015 году были переданы в Сахалинский областной краеведческий музей. Уникальность этих писем в том, что автор фиксирует реальные события, которые происходили во фронтовой жизни бойца Красной армии. Часть из них – перед вами.

7 января 1942 г.

Добрый день, дорогие родители, Мама, Костя, Вера и Василий; всем вам шлю свой командирский привет и желаю вам всего хорошего в вашей жизни. Во-первых, сообщая вам, что полковую школу окончил с успехом ещё до

7 ноября, в общем, проучился я около 3 месяцев и с ноября месяца скитаюсь по разным частям в виду своего нездоровья. Как заболею, так на мое место ставят другого командира, а я по бюллетеню. Как поправлюсь, так меня в другое подразделение зачисляют, ну и так без конца. В общем, день занимаюсь, а неделю валяюсь. Болезни мои, в основном открываются старые раны, как чирьи старые; грудь, кровавый кашель, а в основном спина – вот кратко о своем здоровье. Из-за своего здоровья я не имел определенного адреса. Сейчас я, а именно сегодня, здоров, а завтра не знаю.

Нахожусь я в городе Красноярске, обучаю бойцов, с которыми может не сегодня, так завтра пойду защищать свою Родину.

Я, Мама, овладел грозным оружием, получил военную специальность «пулеметчик-станкист», так что если удачно придется повоевать, так положу немало фашистов. Теперь, Мама, пиши о своем житье, как тебе помогают, как Костя, живой ли?

Мама, пиши побыстрей, а то я не знаю, что происходит у меня дома. Что пишут товарищи с фронта и живые ли они?

Мама, я хотел сфотографироваться, но ввиду своей болезни все ведомости, видно, позапутали, и я уже

Фотохроника ВОВ

1920 г. – 16.01.1943 г.

3 месяца не получал ни копейки и сфотографироваться не могу, если Костя дома, то пускай вышлет, сколько может.

По выходным дням бойцы ходят в город и покушают чего-нибудь хорошего, и горького хлебнут, ну а я только послушаю, чего они ели и пили.

Мама, сделайте это только поскорей, а то я, наверно, скоро полечу туда, где рвутся снаряды.

Писать пока хватает, передавайте привет моему начальству, товарищам, девчатам, учителям; старым, молодым, беленьким и черненьким. До свидания.

10 мая 1942 г.

Здравствуй, дорогая Мамаша, брат Василий, Вера... свой горячий привет с фронта...

Читайте и слушайте, как наши дальневосточники, сибиряки дерутся. Жизнь свою считаю уже только по минутам, но пока еще жив и здоров. Правда, коварный враг начинает применять газы, но этим он ничего хорошего не выиграет. Письмо короткое; нет бумаги, но для вас и этого хватит.

Передайте привет всем друзьям и знакомым. Крепко жму руку.

26 мая 1942 г.

Добрый день, дорогие родители, Мама, Вася, Костя, Оля, Ира, Вова, Муся, Ляля, сестра Вера, ну и остальные друзья и знакомые, перечислять некогда; пишу на поле боя: свистят пули, рвутся снаряды, я еще жив и здоров, но уже крещен снарядом, благодаря глубокому окопу меня только оглушило. Я три дня плохо слышал, и присыпало землей, а в остальном все в порядке. Участвовал уже в двух атаках. Конечно, немцы бояться русского штыка и крика «ура», бросают все и отступают.

Ты, Мама, знаешь, я злой, но если бы ты зна-

ла, какой я сейчас, ведь для меня нет никакой преграды, и мне теперь ничто не стоит убить человека или заколоть его, идя вперед. Я не думаю ни о своей жизни, ни о чем, а только о том, чтобы идти вперед на разгром врага. Отбивая населенные пункты, мирное население удивляется «что вас так мало, а немцев очень много, и они убегают от вас». Это, говорят, за то, что наша победа неминуема.

Время военное; война, переживать приходится всё, а также и со мной может быть всё. Живи сама как сумеешь. Василий пускай доучивается и начинает зарабатывать кусок хлеба, дай Бог жить вам мирно и счастливо. Писать кончаю, снаряды угоняют меня с пенечка. Писал на пенечке, а на пенечке котелочек. Пишите мне письма. Привет всем друзьям и знакомым.

Адрес тот же. До свидания. Крепко жму руку. ПИШИТЕ.

1 августа 1942 г.

Здравствуй, дорогие родные – Мамаша, Василий, Вера и все остальные. Шлю вам свой горячий привет и сообщаю вам, что я жив и здоров, чего и вам желаю.

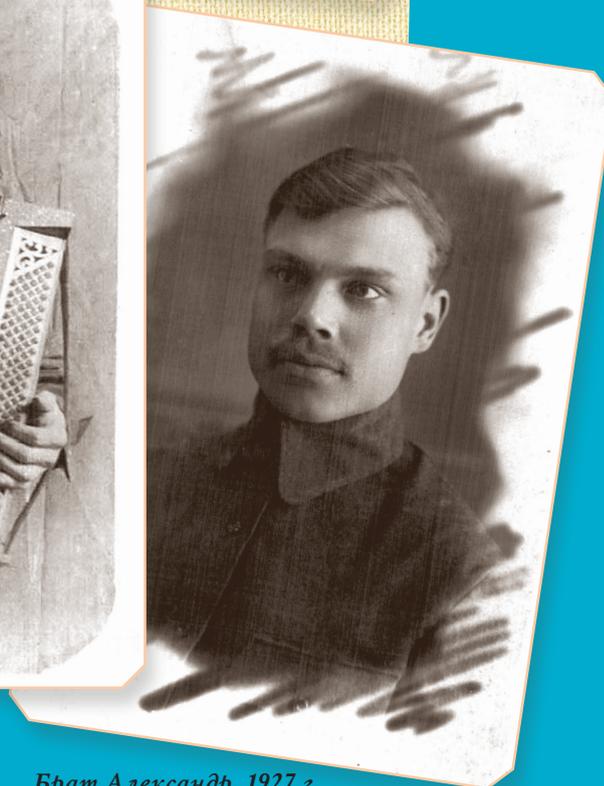
Мама, если бы ты знала, как я мучаюсь жаждой получить от вас хоть бы одно написанное вами мне слово, что, мол, живы и здоровы или больны, или вас совсем нет на свете, может быть, – вот уже год как я от вас не могу получить хоть одну какую-нибудь несчастную телеграмму.

Вера, сестра
Ильи
Барковского

Брат Василий, 1947 г.

Брат Александр, 1927 г.

быть, уже давно отдали свою жизнь за Родину. Пиши, Мама, как жизнь, что посадили и что выросло, и вообще каково положение нашего края.

С приветом ко всем друзьям и знакомым. Пока до свидания. Крепко целую, твой сын Илья Барковский.

Очень прошу, что, как получите мое письмо, сразу же, немедленно, отбейте мне телеграмму, хоть трехкопеечную, а то скоро опять туда, где кони по трупам шагают, где землю окрасила кровь.

«...Ты, Мама, знаешь, я злой, но если бы ты знала, какой я сейчас. Ведь для меня нет никакой преграды, и мне теперь ничто не стоит убить человека или заколоть его, идя вперед. Я не думаю ни о своей жизни, ни о чем, а только о том, чтобы идти вперед на разгром врага...»

Декабрь 1942 г.

Здравствуй, дорогая Мамаша, Василий, Вера и все остальные, которых некогда перечислять: мерзнут руки. Во-первых, сообщаю, что я жив и здоров, сражаюсь с врагом на поле... вот город уже от меня в 6 км. Не знаю только, придется ли его увидеть или нет, проклятая местность; нет леса; болота, вьюги, метели; вечно мокрый, холодный.

Потерял числа, ждал 7 ноября, а сегодня, говорят,

декабрь 10 или 15 число.

Пока до свидания. Заморозил руки. Ваш Илья Барковский.

Фотохроника ВОВ

Мама Елена Васильевна Барковская

Зиновья Ивановна ДУДАРОВА

О Зиновье Ивановне
Дударовой рассказывают
ее сын Александр
и невестка Светлана

Родилась в деревне Горбово Ильинского района Ивановской области. В феврале 1940 года устроилась на шинный завод № 736 г. Ярославля и проработала там всю войну. В 1948 году вместе с мужем завербовалась на Сахалин. 45 лет отработала в управлении железных дорог Сахалинской области. Жила в Южно-Сахалинске. Ветеран трудового фронта, ветеран труда. Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Ветеран труда», юбилейными медалями, нагрудным знаком «Победитель социалистического соревнования».

Александр и Светлана
Дударовы

Мама

Александр: «В девичестве фамилия моей мамы была Ларичева. Детство ее прошло в деревне. В семье было 10 детей, из которых взрослыми стали только трое, остальные умерли по разным причинам. Отец Зиновьи, мой дед, воевал в 1914 году на фронтах Первой мировой войны. Получив ранение, вернулся домой. Бабушка была домохозяйкой. Когда дед пришел с войны, семья переехала в Ростов Великий Ярославской области. Жили неплохо, имели большой дом, хозяйство. Мама окончила 4 класса сельской школы, по тем временам это считалось хорошим образованием.

Перед войной, в 1940 году, мама переехала в Ярославль и устроилась работать на большой шинный завод № 736 упаковщицей и учетчицей. Там делали покрышки для автомобилей, самолетов и прочей техники. Когда началась Великая Отечественная война, завод получил статус военного производства. Мама рассказывала, что работали по 12 часов без выходных и отпусков. Жила она в 5 километрах от завода, на работу ходила пешком, но частенько оставалась ночевать в цеху. Где работали, там же у станков и спали. Недоедали, конечно, пайки были небольшие,

24.11.1918 г. – 04.01.1996 г.

потому что все отправлялось на фронт. Одежда – фуфайка да штаны. Не до красоты, суровый быт, тяжелая жизнь по законам безжалостного военного времени. Опоздание на работу было чревато тюремным сроком. Мера, конечно, кардинальная, но, очевидно, тогда иначе было просто нельзя. Как говорила мама, если бы не было такой жесткой дисциплины, мы бы войну не выиграли. Она вспоминала: счастьем было добраться до дома и выспаться в чистой постели...»

Медаль за
доблестный труд

УДОСТОВЕРЕНИЕ
Дударова
Зиновья
Ивановна
за долголетний добросовестный
труд от имени Президиума
Верховного Совета СССР
решением исполкома
Сахалинского
областного управления
Совета депутатов трудящихся
от 24 мая 1976 г.
награжден медалью

«ВETERАН ТРУДА»
Департамент по делам
Сахалинского областного
Совета депутатов трудящихся
М. П. [подпись]
18 июня 1976 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

За доблестный и самоотвер-
женный труд в период
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Дударова
Зиновья
Ивановна
УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР от 6 июня 1945 года
НАГРАЖДЕН МЕДАЛЬЮ

«ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
С ВОЙНЕ 1941—1945 гг.»

от имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР МЕДАЛЬ ВРУЧЕНА
15 августа 1945
[подпись]
М. П. [подпись]
[подпись]

Ярославль

Светлана: «Ярославль был недалеко от линии фронта. Завод ежедневно бомбили немецкие самолеты, а их обстреливали несколько установленных вокруг завода зенитных установок. Мама рассказывала: «Люди тогда говорили, что немцы не хотят разрушать завод, планируют захватить его и в будущем использовать готовый промышленный объект по назначению. От Москвы до Ярославля всего 200 километров, и немцы считали, что, заняв столицу, они без проблем займут и Ярославль, город сопротивляться не будет. Бомбить завод они прилетали в одно и то же время, практически по расписанию. Поначалу работники разбежались, прятались кто куда, а потом уже просто вставали за колонны. Поэтому зачастую, отработав смену, люди шли на стройку».

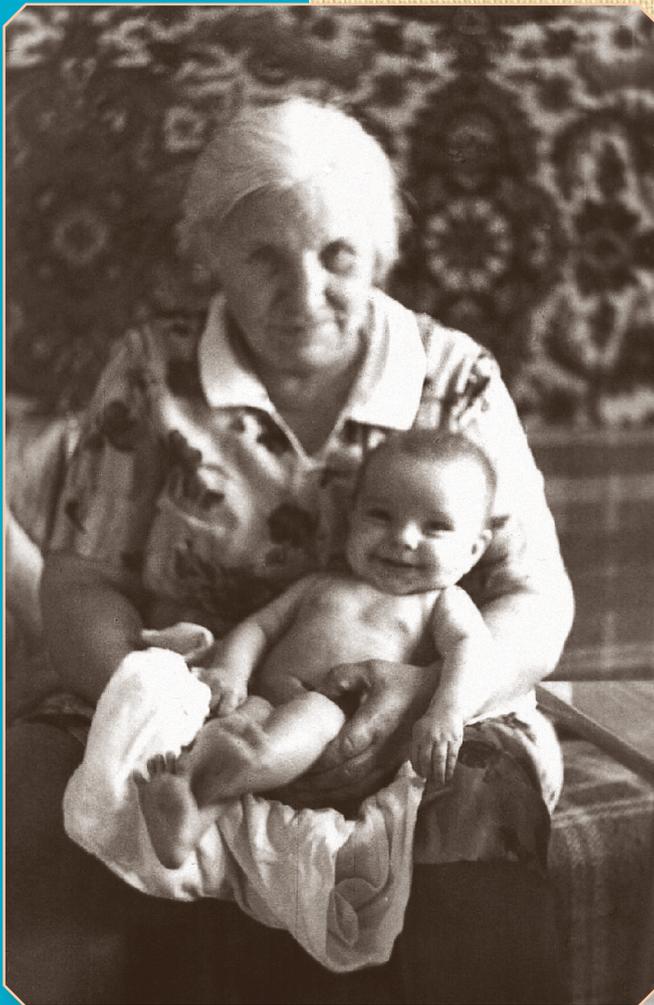
Война

Александр: «Мама вспоминала, как началась война: столбы, радиотарелки, Левитан читает правительственное сообщение, а все молча стоят вокруг, и в воздухе разливается ощущение всеобщего страха и опустошения. «Мы не понимали, как жить, что делать, казалось, что время расплылось и дальше ничего нет», — рассказывала она. Ощущение победы, близкого конца войны стало рождаться только в 1944 году, когда советские войска пересекли границу СССР и начали воевать в Европе. Тогда настрой был уже совсем другим, появились и поблажки на заводе, что тоже радовало. Такой гонки и суровости, как в 1941–1943 годах, уже не ощущалось. А когда пришла Победа, слезам радости и печали не было конца. Люди на заводе плакали, пели

Дударова с детьми и внуками. 1970-е гг.

Дударова с внуком. 1980-е гг.

и танцевали. Плакала и мама – и от счастья, и от горя: ее родной брат Константин погиб на фронте через 2 месяца после начала войны. Вот как это было...

Победа

Александр: «В мае 1945 года, после Дня Победы, мама уволилась с завода и вышла замуж. Мой отец, Николай Александрович Дударов, был водителем, во время войны перевозил по Чуйскому тракту продукцию, которая поставлялась в нашу страну из Америки по ленд-лизу. Поженившись, родители уехали в Прибалтику, а там завербовались на Сахалин. Приехали в 1948 году, планировали на 5 лет, а получилось – на всю жизнь.

Вначале поселились в Александровске-Сахалинском, пробыли там несколько месяцев, а потом переехали в Южно-Сахалинск. Отец работал водителем, а мама устроилась в управление железной дороги и там проработала всю

жизнь. Родила дочь, которая умерла, прожив год, а потом родились я и моя сестра Ирина. Отца не стало, когда мы были еще дошколятами, и мать поднимала нас одна. Всю жизнь подрабатывала, старалась, чтобы мы жили в достатке. Она научила нас трудиться, дала высшее образование. Трудности закалили маму, но она всегда была удивительно добрым человеком. Работая на военном заводе без выходных, по многу часов, недоедая и недосыпая, она привыкла делиться последним и помогать тем, кто в этом нуждается. Еще одно замечательное качество – ответственность и дисциплина. Так она трудилась и во время войны и после – добросовестно. Всегда была в передовиках».

Родные люди

Светлана: «Первое впечатление, когда мы с ней познакомились, – удивительно добродушный, ласковый человек. И первое, что она мне сказала: «Как здорово, что вы пришли!» Было ощущение, что она ждала меня всю жизнь. Такой она и остается в моей памяти – доброй, отзывчивой, добросовестной, бескорыстной и мудрой. Все, за что бралась, она делала на пять. И всех вокруг воспитывала своим примером. Она человек военного поколения, а это люди особенные. У них другое отношение к жизни».

Александр: «Когда я учился в школе, конечно же, был тимуровцем. Однажды мы искали ветеранов Великой Отечественной войны, чтобы им чем-нибудь помочь, и никого не могли найти. А уже когда я повзрослел, то узнал, что практически все мужчины, которые жили рядом с нами, воевали на фронтах Великой Отечественной, имели высокие боевые награды. Один – полный кавалер ордена Славы, трижды горел в танке, дошел до Берлина... Они очень скромные люди. И такой же скромной была моя мама – Зиновья Ивановна Дударова. Светлая ей память...»

Дударова.
1980-е гг.

Александровск-Сахалинский

*Покровская церковь в посту Александровском.
1905 г.*

Александровск-Сахалинский – город (с 1917 года) в России, административный центр городского округа «Александровск-Сахалинский район» Сахалинской области.

Назван в честь императора Александра II. Организован как военный пост, известен с 1862 года как Александровский пост.

Позднее стал одним из ключевых мест каторги Российской империи, преимущественно уголовных преступников, работавших на лесозаготовке и на угольных коях. С 1909 года был центром Сахалинской области Российской империи. В Александровском посту отбывала каторгу легендарная российская преступница-авантюристка, известная под прозвищем Сонька Золотая ручка, которая умерла от «простуды» в 1902 г., о чём свидетельствует сообщение тюремного начальства. Была похоронена на местном кладбище. Место захоронения в настоящее время не известно.

С 1918 года по 1920 годы власть в городе принадлежала правительству адмирала Александра Колчака. В период с 1920 по 1925 годы город был ок-

*Символика города
в советское время*

купирован Японией. До 1926 года город носил имя «пост Александровский».

С 1932 по 1947 год Александровск-Сахалинский являлся административным центром Сахалинской области РСФСР. Во время войны Александровск-Сахалинский снабжал фронт углем и продовольствием, отправляя бойцам Красной армии рыбу и сельхозпродукцию. Сегодня в городе действует хлебокомбинат, предприятия угольной и рыбной промышленности. Здесь же находятся краеведческий музей имени А.П. Чехова и историко-литературный музей «Чехов и Сахалин». Перед мысом в море, недалеко от берега, стоят три живописные скалы, называемые «Три брата», ставшие символом не только Александровска-Сахалинского, но и всего острова Сахалин.

Дом офицеров в Александровске-Сахалинском. 1945 год.

Максим Ехенович КАН

Историю жизни Максима Ехеновича Кана рассказывает его сноха Клавдия Павловна Цой

Родился 9 ноября 1912 года в Хабаровске. В ноябре 1944 года ушел на фронт, участвовал в боях по освобождению Кореи в составе морской пехоты Красной армии. Служил радистом, переводчиком, рядовым в/ч 13140 «Б». Демобилизовался в феврале 1946 года. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Цой Клавдия Павловна

Корея – Хабаровск – Дунгановка

Родился Максим Ехенович Кан в Хабаровске в бедной крестьянской семье. В поисках лучшей доли и спасаясь от японских захватчиков его родители, жившие в северной провинции Кореи, перешли границу России и обосновались в Хабаровском крае. Максим рано потерял отца, рос, учился, работал, женился. А в 1937 году, когда тысячи корейских семей эшелонами вывозили в республики Средней Азии, семья Кана тоже оказалась в Джамбульской области Казахской ССР. Это история страны и трагедия корейцев, живших в СССР, которых при Ежове считали потенциальными японскими шпионами. Многие умирали, не доехав до места, особенно дети и старики. Но такие же бедные и многодетные казахи тепло встречали их, делились кровом и хлебом.

Годы войны

Постепенно семья Максима Кана благодаря исключительному трудолюбию обустроилась. В 1940 году Максим Ехенович окончил Чимкентский государственный педагогический институт им. Крупской Н.К. по специальности «учитель русского языка и литературы», работал учителем, затем завучем в селе Дунгановка Джамбульской области. В 1943 году вступил в КПСС,

09.11.1912 г. – 04.06.1975 г.

а в ноябре 1944 года был призван в Красную армию. В составе морской пехоты участвовал в боях по освобождению Кореи от японских захватчиков. Согласно данным Российского государственного архива социально-политической истории, Максим Кан был радистом, рядовым в/ч 13140 «Б». Его родным была известна только эта скупая информация, потому что сам он очень мало рассказывал близким о войне. Жена Максима Ехеновича – Елена Ли – была простой малограмотной домохозяйкой, но, как и все жены, она на своих плечах вынесла все тяготы

г. Южно-Сахалинск после освобождения от японцев

войны, оставшись одна с четырьмя детьми. К сожалению, один из них (девочка) умер от воспаления легких. Старшая дочь Варвара помогала матери, особенно оберегала младшего брата Гену, который родился за полмесяца до начала войны. Забегая вперед, скажу, что она, как и ее отец, окончила педагогический институт и стала преподавать в школе русский язык и литературу. В продолжение традиции и внучки Максима Ехеновича Кана тоже окончили Южно-Сахалинский пединститут (ныне – СахГУ).

Возвращение

В январе 1946 года Максим Ехенович демобилизовался и вернулся домой живым и невредимым. Он был назначен директором той же школы в Дунгановке, откуда и ушел на фронт, и работал в этой должности до 1951 года. Коллегам, ученикам и близким он запомнился очень скромным, честным, добрым, принципиальным и порядочным человеком. Это был высокий красивый кореец – учитель русской словесности, который играл на скрипке и корейской свирели, прекрасно исполнял русские и корейские песни.

Воспоминания

Своими воспоминаниями о моем свекре поделилась южносахалинка Ида Александровна Семенихина, учитель истории, которая в те трудные

послевоенные годы работала в Джамбульском детском доме:

«В пригороде Джамбула жили дунгане – выходцы из северных районов Китая, потому и место это называли Дунгановкой. Зеленая долина, небольшие домики, школа, два детдома, милиция и медпункт. В каждом доме своя жизнь без шума, скандалов, пьяных песен. Патриархальная старина. Такое впечатление произвела деревня на переселенцев – корейцев с Дальнего Востока, а первое впечатление надолго остается в памяти. Так и у Максима Ехеновича это осталось на всю жизнь. С 1937-го он работал в Дунгановской школе, а когда война ворвалась и в их дом, ушел на фронт. Вернувшись, стал директором школы.

Ученики были разные. В каждом классе учились русские, казахи, дунгане, корейцы, чеченцы. И особый контингент – детдомовские дети, которые недоедали, были вечно голодные, им не в чем было ходить в школу. Одевали их очень плохо, до самых заморозков директор

Кан Максим Ехенович с женой Ли Еленой, с. Дунгановка Джамбульской области Казахской ССР

*Кан Максим Ехенович
с женой Ли Еленой и
детьми Варварой, Героней,
Геннадием и Валерием,
г. Горнозаводск*

детдома не выдавала им обувь. Дети часто оставались без завтрака. И вот однажды, приведя ребят в школу, я столкнулась с Максимом Ехеновичем. Дети сидели на завалинке, поджав ноги от холода. Он спросил: «Что это такое?» Я ответила, что обувь директор выдаст детям только через неделю.

– И вы молчите?

– Мы ругаемся, но без толку.

Так началось наше знакомство. Это была осень 1947 года, самое трудное и голодное время. Узнав, что у меня диплом с отличием, предложил вести в школе русский язык. Через месяц я купила себе обувь. Мы стали бороться с самодурством директора детдома, а Максим Ехенович был нашим защитником. Он всячески помогал детям.

Это был высокий красивый кореец – учитель русской словесности, который играл на скрипке и корейской свирели, прекрасно исполнял русские и корейские песни.

В 1951 году он с семьей выехал на Сахалин. Но судьба уготовила мне еще одну встречу, связанную с ним. Я тоже приехала на Сахалин, работала в средней школе № 11 города Южно-Сахалинска. Однажды в учительской в случайном разговоре было произнесено слово «Дунгановка»! Так я встретила Варвару Максимовну Кан, дочь Максима Ехеновича, она, как и отец, тоже стала учителем русского языка и литературы».

Сахалин

По Указу Министерства просвещения Казахской ССР Максим Ехенович Кан был направлен на Сахалин в город Горнозаводск. С 1951 по 1964 год он проработал в корейской средней неполной школе завучем. Позже ушел на пенсию и переехал в г. Южно-Сахалинск. Он никогда не уходил в отпуск, не бывал на курортах, а вместе с учениками готовил школу к 1 сентября, ремонтировал столы, парты, белил и красил школу. Он воспитывал учеников и своих детей личным примером, жил скромно, честно трудился и любил детей.

Умер Максим Ехенович Кан 4 июня 1975 года в Южно-Сахалинске, в кругу своих родных и близких.

Невельск

Невельск – город-порт, административный центр Невельского района Сахалинской области. Расположен на юго-западном побережье острова Сахалин, на берегу залива Невельского Татарского пролива Японского моря, в 127 км от Южно-Сахалинска. Население – 10 681 чел. Назван в честь адмирала Г.И. Невельского. В XVIII–XIX веке на месте Невельска располагались айские поселения Турумай и Понто-Кэси, последнее в переводе означает «на краю озера».

Японское название города – Хонто, происходит от айского Понто-Кэси. В 1789 г. здесь появились русские землепроходцы.

Между заключением Симодского договора (1855 г.) и Санкт-Петербургского договора (1875 г.) в Хонто была двойная (русская и японская) администрация. С

1905 по 1945 г. Хонто находился в составе японской префектуры Карафуто и являлся городской волостью в уезде Маока.

В 1945-м, после освобождения от японских милитаристов, южная часть острова Сахалин, Курильские острова, а вместе с ним и Хонто вошли в состав РСФСР.

5 июня 1946 года Указом Президиума Верховного Совета СССР на территории Сахалинской области было образовано 14 районов, в том числе и Невельский с центром в городе Невельске. 10 июня 1946 года постановлением Совета Министров СССР был организован Невельский морской рыбный порт на базе Невельского рыбопромышленного района.

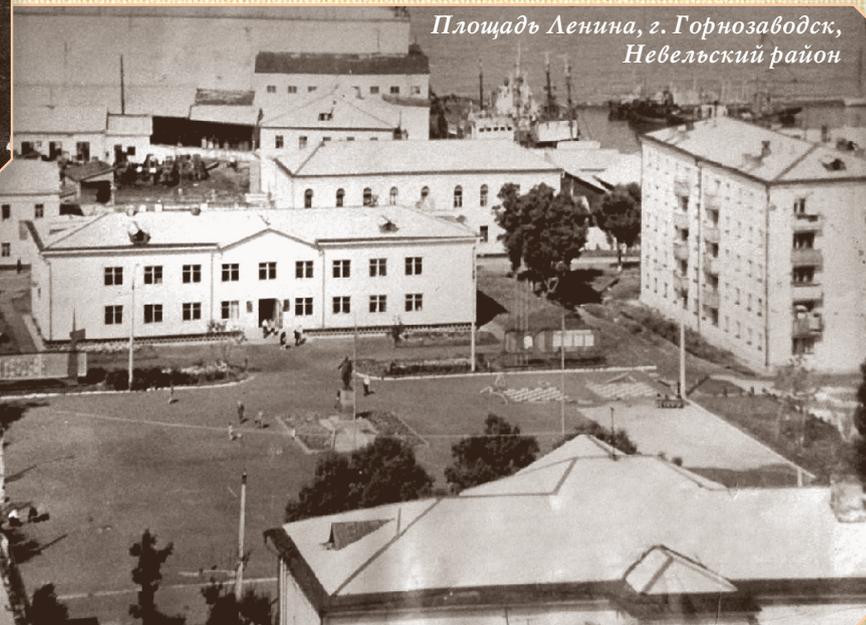
23 августа 1952 года создана Невельская база морского лова в систе-

ме Западно-Сахалинского госрыбтреста, а с 5 марта 1955 года – Невельская база тралового флота. В марте 1957 года был создан Невельский судоремзавод.

Яркой достопримечательностью Невельска, его визитной карточкой стали сивучи. Каждый год в январе – феврале, во время межсезонных миграций, они приплывают в количестве нескольких сотен и остаются там до конца июля. Грациозное животное является одним из символов города и представлен на его гербе.

В порту города Невельска. 1940-е гг.

Площадь Ленина, г. Горнозаводск, Невельский район

Александр Алексеевич ПАНТЕЛЕЕВ

Об Александре
Алексеевиче Пантелееве
рассказывает его дочь
Виолетта Александровна
Алпатова.

Родился 18 августа 1908 года в Белоруссии, в селе Россоховичи Могилевской губернии Климовичского уезда Костюковичской волости. Рос в крестьянской семье. В 30-е годы в составе комсомольского добровольческого отряда уехал на Сахалин. Выучился на учителя, работал в школе села Хоэ Александровского района. На фронт был призван в 1943 году. Воевал на Псковщине, в Литве, в Восточной Пруссии. Награжден орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красного Знамени, медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией». В мирное время – журналист, поэт, писатель. Последние годы жил в Корсакове. Умер в 1986 году.

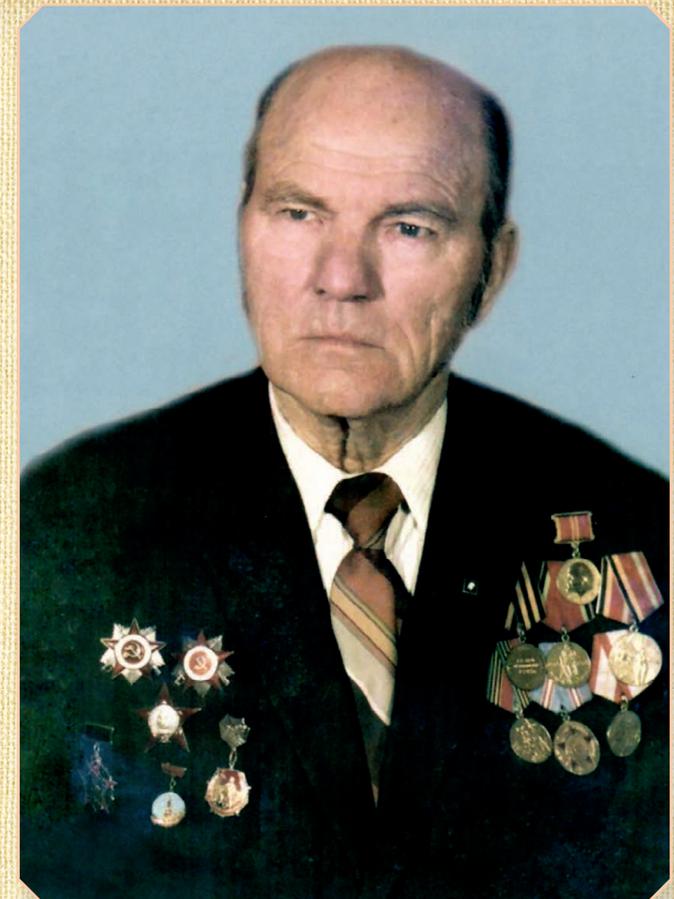
Виолетта
Алпатова

Истоки

Я очень счастливый человек, потому что у меня были замечательный отец, Александр Алексеевич Пантелеев, и мудрая мать, звали ее Клавдия Афанасьевна. Отец родился в крестьянской семье, и было у него 11 братьев и сестер. Отец постоянно ходил на заработки, однажды уехал и не вернулся. Матери пришлось поднимать ребятшек одной в то время. И ей это удалось, вырастила всех. Все состоялись, стали уважаемыми людьми.

Работа

Естественно, поскольку семья большая, всем пришлось много работать. А поскольку семья крестьянская, занимались сельским хозяйством. Мой отец с 7 лет уже знал, что такое плуг, борона, скирда, сено. Когда стал постарше, пошел работать в шахту. А потом ушел в Могилев. Я, побывав в этом году в Белоруссии, проехала той дорогой. Представила, как он шел тогда, ведь ни машин, ни телег не было, то есть из Костюковичей он с узелочком весь этот путь – около 130 километров – проделал пешком.

18.08.1908 г. – 25.12.1986 г.

Устроился в Могилеве работать краснодеревщиком на местную фабрику. Я нашла то место, где фабрика находилась, это Пушкинский проспект, остановка «Островского». Ее уже нет, но все помнят, что именно здесь находилась фабрика.

Комсомольский призыв

В 1932 году по призыву ЦК партии комсомольцы уезжали на освоение Дальнего Востока. И мой папа вместе с группой добровольцев пое-

С женой Клавдией (справа) и подругой. Хоэ, 1937 г.

хал на Сахалин. В дороге у них случилось несчастье – группу обокрали, причем утащили все документы. У папы пропал и партбилет, и паспорт. Приехали они на место, получается, никто и из ниоткуда. Но все обошлось благополучно. Группу направили в поселок Хоэ, они начали там работать, а потом и документы всем восстановили. В 1936 году отец поступил в Александровское педагогическое училище, в 1939-м окончил и работал преподавателем начальной школы в Хоэ, вел уроки биологии. Затем был назначен директором школы. Мама тоже жила в Хоэ, вместе с отцом окончила педагогическое училище, долго работала учителем. Там они поженились, и родилась я.

Военный призыв

Когда началась война, отца сразу не призывали. На фронт тогда отправляли тех, кто родился в 1922–1923 году, молодежь. Очередь до него дошла в начале 1943 года, когда ему было уже 34. Папу призвали, отправили в Шкотово Приморского края, там он окончил военное училище, и, вполне возможно, именно это

обстоятельство спасло ему жизнь, ведь самые страшные битвы Отечественной войны к тому времени уже состоялись. Но обучение было жестким, гоняли их сурово. И там отец со своим другом, будущим сахалинским историком Николаем Рыжковым, поклялись, что если выживут в учебке, то останутся живыми и на войне. Так и получилось.

Фронтовые пути

В конце 1943 года отец попал в 182-ю Дновскую стрелковую дивизию 2-го Прибалтийского фронта. Освобождал Дновск Псковской области, Старую Руссу, Пушкинские горы, участвовал в Невельской операции, освобождал Литву. Там отец получил свой первый орден Красного Знамени. Вторым он был награжден уже в мирное время в знак признания его прошлых боевых заслуг.

Потом отец воевал в Восточной Пруссии, форсировал Неман, далее после переформирования его дивизия вошла в состав 3-го Белорусского фронта и участвовала в боях за Кенигсберг. Отец вспоминал, что город сам по себе был цитаделью. Каждое окно, каждый подъезд надо было брать, отвоевывать, просто так никуда не зайти. В этой мешанине трудно разобрать, где наши, где немцы, врукопашную ходили, в контратаки. Это все продолжалось четыре дня, и отец, когда рассказывал, удивлялся, как они смогли выжить в этом аду. А ведь там оставались те, кто не пожелал сдаваться, их приходилось буквально выкуривать из домов, и много наших солдат погибло уже после того, как город был взят. Отец был контужен, получил незначительные ранения, но никуда не обращался, все перенес на ногах. Тогда он получил медаль «За освобождение Кенигсберга» и орден Отечественной войны II степени.

В 1945 году дивизию перебросили в Польшу, там отец и встретил Победу. До Берлина он не дошел. Но медаль «За победу над Германией» у него есть.

Годы ожидания

Я помню, как папа уходил на войну. Мне было тогда около 4 лет, и он так поднял меня на

С младшим братом (Александр – слева). 1928 г.

*Пантелеев.
Восточная
Пруссия,
1945 г.*

руки, как будто я лечу на самолете! И я кричала: «Еще, еще!» Помню, мама писала ему письма, и я пририсовывала свои каракули. У меня было дикое желание написать ему на фронт самостоятельно, и я старалась изо всех сил. Танки рисовала, мы же постоянно думали о войне. Помню, нам даже гимнастерки пошили, пилоточки, подстригли, и мы ходили, как маленькие солдаты. И ради писем папе я сама в 5 лет научилась писать. А он мне в ответ присылал открытки. У меня сохранилась одна, присланная в 1944 году из Литвы. Он ее подписал так: «На восток скорей летите, стая белых голубей, боевой привет несите милой Веточке моей! Не забудки голубые, радость светлых майских дней, расцветайте, дорогие, вы для дочери моей».

*Восточная Пруссия, 1945 г.
Пантелеев в первом ряду, третий справа*

Тыловое детство

Я привыкла, что у нас в доме говорят: «Отец на фронте, отец бьет врага, отец скоро вернется». Мы, дети, этим жили. Взрослые работали, а за нами, ребятней, приглядывала дежурная по бараку, в котором была наша квартира. Высаживала нас всех рядком, кормила и отправляла гулять. Мы бежали на море, а она – работать. Это был глубокий тыл, леспромхоз, и надо было заготавливать лес. Когда нас кто-то чем-то угощал, мы никто никогда это не ели, а зажимали в кулак и несли дежурной в общий котел.

Победа. Возвращение

9 мая я очень хорошо помню. Я была в школе, шел урок, открылась дверь в класс – и крик: «Ребята, Победа!». Вначале все замерли. Шок. Потом с диким криком выскочили на улицу, целовались, обнимались, прыгали, бегали, и никаких занятий в этот день уже не было. Потом взрослые стали собираться, пошло веселье, а мы скакали рядом. Эти моменты я до сих пор очень ярко помню.

Наш папа вернулся домой в 1946 году, еще год служил в Германии. Я хорошо помню, что у нас дома был настенный телефон, черный такой, и тут мама кричит: «Папка звонит!» Я не поняла вначале: откуда? Неужели с фронта? Хватаю трубку и слышу папу! Он говорит ласковые слова, обещает, что скоро приедет, и я, и он в слезах... А потом приехал, привез мне черное платье, и я была такая счастливая, радостная! Помню, лужи во дворе, и я по этим лужам бегаю, брызги вокруг, так из меня восторг выходил. Папа первое время меня из рук буквально не выпускал. Когда ложилась спать, сидел у кровати, пока не засну. Утром просыпалась – он уже рядом. А потом отец взял меня с собой в Александровск. Я до этого момента никогда

Встреча со школьниками. 1976 г.

не видела машин, а было мне уже 7 лет. У нас в Хозе только телеги с лошадьми, олени и собачьи упряжки, а тут автомобиль! Когда я его увидела, спряталась за папу и закричала: «Папа, на тебя танк едет!»

Журналистика

Вскоре папу пригласили в Александровск работать в редакцию местной газеты. Дело в том, что на фронте он начал писать стихи и печатался в дивизионных газетах. Затем пошли рассказы, очерки. Потому его и пригласили работать корреспондентом. Папа брал меня с собой на работу, очень долго от себя не отпускал, а вскорости мы все переехали в Александровск.

У отца были золотые руки. Он писал стихи, прекрасно рисовал, делал мебель, мог починить обувь. Я не знаю работы, с которой он бы не справился. И он был очень добрый, причем

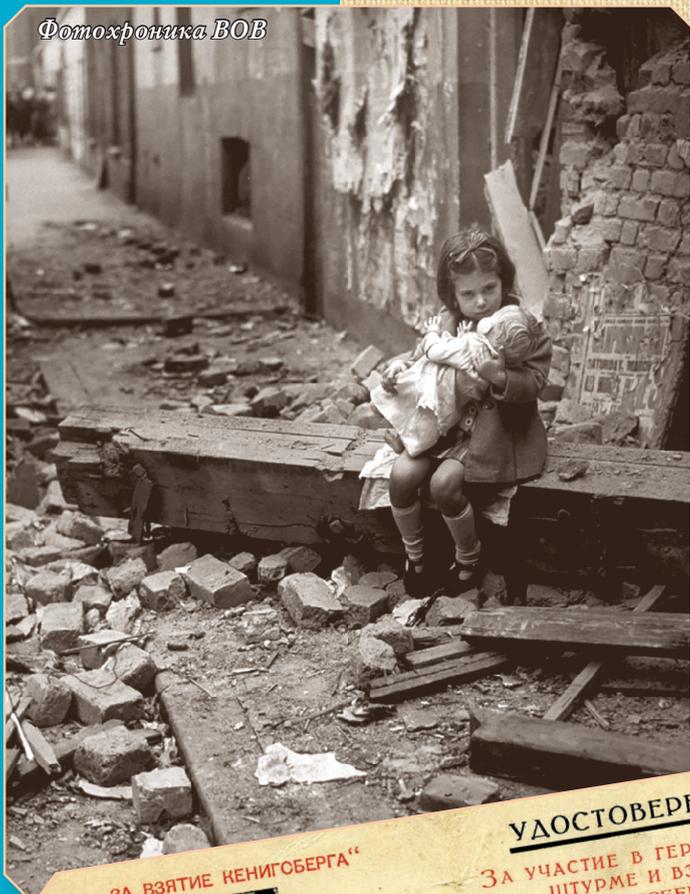
не только к своим, но и к чужим детям. В Александровске он занимался в местной администрации молодежной политикой, это помимо работы вначале корреспондентом, затем редактором газеты. А в 1954 году мы переехали в Корсаков. Там тоже нужно было поднимать газету, и отцу как члену партии предложили возглавить корсаковскую редакцию.

Сотрудники газеты «Знамя коммунизма», Корсаков, конец 1950-х гг. Пантелеев посередине

Александровск-Сахалинский. 1953–1954 гг. Пантелеев со своими детьми

Конечно, Корсаков тогда был совсем не таким, как сейчас. Александровск – столица Сахалина, студенческий город, театр, неплохое по тем временам благоустройство, а в Корсакове машина, на которой мы въехали в город, тут же застряла в луже посреди улицы, такая была грязь и неустроенность. Квартиру нам дали в первом новопостроенном трехэтажном доме. Редакцию отец поднимал с нуля, и мы его практически не видели. Утром уходил – мы еще спали, возвращался – мы уже спали. Единственный выходной – воскресенье. Вот тогда мы и общались всласть. Речка, море, лес – обязательно. Как свободная минута – он всегда с нами, со мной и моими братьями-двойняшками.

...Это были ребятишки-доноры из детского концлагеря. И я могу только представить, что испытали тогда наши солдаты. Наверное, поэтому папа нам ничего не рассказывал. Он очень любил детей и не хотел это вспоминать.

конечно шли приказы: то остановиться, то занять оборону, то переходить в наступление. Это страшно изматывало людей. Так было в Псковской области. А потом, когда врага вытеснили за пределы нашей страны, в Восточной Пруссии шли только вперед, и стало проще. Может быть, маме он что-то рассказывал, но с нами, детьми, воспоминаниями не делился и о войне говорить

не любил. Но однажды я случайно услышала его рассказ о том, как в одном из местечек в Литве после освобождения они отрыли свежее захоронение и там обнаружили совсем маленьких детей. С котелочками,

с узелками, они лежали рядами. Как потом узнали, это были ребятишки-доноры из детского концлагеря, и я могу только представить, что испытали тогда наши солдаты. Наверное, поэтому папа нам ничего не рассказывал. Он очень любил детей и не хотел это вспоминать.

Тяжелые воспоминания

Жалею, что я не расспросила отца, как он воевал. Он рассказывал иногда, что дело доходило даже до рукопашной, получалось и в морду фрицу дать. Конечно, надо было его разговорить, чтобы он вспомнил, что и где происходило, как они брали тот или иной город. Единственное, о чем он рассказывал, о тяжелых бытовых условиях. Не спали по нескольку суток, совершали огромные переходы, и бес-

Большая жизнь

В 1957 году отец стал членом Союза журналистов СССР. Проработав в Корсакове 10 лет, два года трудился на сахалинском телевидении, которое только-только появилось. Плод его трудов – «живые» заставки вместо статичных картинок. А потом, опять же по партийному поручению, вновь вернулся в Александровск-Сахалинский, продолжил работать редактором местной газеты. Писал стихи, рассказы. Выйдя на пенсию, вернулся в Корсаков. Умер отец 25 декабря 1986 года. В память о нем мне удалось в 2015 году издать две книги его стихов и рассказов. Это сборники «Я родом от земли» и «В моей стране не петь нельзя».

Пантелеев
– «За взятие Кенигсберга»

*Пантелеев
на работе*

Я иду в Берлин

(слово русского богатыря)

*Дикой сворой людоеды,
Грохоча броней,
Шли ко мне искать победы,
Овладеют землей.
Что ж, земли сырой немало
Для кладбищ я дал,
Миллионы вас – шакалов
В землю закопал.
А теперь дрожите, звери!
Я вам мстить пришел,
Распахнул в берлогу двери*

*И в нее вошел.
Вот фашистская берлога
В пламени огня!
На Берлин идет дорога –
Это для меня!
От Берлина ключ в кармане
Уж давно лежит,
Не впервые зверь поганый
От меня бежит!
Я пришел сюда со славой
Выполнять приказ,*

*Раздавить врага-удава
И в последний раз!
Мне лишь голову осталось
Отрубить змее,
Чтоб опять не повторилось
Зверство за Земле!
Чтоб не видел больше крови
Мой счастливый сын.
Вот зачем сквозь бой суровый
Я иду в Берлин!
17.12.1944 г.*

Восточная Пруссия,
дер. Альт-Корцевишкен.
Было опубликовано
в дивизионной газете.

Фотохроника ВОВ

Александр Иванович АНТИПЕНКО

Родился 12 декабря 1930 года в селе Злобинка Тоцкого района Оренбургской области. Во время войны работал в колхозе, трудился в поле, пас овец. После войны выучился на тракториста, затем был призван в армию. Служил на Сахалине. После демобилизации остался на острове, работал водителем. Живет в Аниве.

Фотохроника ВОВ

Трудовой фронт

Я успел окончить 4 класса, когда началась война. Семья у нас большая была, отца по брони забрали в Казахстан на завод. А я пошел в колхоз на работу. Было мне тогда 10 лет.

В колхозе детей много работало, помогали своим родителям. Каждый день набиралось нас человек 20-30. Всем давали задание, например полоть пшеницу, и мы руками дергали траву. Кушать было нечего. У всех головокружение, дети падали в обморок, но вставали и дальше работали.

Позже мне предложили помогать старому пастуху ухаживать за отарой овец. Стадо было огромное, около двух тысяч голов. Их нужно было выгонять в степь и заготавливать для них солому. Я согласился. Целый год я провозился с овцами. Собаки помогали нам отгонять волков, они нас жутко донимали, и как мы ни старались, но ягнят волки все-таки утаскивали. Зимой в степи морозы стояли страшные, до -40 доходило. Поэтому осенью овец мы загоняли в кошары.

Прицепщик

В 1944–1945 годах стали возвращаться с войны раненые и комиссованные солдаты.

Родился 12 декабря 1930 года

Помню одного тракториста. Пришел он с фронта весь больной, но дома сидеть не стал. Увидел землю родную и говорит: «Ну что, надо пахать», сел на трактор НАТИ – и в поле. А я к нему прицепщиком пошел помогать, мне уже тогда исполнилось 15 лет. На весь день у меня из еды была только бутылка молока, я пока до трактора утром шел, всю бутылку и выпивал одним разом. Чтобы во время головокружения не упасть с трактора, я себя к нему привязывал. Моей главной задачей было следить за плугом, чтобы он не забивался.

Голод

Кушать хотелось постоянно. Когда днем работали в поле, ловили сусликов и ели. Ох и жалко их было, но голод брал свое. Когда у нас было

свободное время, мы все – и ребята, и девчата – собирались и ходили за сусликами, а потом их выменивали на что-нибудь, то на свистки, то на синьку для белья. Всем хотелось одеться, но одежды не было, одни ботинки на всю семью.

Послевоенный труд

Война закончилась, а мы продолжали работать. Научились стричь овец электрическими машинками. Моя мать славилась стрижкой овец. Она занимала первые места на всех конкурсах за быструю и качественную стрижку овец. А потом меня послали учиться на тракториста-дизельщика в колхоз «Волжская коммуна» Оренбургской области. Учились мы 6 месяцев, на выходные нас отпускали домой. Голод продолжался. Матери муку выдавали, а она горькая была, как хина, есть невозможно, но готовить из нее все равно приходилось.

Армия. Сахалин

После курсов работал я и трактористом, и на комбайне штурвальным. Косили мы пшеницу, подсолнухи. Так жизнь шла потихоньку. А потом пришла мне повестка, и я пошел служить в армию. Нас послали на Сахалин. Ехали в товарных вагонах до Советской Гавани, а оттуда на пароходе до Корсакова. А мы-то отродясь ни моря не видели, ни парохода, кого тошнит от голода, кого от качки. Когда пришли в Корсаков, пять часов стояли на рейде, погода была плохая. Наконец высадили нас, привезли в Дачное на Первую речку. Мы оборванные, страшные, к нам старшина подходит и спрашивает: «Вы откуда будете?», а я ему отвечаю: «Мы из Оренбургской области, большинство трактористы и комбайнеры». Старшина сказал, что мы ему подходим, посадил по машинам, и поехали мы в Аниву через село Озерецкое, оно за Песчанским, сейчас там никто не живет. Дорога была жуткая, каждые 100-200 метров машина застревала, мы все выходили и толкали, а от Озерецкого дорога лучше стала. Рядом с нами пехота пешком шла, а у нас старшина такой веселый попался, кричал им: «Эй, пехота! 100 километров прошел, еще охота!»

Армейская жизнь

Привезли нас в Аниву, в район Черемушки, где размещался отдельный разведный мотоциклетный батальон. Уже палатки для нас поставили, вокруг часовые. Была там хорошая столовая, хлебокомбинат. Поприветствовал нас командир части, заставил повара дать нам всем добавки, и мы так наелись с голодухи! Помню, в тот вечер кормили нас рисом, а мы его никогда и не видели, и мне очень понравилась рисовая

каша с тушенкой. Прошли мы курс молодого бойца, и мне предложили учиться на шофера. Послали в Обару, так село Благовещенское тогда называлось. Отучился, вернулся в свою часть, определили меня в хозяйственный двор, сняли машину с колодок, прицепили к ней трехкотельную кухню, и так прошла моя служба. Об армии у меня остались самые лучшие воспоминания. Я служил, когда еще Сталин был жив. Помню, как мы выходили на вечернюю прогулку с песнями. Наш начальник части – подполковник Шебеда – такой хороший был мужик, отец родной.

Сахалинский водитель

После демобилизации меня взяли в пожарную часть, ее еще японцы построили. У меня «додж» три четверти стоял, помпа в два ствола на 10–12 атмосфер и «студебеккер» с полной бочкой воды. А дома японские горели каждый день, и как тревога – так мы на пожар, и 12 бойцов с нами. Потом я работал в Доме офицеров, возил начальника, после – в райфо (районный финансовый отдел) водителем, в райкоме партии. Получил квартиру, женился. А когда пошел работать в «Коммунальник», выдали мне новую машину ГАЗ–51, водовозку, я вварил в нее два крана и возил по городу питьевую воду. Вот так и прошла моя жизнь.

Трактор НАТИ

Ида Ивановна БРАТАШОВА

Родилась 26 сентября 1936 года в г. Болотное Новосибирской области. Когда началась война, проживала с семьей в городе Татарске Новосибирской области. Пока отец воевал, с матерью и двумя братьями перенесла все тяготы тыловой жизни. Вместе с родителями в 1952 году переехала в Южно-Сахалинск. Работала в торговле, более 30 лет возглавляла профсоюзную организацию городского пищеторга. Стояла у истоков создания организации ветеранов войны и труда в Южно-Сахалинске, до сих пор в ней работает. Имеет множество грамот, наград и поощрений, ее имя было занесено на Доску почета областного центра. В 2017 году Иде Ивановне Браташовой присвоен почетный знак «За заслуги перед городом Южно-Сахалинском» I степени.

Ида Самсонова, 1955 г.

Война

В 1941 году мы проживали всей семьей в городе Татарске Новосибирской области: папа Иван Михайлович Самсонов, мама Александра Нестеровна, братья Арнольд, Юра и я, самая младшая. Папа работал следователем, мама была домохозяйкой. Когда мы услышали по радио, что началась война, я подумала, что это какая-то игра, честное слово. Помню, приехал папа, быстренько собрался, и начались проводы. Провожал его весь город, потому что все его знали. Но меня на проводах не было, я бегала, сама не знаю где. Когда же вернулась домой, мне сказали, что папы нет, он ушел воевать. А я, наслушавшись ребячьих разговоров, сказала маме: «Да что вы плачете! Сейчас он пойдет, немцев расстреляет, и домой вернется!» Ожидание скорого папиного возвращения растянулось на долгих шесть лет...

Тыл

Кушать было нечего, и мы ездили на поля. У нас был фанерный ящик из-под папирос, и я обязательно должна была ехать с братьями в

Родилась 26 сентября 1936 г.

этой папиросной коробке. Я ведь младшая и самая любимая, и мне было дозволено все. Поэтому братья запрягали лошадь и везли меня с собой. На полях мы собирали картошку, колошки, и вот этим питались. Жили мы в отдельном домике с большой русской печкой, с полатями, все как положено.

Ожог

Как-то мама вскипятила чайник, и тут меня понесло к печке. Схватила я его и опрокинула на себя, облилась по пояс. Братья вокруг меня вертелись, а мама помчалась в город и нашла у кого-то растительное масло. Намочили в нем простынь, меня в нее завернули, и как-то выходили,

только шрамы небольшие остались. Но еще полгода после этого я была слепой, и маме сказали, что, скорее всего, я никогда не буду видеть. Но нашелся доктор, ходил к нам домой, лечил меня, и я прозрела. Но первое время все видела в красном цвете.

Мамина болезнь

Писем от родителя очень долго не было. Мы знали, что он тяжело ранен под Сталинградом, думали, что не выжил и мы остались без отца. Мама работала грузчиком на выгрузке угля, и от тяжелой жизни у нее произошло помешательство. Помню, как мы с братом Юрой вокруг мамы бегаем и почему-то ее клюквой кормим. В это время наш старший брат Арнольд учился в Новосибирске на железнодорожника. А тут пришел врач и сказал: «Эту женщину нужно везти в Томск, в больницу, у нее неладное состояние». А с кем оставить нас, детей? Вызвали брата, он поехал домой, и с ним случилась беда: упал между вагонами, и ему защемило голову буферами, сильно ранило. Принесли его домой, и стало у нас двое больных. Врач приехал забирать маму, а она, как оказалось, пришла в себя, и говорит: «Ну куда я поеду? Оставь меня дома, как я детей брошу?» Так и жили. Арнольда вылечили, он поехал доучиваться, а мы остались.

Работа

Помню, мы с братом распределили между собой обязанности. Я, шестилетняя, сопровождала маму на работу. Ее после болезни определили на плодоовощную базу, там она расфасовывала сухие овощи. А Юра, которому было 7 лет, собирал всех маленьких детей по округе, у которых мамы работали, за ними следил и еще успевал шить вещи для отправки на фронт: кальсоны, рубашки и трехпалые рукавички, чтобы солдатам удобно было стрелять. В 1944 году

мама была награждена почетной грамотой за отличную работу. К концу войны мы переселились в барак, в двухкомнатную квартиру. Жили мирно и дружно. Мама у нас хорошая была...

Польша

А потом отец нашелся! Приехал домой в 1947 году и забрал нас с собой в Польшу, где служил военным прокурором. Когда приехали туда, мне уже было 11 лет. Поселились в военном городке, я пошла в русскую школу учиться. И там, в Польше, я впервые увидела выступление ансамбля песни и пляски под управлением Бориса Александрова. В памяти отпечатались песня «Ой, Вася-Василек». С ней я и жила. Когда вспоминаю, почему-то плачу...

Воспоминания о войне

Папа о войне ничего не рассказывал. И не любил об этом вспоминать. О том, как он воевал, я узнала недавно, когда получила копию его наградного листа, датированного апрелем 1945 года. Там было написано, за какие заслуги он награжден орденом Отечественной войны II степени. Там было сказано, что следственные действия товарищ Самсонов проводил в условиях боевой обстановки, непосредственно на переднем крае под огнем противника и проявил себя как мужественный и смелый офицер. Помимо ордена Отечественной войны у папы два ордена Красного Знамени, один получен в 1944 году, второй — в 1956-м за заслуги. Кроме этого медали «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу

*Родители Иды Браташовой,
г. Ачинск, 1930 г.*

Семья в Благовещенске, 1952 г.

Ида с мамой и братом в Польше, 1948 г.

над Германией», «За боевые заслуги», медаль 1948 года «30 лет Советской Армии и Флота».

Сахалин

В 1949 году отца отправили служить в Благовещенск. Мы туда приехали, и то время – самое мое любимое. В Польше было очень строго, там не больно-то побегаешь-попрыгаешь, за граница. В Благовещенске жилось намного проще. Там мы находились до августа 1952 года. Папа к этому моменту окончил военно-юридическую академию в Москве, и его направили служить в Южно-Сахалинск помощником военного прокурора в

погранвойсках. Пока мы добирались до Сахалина, квартиру, которую выделили папе, заняли. Нас поселили в японскую хибару. Там было очень холодно, мы спали в валенках, шубах и шапках, и так прожили около двух лет. А потом папе выделили отдельную квартиру, правда, неблагоустроенную, но мы были рады и этому. Папа занимал высокую должность, но ничего себе не требовал и нам, детям, велено было никому ничего о папе не рассказывать. Мы жили как все, очень просто.

Торговля

Получив среднее образование, я окончила в Рыбо-

Иван Самсонов на фронте. Литва, 1944 г.

ловпотребсоюзе годичные курсы и в 1957 году начала работать младшим продавцом в хлебобулочном магазине. Он находился на Ленина, там, где потом была диетическая столовая (ныне – здание управления СахРЖД. – Прим. ред.). На работу приходила к 7 утра, и уже в магазин стояла длинная очередь за хлебом. Затем меня перевели в магазин №5 напротив хлебного, там мы торговали мясом, молоком, колбасами, ово-

Ида Самсонова в школе, начало 1950-х гг.

щами. Потом отправили в магазин «Рассвет», сейчас на этом месте здание УВД. В 1960-м перевели в комсомольско-молодежный магазин возле парка за речкой, и уже в то время мы там обслуживали пожилых людей. Тогда же окончила техникум торговли, и меня повысили до заведующей, а потом в городе выстроили «Рябинку», и в 1962 году я пришла туда работать завсекцией. В 1973-м уже была заместителем директора объединения, в которое входило пять магазинов.

Профсоюз

Когда пришла в объединение, меня выдвинули и утвердили на должность председателя профсоюзного комитета городского пищеторга. Это 59 продуктовых магазинов, плодоовощная база, ремонтно-строительная группа и база гужевого транспорта. Общее количество сотрудников — почти 2000 человек. Многих знала по имени-отчеству, многим помогала и радовалась этой работе, потому что получалось. Меня поддерживало то, что во мне заложил папа. Для него работа всегда была на первом месте, он был убежден, что нужно отдавать людям и душу, и сердце. В отпуск я

первый раз в жизни пошла только в 1968 году, и братья мои такие же трудоголики были.

Ветераны

Когда меня избрали председателем профсоюзного комитета, первой моей задачей было объединить всех участников Великой Отечественной войны и трудового фронта. Я еще не знала, как мы будем с ними работать, но с 1973 года их под крылышком держала. И сделала это не случайно. Когда папа умер в 1962 году, мы с братом пошли в воинскую часть, где он последнее время работал. Молодой офицер предложил нам подождать в коридоре, а когда мы вышли, то услышали, как он говорит кому-то: «Тут пришли Самсонова дети, а чем я им помогу?» И тогда я поняла, что участникам войны и трудового фронта необходима поддержка. Мы посещали их в госпиталях, в больницах, навещали дома и старались максимально облегчить им жизнь. Тогда при старом Доме офицеров работала областная организация ветеранов, и мы с ней сотрудничали. А в 1987 году в Южно-Сахалинске была создана городская ветеранская организация, так что нам в этом году 30 лет.

В строю

В 1996 году я вышла на пенсию и погрузилась в общественную работу, потому что меня избрали в состав городского Совета ветеранов. Сейчас я уже не могу ходить долго, но продолжаю трудиться дома. Взяла на себя группу ветера-

нов, с ними и работаю. Звонят очень много, приходится объяснять, растолковывать. На праздники их собираю, расспрашиваю, как живут, чем нужно помочь. Но многого уже не могу. Зато есть хорошая смена, например ребята из центра молодежных инициатив, волонтеры. Они очень много делают доброго.

Любовь

Прежде всего нужно любить людей. Это основное. А когда будешь любить людей, придет любовь и к работе. Мне много приходилось помогать ветеранам, которых я опекала. Это и беготня бесконечная, и хлопоты, но все это вызывало лишь прилив сил, потому что мною двигала и движет любовь...

Продавец хлебного магазина, 1957 г.

Юлий Антонович СКАЛЕЦКИЙ

Родился 1 июля 1934 года в г. Балта Одесской области. Во время войны пережил эвакуацию и голод. После войны жил, учился и работал в Молдавии. Музыкант, хормейстер, педагог. В Южно-Сахалинск приехал в 1962 году. Руководил корейским ансамблем «Ариран», трудился заведующим музыкальной частью драмтеатра им. Чехова, концертмейстером во Дворце пионеров и школьников, учителем музыки и МХК в школе № 2. Отличник просвещения, заслуженный педагог Сахалинской области. Живет в Южно-Сахалинске.

Юлий Скалецкий с сестрой и родителями. 1935 г.

Родился 1 июля 1934 года

Начало

Родился я в городе Балта, это на Украине, рядом с Молдавией и Приднестровьем. Была у меня еще и сестра Мария, старше на 8 лет. Наш отец – кадровый офицер, его часто переводили, поэтому путешествовали по всей Украине, жили и в Жмеринке, и в городе Бар. Война застала нас в Житомире, где отец служил начальником склада ГСМ. Как началась война, я очень ярко помню, потому что 23 июня Житомир уже бомбили. Склад и военный городок, где мы жили, был немного в стороне от города, за Богунским мостом. Оттуда очень хорошо было видно небо над Житомиром. Очень хорошо помню целую стаю самолетов, взрывы бомб, зенитных снарядов... Через восемь дней после начала войны мне исполнилось 7 лет.

Спасительный крест

Склад ГСМ, которым руководил мой отец, майор Скалецкий, находился в небольшом густом лесу и представлял собой ряд соединенных друг с другом подземных храни-

Дед и бабушка
Юлия Скалецкого

лиц. Он потрясающе был устроен. Когда его строили, деревья не вырубали, а выкапывали под ними настоящие бункеры. Весь этот лесной массив был обнесен колючей проволокой, охраняли его с собаками. К нему от города была отведена тупиковая железнодорожная ветка, она шла через лес, и над ней солдаты связывали и стягивали ветки деревьев, чтобы ее сверху не было видно. Такая была маскировка. О том, как отец вместе с сослуживцами выбирался оттуда в начале июля 1941 года, он рассказал мне уже после войны. В первую очередь им нужно было вывезти документы.

Планировалось, что когда бумаги загрузят в машину и личный состав будет готов покинуть территорию склада, отец кинет в люк ближайшего подземного бункера гранату, чтобы с помощью цепной реакции подорвать весь склад. «И вот, – рассказывал отец, – заканчиваем мы грузить документы, а в этот момент в наш тупик подходит поезд, и я слышу немецкую речь. Решение было принято мгновенно: я приказал всем бежать в штаб и покинуть территорию склада через окно, перед которым я предусмотрительно перерезал колючую проволоку. Все кинулись туда, я подорвал гранатой машину с документами, а в люк бункера бросил зажженную папиросу. Этого хватило, чтобы пары ГСМ взорвались и пошла цепная реакция. Убегали мы по пересеченной местности, по перелескам и кустарникам. За нами устроили погоню, но у нас был хороший запас времени, потому что немцам пришлось долго искать выход со склада, к тому же начали взрываться подземные хранилища, и им не до нас было. Когда мы уже оказались в безопасном месте, то увидели, что от сапог у нас остались одни голенища, а на ногах сплошные ошметки и клочья. Никогда в жизни я с такой скоростью не бежал, так меня страх гнал...»

Эвакуация. Казахстан

Спустя неделю после начала войны семьи наши начали эвакуировать. Подогнали товарные вагоны к складу, мы туда загрузились и уехали в Харьковскую область. У мамы было направление в Новосибирск, но мы доехали до Чугуева и там остановились в доме у прекрасной женщины. Звали ее, как мою сестру, – Мария Антоновна, по фамилии Выдышева, и адрес помню до сих пор: улица Шевченко, 10. Дом у нее был типично русский – деревянный, добротный, с высоким забором. Но там мы пробыли недолго, потому что немцы наступали, и мы поехали дальше, в Среднюю Азию, в Казахстан. Поселились в селе Михайловка Свердловского района Джамбульской области, сейчас там все по-другому называется.

Дети войны.
Хроника ВОВ

Юлий Скалецкий и солдат Нелябов, 1944 г.

Отец Юлия
Антон Скалецкий

Вначале жили неплохо, у мамы были запасы, к тому же она по аттестату получала деньги от отца. Помню, что в детский сад я там ходил, был в летнем лагере, а в первый класс пошел только на следующий год. Зимой мне сделали операцию, удалили аппендицит, и болел я часто, постоянно простужался, не до школы было...

Расстрелянный поезд

В 1943 году, сразу после освобождения Харькова, мы уехали из Казахстана и вернулись в Чугуев, к той же Марии Антоновне. В долгих переездах пережили страшную ситуацию. Подъезжаем к станции Лиски, это Воронежская область, и вдруг слышим рев моторов. Поезд остановился, началась стрельба. Оказалось, немецкий самолет-разведчик прорвался в глубинку и начал палить по вагонам. Помню, в купе сидели мама, я с сестрой, напротив женщина, и ее прошла пулеметная очередь, прямо через крышу. Все бросились из вагонов, старались отползти подальше от состава, от железной дороги. В памяти отпечаталась картина: окно перед тамбуром, на столе под

ним стакан со сливочным маслом, залитым водой, чтобы не испортилось, а в окне летит этот самолет – низко-низко, и я четко вижу, что в кабине два летчика, оба в очках, первый ведет машину, а второй стреляет из пулемета. Я на всю жизнь запомнил улыбку на его лице, он крутился с этим своим пулеметом, скалился и палил по людям. С нами в этом поезде ехало много военных, в том числе раненые, и он расстреливал людей в форме. Вместе с нами ехала семья сослуживца отца, он был начальником штаба. У его жены волосы были длинные, красивые, и я помню, как она с крохотным сыном Валерочкой бежала по насыпи от поезда, и это настолько четко врезалось в память, что, если бы я умел рисовать, нарисовал бы... Мама нас с сестрой к себе прижала, а я все смотрел на этот самолет. Он прицельно бомбил паровоз, и я понял, что они стремятся его уничтожить. В какой-то момент взорвалась очередная бомба, мы услышали мощное шипение, и весь паровоз окутало дымом. Все вокруг взвыли – машина уничтожена, состав дальше не пойдет, как быть? А самолет сделал над нами еще один круг, помахал крыльями и улетел. И тут мы слышим: «По вагонам!» Оказывается, машинист понял, что фашист паровоз хочет уничтожить, и после очередного взрыва открыл все, какие можно было клапаны, чтобы сымитировать его гибель. И мы поехали дальше...

Чугуев. Голод

Когда вернулись в Чугуев, выяснилось, что мужа Марии Антоновны немцы расстреляли, а похоронить его разрешили в саду возле дома. За что расстреляли? У него нашли охотничье ружье. Кто-то донес, очевидно. Несмотря на то, что Мария Антоновна работала в управе, помочь ему она не смогла. И там, в Чугуеве, мы пережили страшный го-

лод. Потерялась связь с отцом, не было подтверждения аттестатов, денег мама получить не могла. По карточкам нам давали порцию пустого супа и три кусочка хлеба, и больше ничего. Почему-то вспоминается грязь на улицах, жиж, холодно, а у мамы на ногах вместо башмаков мешковина навернута, веревкой подвязана, потому что обуви не было. Как-то она раздобыла картофельные очистки и попыталась сделать из них оладьи. Помню, она эти очистки крутила через мясорубку, потом пожарила, попробовала и расплакалась: «Діти, ви не будете це їсти!» И что-то сломалось у нее в сознании, а дня через два Мария Антоновна заподозрила, что мама собирается отравить и себя, и нас с сестрой. Очень многие тогда не выдерживали голода и от отчаяния и безысходности травились. Но именно в этот момент к нам приехали двое солдат от отца и привезли несколько ящиков продуктов. Оказывается, он нас искал, узнал, где мы живем, отправил нам эту посылку, и мама пришла в себя, воспряла духом. Это нас спасло...

Румыния

Из Чугуева мы переехали в Жмеринку. В 1944 году к нам домой прибыл солдат Нелябов, и с ним я поехал к отцу в Румынию. Помню, в Черновцах меня уложили в багажник автомобиля, и таким образом меня к нему доставили. У него я пробыл месяц и там видел свидание отца

с женщиной, которая потом стала его женой. Она служила у него секретаршей. Конечно, очень переживал. А потом меня забрал к себе в роту капитан Копылов. У него сынишка был такого же возраста, как я, он за ним скучал и очень обрадовался, что я у них появился. Пошли мне военную форму, Нелябов постоянно был рядом, и вместе с солдатами я поехал по Румынии. Немцы настолько людей напугали, что села были пустые. На всю деревню - несколько стариков, собаки мертвые на привязи, фрукты неубранные, куры везде бродят, несутся, где попало, запустение полное...

Мирная жизнь

С войны отец возвращался уже с новой женой. С собой он привез два вагона добра, но все отправил своим сестрам в Молдавию. Нам с сестрой оставил велосипеды, мне гармошку, аккордеон, ксилофон, и с этого началась у меня моя музыкальная эпопея. В 1946 году мы переехали в Молдавию, в деревню Ержово, там я начал серьезно заниматься музыкой и скоро стал настоящим кормильцем семьи: зарабатывал, играя на свадьбах. Но это уже совсем другая история...

В дни Победы. Фотохроника ВОВ

Николай Григорьевич СМИРНОВ

Родился 12 мая 1931 года в селе Титово Калужской области. Во время войны пережил оккупацию. После войны окончил школу, затем Брянский лесной институт. Добился распределения на Сахалин, на остров прибыл вместе с супругой в 1954 году. Персональный пенсионер республиканского значения, кавалер четырех орденов. Делегат ряда съездов КПСС, избирался депутатом Верховного совета РСФСР, неоднократно — депутатом областного и городского Советов депутатов. Почетный гражданин Сахалинской области, участник общественно-политического движения «Сахалинская гвардия».

Николай Смирнов. 1970-е гг.

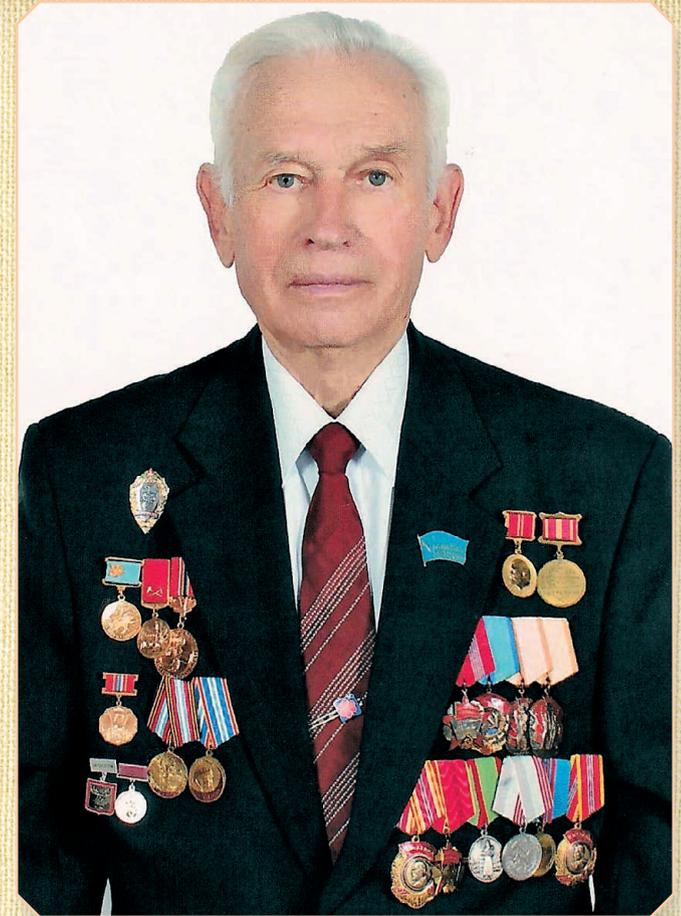
Семья

Отец мой, Григорий Иванович Смирнов, окончил ЦПШ — церковно-приходскую школу. Как самого грамотного в деревне, его отправили учиться в двухгодичную школу агрономов. Тогда их на селе практически не было. Школу он окончил перед войной. Мама моя, как и папа, родилась в Титово, рано осталась без матери. Окончила первый класс ЦПШ, вот и все ее образование.

22 июня 1941 года

Был день солнечный, я гулял, и кто-то мне сказал, что началась война. Я побежал к соседям сообщить эту новость, а они уже знали, и мама тоже. Потом пришел папа и отправился к соседу Мите Жутову, они крепко дружили. Помню, как сидят они с дядей Митей, четвертушка водки перед ними, выпивают и говорят о предстоящей войне, которая, как они считали, недолго продлится.

Я очень хорошо помню, как провожали на фронт односельчан. Возле школы был митинг, все сходились во мнении, что война скоро кончится и надо быстрее немцев добить и возвращаться. Дядю Митю забрали одним из первых. Он ушел, и

Родился 12 мая 1931 года

от него ни разу не было ни письма, ни сообщения. Только потом мы узнали, что поезд, на котором он ехал, разбомбили. Он даже не успел добраться до фронта. У папы моего была бронь. Его забрали только в конце августа 1941 года. Он был артиллеристом, охранял дорогу, которая шла от Москвы через Оку и Тулу на Курск и имела большое стратегическое значение. Папа прослужил там до конца 1943 года, а когда немцы перестали дорогу бомбить, отца перевели на запад. Закончил он службу в 1945 году в Германии.

Конечно, среди нас, пацанов, было настроение тоже идти воевать. Я и мои друзья Ваня Жутов, Леня Авдонин, мы мечтали о том, чтобы уйти на фронт. Но с другой стороны, думали: а как же наши мамы останутся без нас? Мы же их единственные помощники. Когда папу забрали на фронт, мама была беременной. Братишка родился в 1942 году, мне тогда было 10 лет. И мы втроем жили всю войну в Титово, огород держали, корова была, свинья, овечки, и все это благодаря маме, она была устойчивая, дальновидная, и мы серьезного голода во время войны не испытывали.

Немцы пришли

В начале ноября 1941 года к нам пришли немцы. Помню, мы в школе, урок идет, вдруг открывается дверь, и заходит фашист. Зеленая шинель, экипировка - противогаз, лопата, автомат, ранец за плечами, внешне он выглядел убедительно. Он начал нам что-то говорить по-немецки, мы ничего не поняли, тогда он подошел к счетам напольным, три косточки отсчитал, еще что-то сказал и пошел в другой класс. Наша учительница Анна Ивановна сказала, чтобы завтра мы в школу не приходили, занятия прекращаются, и мы разбежались по домам. В этот день в Титово был введен комендантский час.

Одновременно началось массированное

наступление немецких войск. Наша деревня стояла на большаке, который связывал Тулу и Калугу, а ответвление вело на старинный город Алексин, оттуда на Серпухово и Москву. Через Титово шли большие немецкие обозы, пушки, а мы, пацаны, днями просиживали и наблюдали за движением вражеских войск.

Оккупация

В первый же день нас из дому выгнали. Все, кто оказался в таком же положении, как и мы, ночевали в большой избе на слободе. Утром мама говорит: «Коля, сходи посмотри, что у нас там дома творится». Я пошел. Смотрю. Папа перед войной накопил сена, и мы его во дворе сложили. А под ним, под этим сеном, мы перед приходом немцев спрятали папин велосипед, который он купил перед войной, мамину гордость – швейную

*Коля с родителями
и бабушкой*

*Оккупация Белоруссии.
Фотохроника ВОВ*

машинку – и узел с разным тряпьем. А у немцев было много крупных бесхвостых лошадей, першеронов, которые тащили обозы. Так вот, немцы все наше сено забрали им на корм, а наше добро валялось посреди двора! Я быстренько велосипед затащил на чердак, туда же машинку и тряпье. Потом зашел в дом. Там немцы растопили нашу русскую печь, пользоваться ею они не умели, как дом не сожгли, до сих пор не понимаю. На меня не обращали никакого внимания, я еще походил, посмотрел и побежал маме докладывать что и как.

Днем нам разрешили вернуться в дом, но к вечеру следующая партия немцев пришла ночевать, и нас опять выставили. Так продолжалось дней 15-20. Помню, один немецкий офицер на ломаном русском говорил нам, что через пять дней Москва будет взята. А у нас жила наша родственница, тетя Варя, учительница, она к нам из райцентра перебралась, и она тихонько говорила: «Ничего не будет. Никакой Москвы они не возьмут. Так же, как с французами, получится». В адрес фашистов она высказывалась однозначно. Не для печати.

Потом поток немцев стих, и в нашем доме поселилась немецкая почта. Машина подвозила аккуратно запакованные посылки, которые шли из Германии. А в них булочки, яблоки, фрукты, конфеты, печенье. Но шли эти посылки долго, да и многих из тех, кому они предназначались, уже не было в живых. Поэтому почтари очень хорошо жили. Надо сказать, они нас не обижали, наоборот. У фрицев мода была – по домам пройти, в печки залезть, щи забрать, то, что плохо лежит, утянуть. Мародерничали.

А почтари их из нашего дома выпроваживали.

История про санки

Наш дом стоял на взгорочке, а внизу колодец. Ребята постарше украли у немцев санки с подрезами, они металлические, скорость хорошую развивают, и мы катались от нашего дома до колодца и дальше до речки. Как-то уселись, катимся, и я слышу: «Санки на колодец летят!» Я за кого-то уцепился, меня из санок выбросило, смотрю, они летят прямо на колодец, а там немец в этот момент воду доставал. Нагнулся через сруб, и

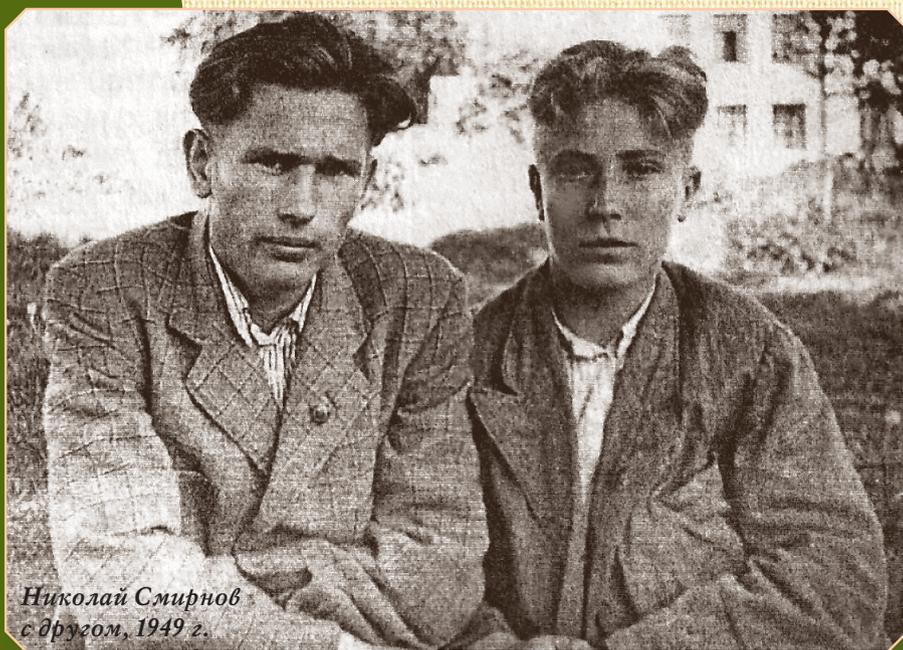

Фотохроника ВОВ

эти санки на полном ходу в него и врезались. Он заорал, откинулся назад, упал, а мы все от этого колодца врассыпную! Ходили немцы потом по деревне, искали ребят, которые участвовали в этой диверсии, но никого не нашли. Все попрятались, и как-то обошлось. А фрица на носилках унесли. Видимо, позвоночник ему повредило.

Мелкое вредительство

Мы, пацаны, были настроены как-нибудь немцам навредить. Допустим, машина стоит, ты

Николай Смирнов
с другом, 1949 г.

телогрейкой фару прикроешь, камешком по стеклу бах! – и лампочку выкрутил. Вред мелкий, но чувствительный. В нашей деревне стоял танк. Немцы для устрашения оставили. Мы все думали, как бы его подорвать. С другой стороны, понимали: найдут – расстреляют. Хотя эсэсовцы до нашей деревни не дошли, поэтому таких зверств, как в других местах, у нас не было. Но, когда немцев прогнали, мы нашли у них в штабе среди документов список тех, кого они хотели арестовать. Был там и мой отец.

Отступление

В конце декабря 1941 года что-то такое произошло непонятное, немцы зашевелились. А у нас ведь никаких источников информации не было, только сарафанное радио. Наши почтари давай машину проверять-подтягивать, и потихоньку молва донесла, что под Москвой у немцев большие неприятности. А вскоре через Титово началось отступление, и мы оказались в эпицентре боевых действий. У немцев была задача - прикрыть отступление всей этой армады, что находилась под Москвой. В деревне они установили пушки, минометы, но главный оборонительный рубеж расположили за Титово. И вот наступил день, когда мы утром проснулись от грохота орудий. Мины рвались прямо под окнами. Те, у кого были подвалы, погреба, сразу туда попрятались. А у нас отец подвал выкопать не успел, поэтому мы сидели дома, вместе с немцами, которые приходили, ели и уходили, злые и мокрые. Помню такой момент: немец сидит, ковыряет штыком консервную банку и говорит маме: «Матка! Зальц!» Она отвечает: «Сала нет». Он кричит: «Зальц!» Мама пытается объяснить, что не понимает, а он этим шты-

ком в стол как долбанет! Оказывается, он соли просил.

Всего бои шли около 7 дней. Но они показали нам вечность. День на третий по нашей деревне ударила «катюша». Было сделано два залпа. Немцы страшно перепугались, начали измерять толщину стен нашего дома, наверное, рассчитывали, пробьет или нет. Взрывами «катюш»

*Ничего не будет. Никакой Москвы они не возьмут.
Так же, как с французами, получится.*

сорвало крышу с одной избы, в другом дворе подрижье загорелось и два дома на большаке. И все же обстрелы большого вреда нашей деревне не приносили. Нам потом красноармейцы говорили, что старались беречь население и по домам не били, а вот по окопам и по открытым площадям лупили прицельно. Еще лет десять после войны пацаны по лугу босиком не могли ходить, все усыпано было осколками.

Освобождение

Вечером мама пошла к корове, а потом заходит домой и говорит: «Коль, я там видела человека в снегу. Заметил меня и пополз по огороду». Это, видимо, разведчик наш был. Буквально на следующий день вся немецкая армада схлынула, как по мановению волшебной палочки.

Утром следующего дня вышли мы из дому, а вокруг – абсолютная

тишина. А ближе к обеду появились конные повозки, наши бойцы в маскхалатах и на лошадях. Так кончилась оккупация, и мы все плакали от радости...

Победа

Помню, 9 мая 1945 года я вышел из дому и направился в школу. А впереди меня молодой человек идет, лейтенант, чистенько одет, видно, что не наш, не титовский. Я полюбовался на него, прихожу в школу, а мне говорят: не будет сегодня занятий, будет митинг. Война закончилась. Все собрались на площадке перед школой, а погода солнечная, яркая, теплая, радостная... Мне тогда было уже 15 лет, и после войны для меня началась совсем другая жизнь...

С супругой, Тымовское

Иван Елисеевич СОЛОДОВНИКОВ

Родился 25 мая 1930 года на хуторе Оробинском Верхнемамонского района Воронежской области. Во время войны пережил оккупацию, был в детском доме. Окончил педагогическое училище. В 1950-м был призван в армию. Служил на Сахалине. Демобилизовался и остался на острове. Всю жизнь вместе со своей женой преподавал русский язык и литературу в школе села Троицкого. Там основал клуб «Поиск», музей, издал несколько книг, в том числе и об участниках Великой Отечественной войны. Известный сахалинский педагог, краевед, историк.

Иван Солодовников, армия

Семья

Я сам воронежский. Родился в 1930 году в многодетной крестьянской семье. Думаю, мы были середняки, потому что имели корову и лошадь. Воспитывала нас религиозная бабушка Федора Демьяновна, поэтому «Отче наш» мы знали наизубок. Она умела лечить страшное заболевание - стригущий лишай. Что-то шептала, водила вокруг болезненного места иголкой, а вслух проносила три раза: «Чтоб ты пропал!» И что бы вы думали? Вылечивала лишай. Но это было так давно, что страшно подумать...

Школа

Жили мы на хуторе Оробинском Верхнемамонского района Воронежской области. Школа была единственным кирпичным зданием под металлической крышей. До войны успел я окончить 4 класса. Помню, желание учиться было очень большим. Когда старший брат пошел в школу, я ревел и потихоньку туда за ним бегал. Учительница Дарья Тихоновна поговорила с моим отцом, и они решили – пусть учится. И я стал ходить в школу. Носить было нечего, на двоих одна пара сапог, помню, дрались с братом из-за них. Когда успешно сдали экзамены за 4-й класс, нас за это

Родился 25 мая 1930 года

покатили на полторке ГАЗ им. Молотова. Для нас это было событие!

Война

Школа закончилась в мае, а 22 июня началась война. Стояла великолепная погода, голубое небо, ни одного облачка. Радио не было, ходили люди по хутору, стучали в окна и всех звали на митинг. Я его смутно помню, но очень хорошо запомнил, как председатель тракторной бригады Андрей Солодовников говорил, что мы разобьем фашистов и он принесет нам шкуру Гитлера. Но с войны он не вернулся. Погиб...

Елисеиха

Когда была объявлена мобилизация, мобилизовывали не только людей, но и технику, и лошадей. Нашу лошадь звали, как отца, Елисеиха. Я у бабушки спрашивал, почему не Елисеевна, а она объяснила, что так зовут людей, а у лошади – кличка. И была наша Елисеиха своенравная. Никакие загородки ее не держали. А признавала она только отца. К сожалению, она очень рано пала. Видимо, от тоски по отцу. И корову пришлось забить, помню, ведем мы ее на убой, а она плачет...

Оккупация

Потом появились немецкие разведчики, а после немцы пошли через наш хутор, и шли они день и ночь. Мы, мальчишки, выбегали им навстречу, а они нас обстреливали. Мы разбегались и прятались среди колосющейся пшеницы и ржи в надежде, что это нас спасет. Во время оккупации нас несколько раз пытались куда-то вывезти. Выгоняли из домов, строили, выставляли охрану. И вот только они нас построят, как тут же начинается бомбежка! Так было три раза подряд, когда нас бомбили и обстреливали наши самолеты. Мы все разбегались кто куда! Помню, я прятался в капонирах для танков и итальянских машин, мы их называли безносыми. Когда я там сидел, мне казалось, что осколки летят в меня отовсюду. В один из таких налетов сгорели хуторские конюшни. Там были мулы, они кричали, как люди...

Детский дом

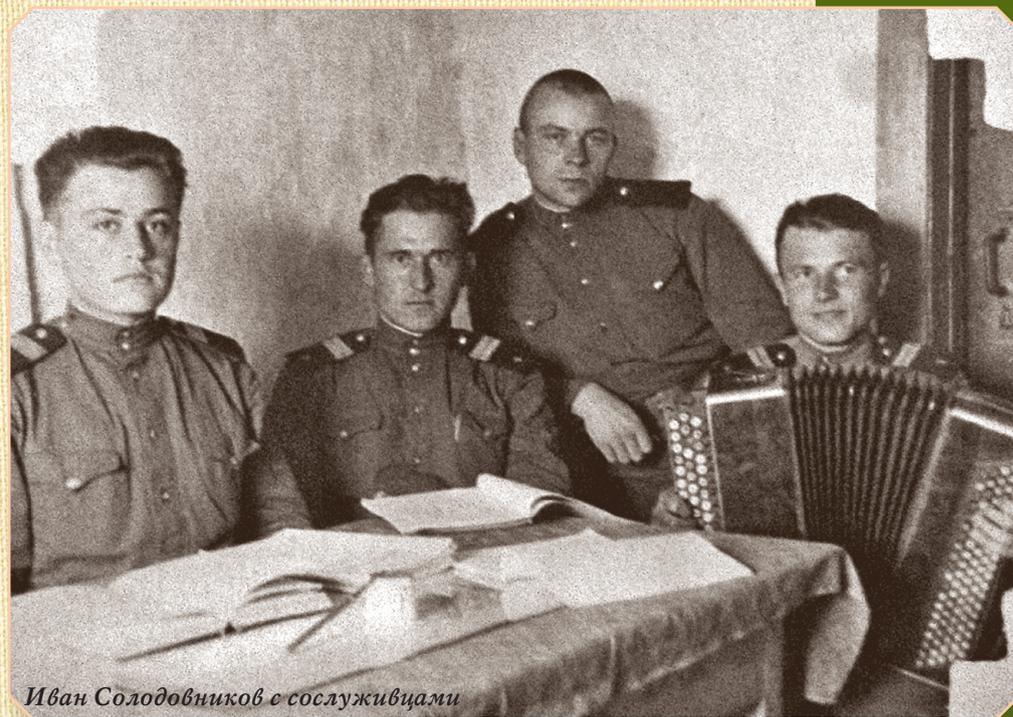
В 1943 году нас освободили. На тот момент мы жили с бабушкой, мамы не было уже несколько лет, она умерла от крупозного воспаления легких перед войной, а отец ушел на фронт. Нашу хорошую рубленую избу забрали под почту и штаб, а мы поселились в саманном сарае. Не знаю, как мы пережили бы ту зиму, но помог наш родственник по фамилии Лымарев. Меня и трех моих братьев и сестер он устроил в детский дом имени Сталина в городе Павловске-на-Дону Воронежской области. Чем мы там занимались? Учились и работали. У нас было свое подсобное хозяйство, выращивали свиней. В ведении дяди Миши Пришутова находились волы и лошади, и мы на них возили дрова, которые сами и заготавливали. Помню, был такой холод, что на перьях наших ручек во время урока чернила замерзали. Девочки наши вышивали, вязали, шили кисеты, носовые платки. А мы, парни, занимались столярным делом. А еще у нас в детдоме был сад, который мы обихаживали, а в совхозе «Безбожник» помогали выращивать тутовый шелкопряд. Женщины, которые там работали, рассказывали нам, что из этого волокна будут делать парашюты для советских солдат.

Воспоминания

В моей памяти сохранилось много воспоминаний о детском доме. В школу я ходил самостоятельно, воспитатели меня не провожали и не встречали, и вот как-то иду я, на мне ботинки по ленд-лизу, перчаточки, пальтишко. А там был кирпичный забор. И этому дурню, Ване Солодовникову, то есть мне, приспичило через него перелезть. Полез, сорвался, упал и здорово поранил себе руку. А еще там была бабушка интересная, она нас, детдомовских, очень любила. Обычно она на улице торговала конфетами, которые сама делала из сахара, и нас всегда угощала. А мы ее называли Извергиль вместо Изергиль. Не знаю почему, она добрая была.

Победа

9 мая 1945 года мы были в детском доме. Рано утром пришла наша любимая воспитательница, старшая пионервожатая Александра Тихоновна Ружникова. Мы еще спали, а она нас разбудила и сказала, что кончилась война. Мы бросали подушки, кричали, а потом оделись и побежали в кино-театр Совкино. Там был круглый репродуктор, который называли тарелкой, и мы слышали слова Сталина, который говорил о Победе.

Иван Солодовников с братьями и сестрами

Отец

Мы долго ничего не знали об отце. А в 1947 году пришла особая, страшная похоронка, в которой было сказано, что наш отец, рядовой Солодовников Елисей Антонович, пропал без вести в феврале 1943 года. Мы его оплакивали, а наша бабушка, его мама, не верила, что он погиб, говорила, что раз он пропал без вести, значит, вернется. Но уже здесь, на Сахалине, одна женщина разыскивала своих родственников и нашла сведения о моем отце, который, как оказалось, пропал 25 декабря 1941 года. И я вспомнил, как он нам в самом начале писал, что меняет место службы. Думаю, он и его товарищи просто не успели доехать до фронта...

Мечта о музыке

Окончил я 7 классов, получил аттестат и надумал поступать в военно-музыкальное училище. А у нас воспитателем работала тетя Шура Северинова, Александра Кузьминична, громадная женщина двухметрового роста, с 43-м размером обуви. Она ходила в тапочках, которые ей шили по заказу. И вот эта Александра Кузьминична отвела меня к директору училища. Предстал я перед полковником, седым, могучего сложения, с палочкой, с которой я сам сейчас хожу. Он меня похлопал по плечу и говорит: «Сынок! Ты еще такой молодой, подожди, успеешь окончить институт, а сейчас дай им поучиться!» – и показал на фронтовиков, которые пришли на экзамен. Там, оказывается, конкурс был 15 человек на место, это в 1946 году.

Путь на Сахалин

Так и получилось, что вместо музыкального поступил я в педагогическое училище. Успешно отучился положенные четыре года, и советская власть поступила со мной по совести – распределила на работу. В 1950 году меня и еще человек 100 отправили работать в Бурят-Монгольскую АССР. Мы, дурни, отстали от поезда в Куйбышеве, и на место я приехал на две недели позже. Пришел в министерство просвещения, там нашел своего друга, который привез мой чемодан, и был принят женщиной необыкновенной красоты. И тогда понял, что хочу жениться на такой, как она, и обязательно черненькой. Но на Сахалине встретил Алевтину Васильевну, которая была очень красивая, но беленькая. На остров я приехал служить в армии, демобилизовался в 1955 году и устроился учителем в Троицкую школу. Там познакомился с будущей женой, и там прошла моя жизнь.

Восьмилетняя школа в Аниве

Анивский район

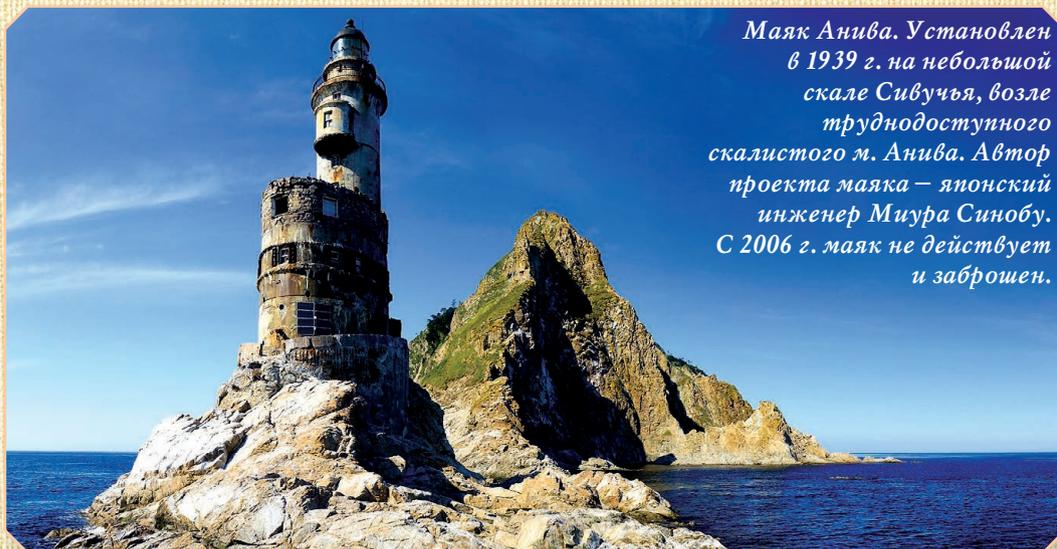
До 3 сентября 1945 года Анивский район принадлежал Японии. Носил название «уезд Рудака». На 1 августа 1945 года территория района составляла 1495,7 кв. км. Жили здесь чуть более 12 тысяч японских граждан.

В октябре 1947 года был создан Анивский районный Совет депутатов трудящихся. На территории района были образованы сельские Советы: Петропавловский, Рыбацкий, Таранайский, Кирилловский, Ульяновский, Хвостовский, Атласовский, Брянский.

Первые переселенцы прибыли в район в 1946 году из Брянской, Калужской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Владимирской, Кировской и Ивановской областей. Сразу по их прибытии создавались рыбо-ловецкие и сельскохозяйственные объединения. В районе развивались сельское хозяйство и промышленность. Действовали четыре лесозагото-

Советская поздравительная открытка. 1970-е гг.

Маяк Анива. Установлен в 1939 г. на небольшой скале Сивучья, возле труднодоступного скалистого м. Анива. Автор проекта маяка – японский инженер Миура Синобу. С 2006 г. маяк не действует и брошен.

вительных пункта с производственной мощностью 30 тыс. куб. метров древесины в год. Работали 7 крахмальных предприятий кустарного типа, копильный цех, два молочно-маслодельных завода, 3 мельницы, фарфоровый завод. Посевная площадь исчислялась 3667 гектарами. В то время перед районом остро стоял вопрос об освоении новых земель за счет неудобных, заболоченных земель путем проведения мелиоративных работ. Большое место в плане посевных площадей занимали картофель и овощные культуры. На берегу Анивского залива было расположено 2 рыбокомбината, которые в своем составе имели 4 рыбозавода и 5 рыбобаз, один консервный завод.

В 1947 году в районе проживало 12304 человека, в том числе русских – 3845 человек, японских граждан – 8070 человек, корейцев – 385 человек, других национальностей – 4 человека.

Алевтина Васильевна СОЛОДОВНИКОВА

Родилась 2 мая 1932 года в деревне Чикишане Оричевского района Кировской области. Во время войны работала в колхозе, участница трудового фронта. В 1947 году семья переехала на Сахалин, войдя в число первопоселенцев села Троицкого, где сменили японских жителей. Два года отработав в колхозе им. Кирова, поступила в Южно-Сахалинское педагогическое училище. Окончив его в 1953 году, начала преподавать в начальных классах Троицкой школы, отработав там в общей сложности 44 года. Автор двух книг о переселенцах села Троицкого: «На край земли с мечтами» и «Они были первыми».

*Чикишева Алевтина Васильевна.
Студентка Южно-Сахалинского
педагогического училища. 1950–1953 гг.*

Чикишане

Находилась наша деревня в 12 километрах от райцентра Оричи. Одна улица, три десятка рубленых домиков, ни света, ни радио. Родители мои – крестьяне, в семье было пятеро детей. Детство у нас было счастливое. Мы любимые, с любящими родителями. В начале 30-х в нашем районе прошла коллективизация, как везде, были перегибы, колебания в сознании людей. Но к 40-му году колхозы окрепли, и люди поверили, увидели преимущества коллективного труда перед индивидуальным. Если бы не война...

Война

Мы не слышали объявления о войне, но видели, как встревожены взрослые, тайком от нас шепчутся. Наконец, под вечер проскакал по улице нарочный, все побежали к колхозной конторе. Была зачитана телефонограмма о начале войны. Все плакали. Взрослые говорили, что мы должны работать еще лучше, помогая Красной армии победить врага. Только вот мы, ребенки, как у нас говорили, не чувствовали серьезности положения, горланили «всколыхнется страна, велика, сильна, и врага разобьем мы жестоко». Мы верили, что так и будет.

Родилась 2 мая 1932 года

Другая жизнь

Началась другая жизнь. Проводили на фронт первых мобилизованных торжественно, с гармошкой. Потом это происходило обыденно. Призвали и нашего отца, отправили на Дальний Восток. Он участвовал в боевых действиях против Японии в августе-сентябре 1945 года. Потом призвали в трудовую армию мужчин непризывного возраста. Забрали сильных молодых лошадей. Мы, те, кто остались – женщины, дети, работали в колхозе. Я на тот момент окончила 4 класса и пошла работать на молотилку, потому что рабо-

чих не хватало. Девушек агитировали ухаживать за ранеными в госпитале, который разместился в школе в райцентре. Изнуренные тяжелой работой на колхозных полях, некоторые соглашались, но там их поджидала другая беда. Они молодые, и солдатики раненые молодые. Первая любовь. Он уходит на фронт, погибает, девушка возвращается домой беременная. А в деревне нравы строгие, и жизнь у девушки испорчена...

Голод

Голод мы ощутили рано. Осенью 1942 года увеличили план сдачи зерна государству. Хлеб нужен фронту, это понимали все. Помогали выжить приусадебные участки, а еще мы знали растения, которые можно было есть. Ранней весной собирали хвощ полевой, сушили его и превращали в муку. А щавель! Мы несли его домой сумками, тушили на большой сковороде с диким луком, мама эту зелень посыпала сверху горстью муки. Таким же образом готовили и крапиву, ели малиновые еловые цветы, внутреннюю кору сосны и, конечно же, грибы и ягоды.

Эвакуированные

Эвакуированные – новое и трудное слово. Проще – беженцы. Работая на полях, мы увидели обозы, где на телегах сидели люди с вещами. Услышав нерусскую речь, встревожились. Оказалось, беженцы из Прибалтики. Три семьи появились и в нашей деревне. Это были эстонцы. Они хорошо говорили по-русски, сразу включились в работу. Эстонки хорошо пряли, вязали, и наши женщины многому у них научились. В 1942-м появились беженцы из Ленинграда. По их одежде было понятно, что они не знают крестьянского быта. Прожив с нами зиму, весной 1943-го они незаметно, как и появились, уехали. Очевидно, трудоустроились в другом месте.

Фотохроника ВОВ

Победа

Этого дня мы ждали и часто повторяли: «Вот кончится война...» Наконец-то дождались, но особого праздника в деревне не получилось, а была, как в песне, «радость со слезами на глазах». Слишком много горя. У одних похоронка в доме, у других – извещение «пропал без вести». Каждый про себя и вслух плакал о своем. Соседка

Солодовникова с подругами
в педучилище

А.В.Солодовникова, 1960-е гг.

Марийка горевала, что ее сынок Миша так и не успел поносить суконных штанов. Обычно их парню справляли, когда он вырос, а до этого носил штаны из льняного домотканого полотна. В них Миша и ушел на фронт... Но для нашей семьи война еще не закончилась. Отец вернулся домой только в ноябре 1945 года.

На Сахалин!

Мы были счастливы, но только в своей семье. Изнуренные трудом, голодом, беспросветной нуждой женщины-вдовы в сердцах говорили немногим мужчинам, вернувшимся с фронта: «Наши мужья головы сложили, теперь вы работайте за них и за себя». Трудились за пределами возможного, отец голодал, начал пухнуть. В августе 1947 года встретил сослуживца, поговорили о том, что не сбылись их мечты о спокойной, сытой жизни, и тот сказал отцу о переселении в Кенигсберг. Папа пошел записываться, но оказалось, что в Кенигсберг люди уже набраны, можно на Сахалин. И он записался.

Переселение состоялось

24 сентября мы выехали из Чикишан, а на Сахалин прибыли только 17 ноября 1947 года. Выгрузились в Корсакове. До этого десять дней плыли из Владивостока на грузовом пароходе «Шатур Строй» в трюме. В Тойохару отправились на поезде. Он нас поразил. Это были не вагоны, а вагончики. Уселась с узлами, паровозик просвистел детским голосом, и мы поехали! Выгрузились в Намикава (так тогда называлось Троицкое), две ночи провели в спортивном зале, а потом заселились в домик, откуда выезжала японская семья. Так началась наша жизнь на Сахалине...

Послесловие

История семьи Алевтины Васильевны и жизнь переселенцев в Троицком очень подробно и интересно описаны в ее книге «На край земли с мечтами». Это удивительный документ, уникальные воспоминания о событиях того далекого времени.

А.В.Солодовникова с учениками, 1950-е гг.

Отрывки из книги Алевтины Солодовниковой «На край земли с мечтами»

Хоть гирше, да инше
(украинская пословица)

В ноябре 1945 года наш отец вернулся с войны. Мы были счастливы, но только в семье, между собой могли выразить это чувство. У других ведь отцы погибли. В деревню еще вернулся Чикишев Иван Иванович. Это он впервые проехал на тракторе по деревенской улице, удивляя соседей. А сейчас он бравый военный с орденом Красной Звезды и боевыми медалями. Возвращаясь с войны домой, наши отцы мечтали работать так, чтобы семьи не голодали...

Дома отец рассказал о встрече, неуверенно предложил: «Может, и нам попытать счастья на стороне?». Мама возражала, но утром отец все-таки пошел в сельсовет. Вернулся и сказал, что в Кенигсберг переселенцев уже набрали и он записался на Сахалин. Все, кроме мамы, обрадовались. На стол положили учебник по географии СССР с физической картой. Вот Киров, а вот Сахалин, ого! Это железная дорога, а это океан. С тех пор мы жили мечтами, рисуя в воображении с детской фантазией картины путешествия.

Ура! Мы едем на Сахалин!

Видим, что родители не разделяют наше радостное настроение. По детской наивности мы не представляли всей серьезности решения, нас манило все новое. Узнали, что из нашей деревни едут три семьи, а в километре от нас из деревни Бахтери едут две семьи. Все мы знакомы. Продолжаем работать в колхозе, дел много. Но к отъезду готовимся, обсуждаем с переселенцами, что необходимо взять, как упаковать. Старшие в семьях получали паспорта в районном центре, ходили пешком по 12 километров. Сдали коров и получили квитанцию, по которой обещали выдать равноценную на новом месте. Всем тревожно. Наступил день отъезда, 24 сентября.

Этот День Победы порохом пропах,
это радость со слезами на глазах...

Общее горе объединяет. Все готовы выслушать друг друга, как-то утешить. В душе каждый надеялся на чудо, может, это ошибка и вернется ее сыночек, ее муж. И опять повторяют: вот у Фомичей (деревня) пришла похоронка, а он вернулся раненый. Хотя слабая, но надежда. В деревне долго радоваться и горевать нельзя, ждут неотложные дела и заботы.

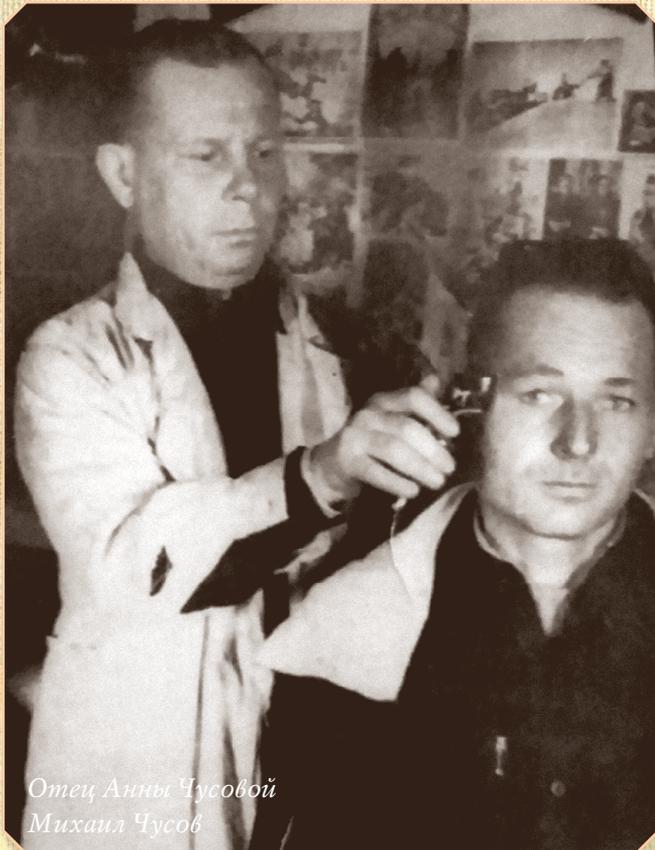

Александра Михайловна ЧЕРНОУСОВА

Родилась 8 декабря 1940 года в Приморском крае (бухта Ольга). Выросла в многодетной семье. Ребенок войны. После завершения Великой Отечественной войны семья по вербовке приехала на Сахалин. Живет в Углегорске.

Свердловск. Госпиталь

Шел 1944 год. Мне тогда было всего четыре. Семья наша жила очень бедно в небольшой деревеньке под Пензой. Вместо дома – сырая землян-

Отец Анны Чусовой
Михаил Чусов

ка. От голода у меня развился рахит, руки и ноги были тоненькими, как карандашики, лысая голова и большой живот. Хорошо запомнилось, как отец в солдатской форме приехал с фронта домой. Его демобилизовали по ранению и на шесть месяцев отправили в свердловский госпиталь, а после дослуживать в Свердловск. Вместе с ним поехали я и старший брат Виктор. Отец забрал нас с собой, чтобы подлечить меня в госпитале, а Витю он брал на службу. Больше двух человек привезти не разрешалось, поэтому мама с бабушкой и братом Петей остались в родной деревне.

В Свердловске мы сняли то ли дом, то ли квартиру. Я запомнила только большую комнату, в которой оставалась, бывало, совсем одна. Отец служил в части, расположенной на другом берегу реки. В это время за нами присматривала папина сестра, тетя Нюра. Помню, папа сажал меня на санки и бегом до госпиталя. А однажды даже потерял меня: вез-вез, оглянулся – батюшки, а санки пустые и только закутанный сверток в сугробе пищит.

Никогда не забуду, как отец впервые привез меня в госпиталь. Всюду были врачи в белых халатах, которых мы с братом отродясь не видели. Я как закричала: «Папа, куда ты меня привез?» Отец успокоил, сказал, что ничего страшного не случится, и сказал идти на кварцевание. Так лечили мой рахит. Потом отец раздобыл рыбий

Родилась 8 декабря 1940 года

жир и велел его пить. Вскоре я поправилась. Но бесследно голодное детство не прошло, позже сказало на здоровье.

Конец войны я вспоминаю с трудом. 9 мая 1945 года мне было всего четыре с половиной года. Но я помню свое восприятие того дня, все это на уровне ощущений – тогда что-то поменялось в настроении людей, они воспряли, радостно и торжественно стало кругом. А почему и что конкретно произошло, я до конца не понимала. Но знала, что произошло нечто важное для всех нас.

Мирная жизнь

Наступил 1946 год. Уже будучи постарше, от брата Виктора я узнала, что отец передал кусок хлеба пленному, однофамильцу моей мамы Синяеву, приняв его за родственника. За ним пришли двое в португезах, шинелях, на головах фуражки, сумка через плечо. Эти двое сказали:

– Ты арестован!

Отец не сопротивлялся, только попросил:

*Дети поливают овощи
на балконе детского дома.
Ленинград, 1942 г.*

– Можно я напоследок дам детям по куску хлеба?

Отрезал хлеб, полил его сверху душистым растительным маслом, посыпал солью и отдал нам. Встал на колени, обнял меня с братом и тихо заплакал. Тут же его увели. С кем мы остались, я не помню. А однажды ночью отец вернулся и сказал, что нужно быстро уходить. Не забуду, как мы оврагами, по траве, по крапиве ползли, чтобы нас не заметили. В это время караул на лошадях прочесывал округу. Отец нам шепотом говорит: «Прижмитесь к земле, тихо лежите!» Так мы доползли до железной дороги. Потом шли пешком, почти добрались до деревни, и вдруг перед нами начали зажигаться огни.

Разве я понимала тогда, что у людей и свечек-то в избах не было, и не огни это вовсе. Помню, как обрадовалась и сказала отцу: «Пап, смотри, сколько огонечков!» А он в ответ: «Дочка, это не огни, это волки нас окружили».

Отец посадил меня на горбушку и сказал: «Держись, дочка, что будет, то и будет, а идти надо. От двуногих волков отбились, может, и эти не тронут!» Волки действительно нас не тронули. Уже ночью добрались до своей деревни. Постучались в избушку, где нас ждали родные. Снова мы были все вместе.

Вербовка на Сахалин

В деревне мы прожили еще два года. Голод и нужда одолевали невыносимо. Спасала коза. Бабушка Наталья надоит кружку молока, напоит Валю. А мы с Витей и Петей бегали босые по деревне, милостыню просили, да на полях гнилую картошку собирали. Лучший кусочек тоже Вале отдавали, она самая маленькая была. Родители трудились в совхозе, только денег им не платили. Однажды отец пришел домой и говорит:

– Надо уезжать.

А мама ему со слезами:

– Куда, у нас ведь дети совсем маленькие?

Отец ей отвечает:

– Идет вербовка на Сахалин. Собирайся, мать. Иначе мы здесь погибнем.

Дорога на Сахалин

Тем, кто уезжал по вербовке на Сахалин поднимать остров после военной разрухи, предлагали работать на стройках, лесопилках, в совхозах. Родители собрали скромные пожитки, и поехали мы в Пензу. В управлении дали подъемные. На эти деньги купили одежду, какую-то еду и отправились на далекий остров.

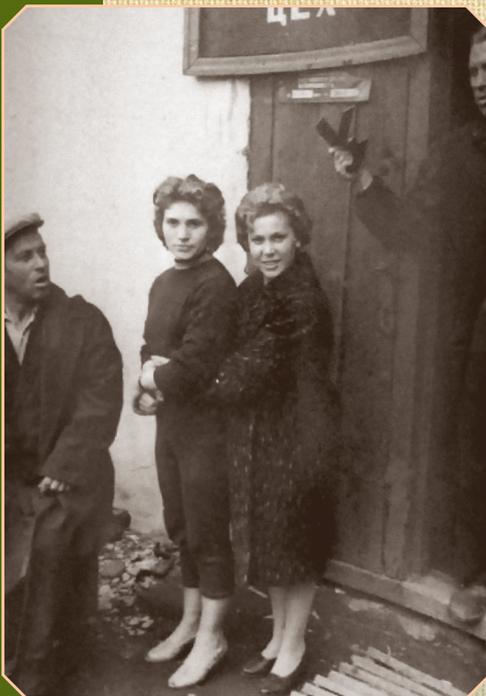
Около месяца ехали в деревянном товарняке. Если в каком-то из городов была баня, можно было помыться. Все грязные были, вшивые, страшно вспомнить! Всю одежду, пока люди мылись, отправляли в жаровню. А кормили нас, как военных, – разносили по вагонам котелки с кашей. Одним словом, худо-бедно, постепенно приближались к Сахалину.

Японские военнопленные в лагере. 1945 г.

*Ремстройцех.
Трудовые
будни,
1960-е.
Александра
Черноусова
(крайняя
справа)*

В сентябре добрались до Владивостока. Там нас погрузили на пароход и отправили в Углегорск. А когда нас пересаживали с парохода на баржу, Валя упала за борт и чуть не захлебнулась. Какой-то мужичок вовремя подоспел.

На берегу нас уже встречали. На острове тогда жили бывшие каторжане, а нас называли переселенцами. Прибывших с материка развозили по поселкам, нас направили в Медвежье. Поселили в бревенчатом японском доме. Когда вошли внутрь, первое, что бросилось в глаза, – печка и раздвижные двери. Я маме говорю: «Ой, сколько здесь добра!» Мама не велела ничего трогать, сказав, что все вещи почему-то посыпаны отравой. Так они и лежали нетронутыми. Возможно, детская память искажала реальность, но я запомнила, что в нашем новом жилище была всего одна большая комната. А сам дом являлся какой-то бывшей японской резиденцией.

Русско-японский «диалект»

Когда мы переехали на Сахалин, мне уже было семь лет. Самые яркие воспоминания с этим периодом у меня связаны с японцами. Хотя и был уже 1948 год, их на острове осталось немало. Жили они здесь же, по соседству.

*с. Краснополье, 1950 год.
С родителями, братьями
и сестрой (Александра –
крайняя справа)*

С нами были приветливыми, но все же закрытыми людьми.

Мимо нашего дома постоянно ходил японец в форме. Однажды он подошел к маме и говорит: «Отдай мне сына, у тебя их вон сколько!» Мама руками всплеснула: «Ты что, ты что! Как это ребенка родного отдать?» И прогнала его.

Учились мы в Краснопольской школе. С японскими детьми мы дружили. Они были добродушными, хорошими ребятами. Мы их учили русскому языку, они нас – японскому. И разговаривали мы друг с другом на русско-японском «диалекте».

Краснополье

Игрушки у нас были такие интересные: фарфоровые куклы, статуэтки. Когда японцев вывозили с Сахалина, они много своего добра закопали. На одного человека разрешалось брать всего 16 кг вещей. Что с собой взять не могли, прятали. Видимо, надеялись еще вернуться.

Вскоре наша семья переехала в Краснополье. Обзавелись огородиком и скромным хозяйством: курочки, поросенок. Мы, дети, подрабатывали на опытной станции, где выращивали овощи.

В Углегорск переехали уже в 1955 году. Заселились в двухэтажный дом, он стоял на месте нынешней городской бани. Папы не стало, когда ему был 41 год. Военная контузия укоротила его годки. А что было дальше с каждым из нас, в двух словах не расскажешь.

Я окончила строительное училище в Шахтерске, получила специальность штукатур-маляря. Работала в Шахтерском стройуправлении, позже в Углегорске на целлюлозно-бумажном заводе, затем на ТЭЦ. Трудилась и на фильтровальной станции лаборантом-хлораторщиком. Вырастила двоих детей, есть внуки, которым рассказываю нашу семейную историю.

Репатриация: как это было

Согласно правилам уезжающим японцам можно было взять с собой не больше 1000 иен (советские рубли вывозить запрещалось), 100 килограммов багажа на главу семьи и по 50 килограммов на других членов семьи. В феврале 1946 года Госбанк изъял из обращения японскую валюту, заставив обменять ее на рубли по курсу 1 рубль к 5 иенам. На иены советские власти закупили в Маньчжурии продовольственные запасы с гаоляном, чумизой, соей, пайзой и рисом.

Переправка японцев осуществлялась через лагерь в портовом городе Маока (ныне – Холмск). Зачастую людей перевозили не в пассажирских, а товарных вагонах. Иногда возникали проблемы с нехваткой мест в лагере. Самый популярный среди мигрантов конец пути – Хоккайдо. В островном

центре Саппоро находился американский приемный пункт, где японцы проходили дезинфекцию.

Переселение нельзя было делать быстро, так как кому-то требовалось поддерживать инфраструктуру островов. Впоследствии возникла

ИЗ ПИСЬМА ЖИТЕЛЬНИЦЫ САХАЛИНА Маэда Иосики:

«...Мы не обслуживаем уже мужчин, наши дома закрыты. Всех нас устроили на работу и платят одинаково, как и мужчинам. Никто нас не трогает. Теперь мы живем, как и русские женщины, даже устраиваем с ними спортивные игры».

проблема – у власти не получалось восполнить потерю количества населения. Японцы уезжали быстрее, чем с материка завозили новых жителей. В 1946 году на остров переехали только 4 тысячи семей, в основном из Центральной России (треть из них работали в рыбной промышленности). План по восстановлению хозяйства в срок оказался под угрозой.

Несмотря на репатриацию, некоторые местные жители решили остаться – в Японии с экономикой на тот момент были проблемы. Японцам предлагали заключить контракты для работы в СССР в течение 2–3 лет. Этому способствовала просоветская агитация – небольшая часть японской интеллигенции занималась чтением лекций среди местного населения. Кроме того, условия работы и жизни для необеспеченных японцев улучшились с приходом советской власти – для многих это было стимулом остаться.

Оставшимся японцам платили по довоенным нормам, также с них собирали налоги. Как и советские граждане, японцы имели право на бесплатное образование и медицинское обслуживание (в самой Японии услуги врачей были платные). Рабочий день длился восемь (а не 12–14) часов, они могли уходить в отпуск. По словам главы гражданского управления Дмитрия Крюкова, от Сталина исходило прямое указание относиться к местному населению как можно лояльнее.

ГОРОДА САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

ВАХРУШЕВ

Вахрушев (до 1946 года – Кусунокияма) – посёлок городского типа в Поронайском городском округе Сахалинской области. Население – 1805 чел. (2017). Основан в 1939 году как японский посёлок Кусунокияма (яп.) в связи с началом разработки угольного месторождения. В 1947 году посёлок был переименован в Вахрушев в честь бывшего министра угольной промышленности СССР

В. Вахрушева.

Со 2 октября 2006 года приобрел статус «Городской округ «Вахрушев». Промышленность городского округа представлена угольной и пищевой отраслями. На территории муниципального образования расположены три угольных предприятия. В сумме они добывают более 1 млн тонн угля в год.

ТОМАРИ

Томари – административный центр Томаринского городского округа. Население – 3774 чел. (2017). Город расположен на юго-западном побережье Сахалина, в 167 км от Южно-Сахалинска, в горной приморской долине реки Томаринка. Основан в 1870 году русскими поселенцами. В 1905–1945 годах находился в составе Японии. В 1945 году по итогам Второй мировой войны был возвращён России.

До 1946 года назывался Томариору (яп.) – «в заливе» (айнское: tomari «залив, бухта», ого «быть на или на»). При повсеместном переименовании населённых пунктов и географических объектов Южного Сахалина в 1947 году ему единственному было сохранено старое название. Основные виды деятельности: рыбодобыча и рыбообработка, угледобыча, лесозаготовка.

СЕВЕРО-КУРИЛЬСК

Северо-Курильск – административный центр Северо-Курильского городского округа.

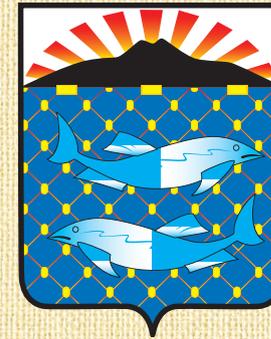
Население – 2587 чел. (2017). На месте современного Северо-Курильска когда-то находилось поселение айнов, самое крупное на острове Парамушир, сам же остров числился в составе Российской империи. 26 января 1855 г. между Россией и Японией был заключен Симодский договор, в соответствии с которым Курильские острова севернее острова Итуруп были объявлены владениями России, Япония получила острова Итуруп, Шикотан, Кунашир и Хабомаи. Японская история северных Курил закончилась с окончанием Второй мировой войны. 18 августа 1945 г. на Парамушире высадились советские десантные части. После пяти дней боев остров был освобожден.

ТЫМОВСКОЕ

Тымовское – посёлок городского типа в Сахалинской области в центральной части острова Сахалин на берегу реки Тымь. Административный центр Тымовского городского округа.

Население – 7460 чел. (2017). В 1880 году было основано селение Дербинское, названное по имени смотрителя тюрьмы Дербина и оставалось таким вплоть до 40-х годов прошлого века. Позже Дербинское стало местом поселения для отбывших срок каторжан. Интересно, что документ о капитуляции в Русско-японской войне 1905 года был подписан в Тымовском, в результате весь округ достался Российской империи. В 1949 году село было переименовано в Тымовское по названию реки Тымь. Статус посёлка городского типа появился в 1963 году.

ЮЖНО-КУРИЛЬСК

Южно-Курильск (до 1946 г. – Фурукамаппу, айн., Фурукамаппу, яп.) – посёлок городского типа, расположенный на острове Кунашир (на юге Курильских островов), на берегу Южно-Курильского пролива. Административный центр Южно-Курильского городского округа Сахалинской области.

Население – 7518 чел. (2017). Кунашир был занят советскими войсками 1 сентября 1945 года в результате Курильской десантной операции. Рота автоматного батальона 113-й стрелковой бригады 87-го стрелкового корпуса 2-го Дальневосточного фронта высадились возле Фурукамаппу, на берегу их ждал с белым флагом командир японского батальона – располагавшийся там гарнизон капитулировал без боя. 2 февраля 1946 г. остров был включен в состав Южно-Сахалинской (ныне – Сахалинской) области СССР.

КУРИЛЬСК

Курильск (до 1947 г. – Сяна, яп.) – город на острове Итуруп. Административный центр Курильского городского округа. Население – 1547 чел. (2017).

Город расположен на острове Итуруп (Курильские острова). Основной род занятий местного населения – рыболовство, рыбоводство и рыбообработка. В нескольких километрах от Курильска находится морской порт, а также порт траулерного флота – в поселке Рейдово, рыбозавод по воспроизводству горбуши, сейсмическая станция, метеостанция, станция предупреждения о появлении цунами, краеведческий музей. В 56 км от Курильска находится военный аэропорт «Буревестник», а 22 сентября 2014 года на острове открыт аэропорт гражданского пользования «Итуруп». Поселение было основано в конце XVIII века русскими землепроходцами, называлось Шана, в буквальном переводе с айнского «большое селение в нижнем течении реки». В 1855 г. Итуруп отошёл Японии по Симодскому договору в составе Южных Курил, в 1945-м взят Красной армией и включён в состав СССР.

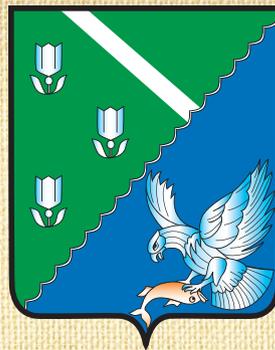

НОГЛИКИ

Ноглики – посёлок городского типа, административный центр муниципального образования «Городской округ «Ногликский» Сахалинской области. Население – 10 005 чел. (2017). Расположен на северо-востоке острова Сахалин, на правом берегу реки Тымь, в 9 км от её впадения в Ныйский залив Охотского моря. Считается, что название это этноним, обязанный своим происхождением самоназванию одного из родов сахалинских нивхов «Ноглан», и отсюда выводится историческое название их стойбища – «Ноглво», или в русифицированном варианте «Ноглики». С 21 апреля 1920 года по 15 мая 1925 года посёлок был оккупирован японцами.

В годы Второй мировой войны ногликские нефтяники оказали большую услугу фронту в нефти. На топливе держалась вся армия. Девиз нефтяников севера Сахалина, в том числе и ногликских: «Больше нефти для наших танков, самолётов, кораблей!»

Статус посёлка городского типа – с 1960 года.

ДОЛИНСК

Долинск – город (с 1946 г.) в России, административный центр городского округа «Долинский» Сахалинской области. Название городу дано Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июня 1946 года. Население – 11 708 чел. (2017).

Населённый пункт был основан в 1884 году как село Галкино-Врасское. В 1905 году отошёл к Японии, возвращён СССР в 1945 году. С 1905 по 1946 год назывался Отиай (яп.), затем получил статус города и имя «Долинск».

В 1867 году на месте сегодняшнего города находился военный пост Найбучи — в устье реки Найбы, возле двух айнских сёл Сианчи (иногда называется Сиянци) и Отакое (сейчас называется Такое). В 1905 г. село отошло к Японии. В августе 1945 года было возвращено в СССР. В годы советской власти ведущее место в экономике города занимала целлюлозно-бумажная промышленность. Долинский завод являлся одним из крупнейших бумажных заводов СССР и производил различные виды бумаги для всей страны.

УГЛЕГОРСК

Углегорск – город в России, административный центр Углегорского района Сахалинской области. Во времена японской оккупации Южного Сахалина именовался Эсуторо. Население – 9 597 чел. (2014).

Традиционно основу экономики города составляют предприятия угледобывающей отрасли, разрабатывающие угольные шахты и разрезы в окрестностях. Со времен японской оккупации в городе действовал целлюлозно-бумажный комбинат, работавший на древесине из лесов центральной части Сахалина. На территории города расположен морской порт Углегорск, являющийся терминалом морского порта Шахтёрск.

В Углегорске существует ряд предприятий пищевой промышленности (хлебозаводы, завод пивобезалкогольных напитков) и предприятие по добыче и переработке рыбы и морепродуктов, работающее на прибрежных ресурсах. Вблизи города – ряд сельхозпредприятий, занимающихся растениеводством и мясомолочным животноводством.

МАКАРОВ

Макаров – город в России, административный центр Макаровского городского округа Сахалинской области. Население – 6717 чел. (2017).

По некоторым данным, населённый пункт был основан в 1892 г. как село Селютора, что означает в переводе с айнского «деревня на суше». В 1905 году в результате поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг. южная часть острова отошла к Японии. Японцы построили в Селюторе целлюлозно-бумажный завод, шахту и другие предприятия. Селение стало городом, его японское название – Сиритору. После окончания Второй мировой войны – в составе России.

В 1946 г. был переименован в Макаров в честь русского флотоводца и океанографа адмирала Степана Осиповича Макарова. В советское время в городе успешно функционировали пищекомбинат, мясомолкомбинат, хлебокомбинат, совхоз «Макаровский». Основными градообразующими предприятиями были Макаровский целлюлозно-бумажный завод и шахта «Макаровская».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Безрук Мария Васильевна.....	6
Ваганова Мария Демьяновна.....	10
Историческая справка: г. Южно-Сахалинск.....	13
Ветров Алексей Васильевич.....	14
Историческая справка: памятник сахалинцам – жертвам политических репрессий.....	17
Гаврилов Вячеслав Васильевич.....	18
Гераськин Василий Дмитриевич.....	22
Добрыдин Тихон Степанович.....	24
Жарников Петр Севастьянович.....	26
Журавлев Иван Григорьевич.....	28
Кандрашин Александр Михайлович.....	32
Ковальчук Михаил Иванович.....	34
Колонюк Григорий Еремеевич.....	36
Кручинкин Дмитрий Андреевич.....	38
Лукомский Анатолий Иванович.....	40
Историческая справка: г. Холмск.....	43
Меняев Анатолий Николаевич.....	44
Нелюдимова Марина Ивановна.....	46
Историческая справка: г. Корсаков.....	49
Пятницкая Лидия Алексеевна.....	50
Историческая справка: г. Оха.....	53
Сичкарь Владимир Федотович.....	54

Ховалкин Василий Иванович.....	60
Яковлев Михаил Ефимович.....	62
Историческая справка: пгт. Смирных.....	65
Историческая справка: подвиг Смирных.....	66
Гончар Анастасия Егоровна.....	68
Историческая справка: г. Поронайск.....	71
Мурая Антонина Васильевна.....	72
Барковский Илья Александрович.....	76
Дударова Зиновья Ивановна.....	80
Историческая справка: г. Александровск-Сахалинский.....	83
Кан Максим Ехенович.....	84
Историческая справка: г. Невельск.....	87
Пантелеев Александр Алексеевич.....	88
Антипенко Александр Иванович.....	94
Браташова Ида Ивановна.....	96
Скалецкий Юлий Антонович.....	100
Смирнов Николай Григорьевич.....	104
Солодовников Иван Елисеевич.....	108
Историческая справка: Анивский район.....	111
Солодовникова Алевтина Васильевна.....	112
Черноусова Александра Михайловна.....	116
Историческая справка: репатриация: как это было.....	119
Историческая справка: города Сахалинской области.....	120

*Великой Победе,
70-летию Сахалинской области
посвящается*

